

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 5 • Том 64 • 2023 • СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

А г и ш е в С.Ю. Завещание короля Сверрира и политическая борьба в Норвегии на рубеже XII–XIII вв.	3
М и р о н е н к о С.В. К истории тайной политической полиции России в первой четверти XIX в.	28
Б о р и с ё н о к Ю.А., Б а б о ш а И.А. Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский польский центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемпковского (1867–1870 гг.)	35
А д а м о в а Н.Э. Образы российского панславизма в британских парламентских дебатах в начальный период Восточного кризиса 1870-х годов	49
П о п о в а А.Д. «Так нежно плещет на вас изумрудная зыбь...»: повседневная жизнь курортников в Крыму во второй половине XIX — начале XX в.	72
Л и ф ш и ц А.Л., М е н ц и н Ю.Л. Поэма «Песнь о рефракторе»: научный юмор в контексте связей российских и немецких ученых на рубеже XIX и XX вв.	94
К и р и л л о в А.К., С в и р е п о в А.И. Между Сциллой уравниловки и Харибдой неравенства: оплата труда на Алтайской железной дороге в 1917 г.	108
Ц я н Ю э, К и ч и к К.В. О подготовке в СССР кадров для китайской революции (об истории Школы иностранных языков в Юянли)	125
Х р у л ё в а И.Ю. Региональное и центральное измерение государственной политики памяти в позднесоветский период	145
С а л и е н к о А.П. Семантическое наполнение концепта «конь»/«лошадь» в русском искусстве первой трети XX в.: «лошадь как лошадь» и «все мы немного лошади»	155

CONTENTS

A g i s h e v S.Yu. King Sverre's Testament and Political Struggle in Norway at the Turn of the 12th and 13th Centuries	3
M i r o n e n k o S.V. On the History of the Secret Political Police of Russia in the First Quarter of the Nineteenth Century	28
B o r i s i o n o k J.A., B a b o s h a I.A. The Activities of the Polish Emigrant Organization "The Republican Polish Center" in the Reports of Russian Foreign Agents J. Balaszewicz and A. Stempkowski (1867–1870)	35
A d a m o v a N.E. Perception of Russian Panslavism in the British Parliamentary Debates in the Beginning of the Eastern Crisis of the 1870s.	49
P o p o v a A.D. "The Emerald Swell is Splashing so Gently on You...": Everyday Life of Resort Residents in the Crimea in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries.	72
L i f s h i t s A.L., M e n t s i n Yu.L. The Poem "Song about the Refractor": Scientific Humor in the Context of Relations between Russian and German Scientists at the Turn of the 19th and 20th Centuries	94
K i r i l l o v A.K., S v i r e p o v A.I. Between the Scylla of Equalization and the Charybdis of Inequality: Labor Remuneration on the Altai Railway in 1917	108
Q i a n g Y u e, K i c h i k K.V. On the Training of Cadres for Chinese Revolution in the USSR (On the History of the Yuanli School of Foreign Languages)	125
K h r u l i o v a I.Yu. Regional and Central Dimension of State Policy of Memory in the Late Soviet Period	145
S a l i e n k o A.P. Semantics of the Concept of "Steed"/"Horse" in the Russian Art Of the First Third of the 20th Century: "A Horse as a Horse" and "We Aare All a Little Bit Horses"	155

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-3-27

С.Ю. Агишев

ЗАВЕЩАНИЕ КОРОЛЯ СВЕРРИРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НОРВЕГИИ НА РУБЕЖЕ XII–XIII вв.

S.Yu. Agishev

KING SVERRE'S TESTAMENT AND POLITICAL STRUGGLE IN NORWAY AT THE TURN OF THE 12th AND 13th CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена политическому завещанию норвежского короля Сверрира (1177–1202), которое он, находясь на смертном одре, оставил своему сыну и преемнику Хакону Сверрессону в «грамоте об управлении государством». Хотя упомянутый документ не сохранился и о его содержании неизвестно ни из одного источника, в литературе традиционно считается, что главное наставление наследнику заключалось в немедленном и безоговорочном примирении королевской власти и церкви, находившихся в острой конфронтации еще с 1130 г. По мнению большинства исследователей, Хакон выполнил завещание отца, что отразилось в его капитулянтском письме к норвежским прелатам. Однако анализ этого письма в тесной связи с другими документами, в которых имеются сведения о событиях того времени, показал, что ни Сверрир, ни его сын не собирались сдавать своих позиций перед епископатом. Напротив, они настаивали на том, чтобы все общественные и политические силы признали их законными правителями Норвегии, а также согласились с полным внутренним и внешним суверенитетом королевской власти. Установлена тесная связь между письмом Хакона к прелатам и «Речью против епископов», составленной в последние годы правления Сверрира, которая стала единственным авторитетным текстом как для самого королевского послания, так и для фракции «королевской партии», стоявшей за его наследником. «Грамота об управлении государством» фактически устанавливала права Хакона Сверрессона на Норвегию как на неотчуждаемое у него наследство (одадь), а за общими благопожеланиями внутреннего мира скрывались конфронтационные по сути предложения. Впервые делается вывод, что акции, предпринимаемые

Агишев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Agishev Sergey Yur'evich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of the Middle Ages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
agisjev@mail.ru

ORCID: 0009-0007-0709-4862

как «церковной», так и «королевской» партий в 1202–1204 гг., заложили не основы последующего слияния этих группировок, как это представляла предыдущая исследовательская традиция, а, напротив, обострили борьбу и между ними, и между фракциями в их составе.

Ключевые слова: средневековая Норвегия, Иннокентий III, Сверрир, Хакон Сверрессон, норвежская церковь, «Речь против епископов».

Abstract. The article examines the political will of the Norwegian king Sverrir (1177–1202), given by him, on his deathbed, to his son and successor Hakon Sverresson in the “charter on state governance”. Although this document has not survived and its content is unknown from any source, it is traditionally believed in the literature that the main instruction to the heir consisted in the immediate and unconditional reconciliation of the royal power and the church, which had been in acute confrontation since 1130. According to most scholars, Hakon fulfilled his father’s will, which is reflected in his capitulation letter to the Norwegian prelates. However, the analysis of this letter in close connection with other documents, which contain information about the events of that time, showed that neither Sverrir nor his son were going to surrender their positions before the episcopate. On the contrary, they insisted that all social and political forces should recognize them as the legitimate rulers of Norway, and accept the full internal and external sovereignty of the royal power. The author proves a close connection between Hakon’s letter to the prelates and the “Speech against the Bishops” (En tale mot biskopene), composed in the last years of Sverrir’s reign. The latter became the only authoritative text for both the royal epistle itself and the faction of the “royal party” behind his successor. The “charter on state governance” actually established Hakon Sverresson’s rights to Norway as an inalienable inheritance (odal), and the general wishes for domestic peace concealed essentially confrontational proposals. The author concludes that the actions taken by both the “ecclesiastical” and “royal” parties in 1202–1204 did not lay the foundations for the subsequent merger of these groups, as the previous research tradition argued, but, on the contrary, aggravated the struggle between them and between the factions within them.

Keywords: medieval Norway, Sverrir, Hakon Sverresson, Innocent III, Norwegian church, “Speech against bishops”.

* * *

Наиболее острая фаза «эпохи гражданских войн» в Норвегии (1130–1240) совпала со временем правления короля-самозванца Сверрира (1177–1202). За три дня до своей смерти, 6 марта 1202 г., этот конунг, находясь в Бергене, велел зачитать (*lét upplesa*) приближенным так называемую «грамоту об управлении государством» (*bréf um skipan rikisins*)¹. Хотя сам документ не сохранился и о его содержании не известно из других источников, в историографии утвердилась следующая точка зрения: Сверрир повелел своему неза-

¹ Сага о Сверрире / Изд. подготовили М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988. С. 182.

коннорожденному 17-летнему сыну Хакону (1202–1203), которого он назвал своим единственным наследником, непременно примириться с церковью (король находился с ней в раздоре относительно объема имущественных прав и свободы выборов епископов), что тот сразу же и исполнил². В это время глава норвежской церкви архиепископ Нидаросский Эйрик Иварссон (1188–1213) пребывал в добровольном изгнании в датском Лунде, находясь там еще с 1191 г. Епископ Ставангерский Ньяль (1190–1207), Хамарский Торир (1190–1196), Бергенский Мартин (1194–1216) и предстоятель на кафедре Осло Николас (1190–1225) в течение нескольких лет, начиная с 1195 г., покидали Норвегию, и в 1199 г., наконец, воссоединились со своим митрополитом. Помимо внутренних разногласий достижению примирения препятствовало то, что еще 6 октября 1198 г. папа римский Иннокентий III (1198–1216) в своей булле объявил Норвегии интердикт, а тогдашнего ее короля и верных ему людей, в число которых входил и Хакон, предал анафеме³.

Текст, называющий себя «Сагами о посошниках»⁴ и дающий представление о дальнейшем развитии событий, сообщает, что Хакон, который находился в Трондхейме (Нидаросе), услышал весть о кончине отца из уст прибывшего к нему из Бергена посланника в тот момент, когда другим гонцом ему была доставлена «грамота об управлении государством». Юный король тут же отправился в Берген, куда прибыл 14 апреля. Похоронив родителя, Хакон стал направлять норвежским епископам послания (*sendi orð*), где требовал от прелатов явиться к нему на встречу (*þeir kæmi á hans fund*). Выражение *sendi orð*, используемое обычно для обозначения рассылки так называемой «ратной стрелы», получение которой предполагало непременно явку на собрание-тинг в определенное место и время,

² См.: Munch P.A. Det norske Folks Historie. Bd. VII. Oslo, 1943. S. 361, 395–398 (Serie C: Norske historikere. Nr. 7); Sars J.E. Udsigt over den norske historie. D. 2. Christiania, 1877. S. 180; Bugge A. Tidsrummet 1103–1319. Kristiania, 1916. S. 198, 210, 213–214, 233, 237–238, 242–243 (Norges historie fremstillet for det norske folk. Bd. II.2); Paasche F. Kong Sverre. Kristiania, 1920. S. 182–183, 278–279; Helle K. Norge blir en stat 1130–1319. Oslo, 1964. S. 65–66 (Handbok i Norges historie. Bd. I. Del 3. Scandinavian University Books); Сага о Сверрире. С. 267; Helle K. Borgerkrigenes siste fase // Aschehougs Norgeshistorie. Bd. 3. Oslo, 1995. S. 70; Bagge S. Den heroiske tid- kirkereform og kirkekamp // Ecclesia Nidrosiensis: Søkelys på Nidaroskirkens og Nidarosprovinsens historie / Red. S. Imsen. Trondheim, 2003. S. 69 (Senter for middelalder studier, NTNU, Skrifter Nr. 15); Krag C. Sverre — Norges største middelalderkonge. Oslo, 2005. S. 209–210.

³ DN VI 6 — Diplomatarium Norvegicum / Utg. C.R. Unger, H.J. Huitfeldt. Bd. VI, halvdel 1. Christiania, 1865. S. 9–12.

⁴ Саги о Посошниках // Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 273–305, 389–406; Bøglunga saga // Hákonar saga Hákonarsonar I. Bøglunga saga / Utg. Þorleifur Hauksson, Sverrir Jakobsson, T. Ulset. Reykjavík, 2013. Bls. 3–167 (Íslenzk Fornrit, XXXI)

вполне может говорить об императивном, а не просительном характере этих писем.

Нигде не сообщается, что «грамоту об управлении государством» зачитывали вслух. Со ссылкой на волю почившего государя ее положения вписывали в персональные письма, которые затем от имени Хакона направлялись каждому норвежскому епископу по отдельности. В литературе считается, что таким образом новый конунг и выполнил завет отца, результатом чего стало еще одно послание Хакона Сверрессона, адресованное отдельно архиепископу Эйрику и его суффраганам вместе взятым. Собственно говоря, этот документ и рассматривается учеными в качестве акта официального примирения между королем и церковью⁵. *Datum* там отсутствует, а годом его издания обычно указывают 1202-й. Там, как и во всех прочих имеющихся источниках, ничего не говорится о том, что примирительный съезд, на который Хакон требовал явиться прелатов, действительно состоялся. Однако «Саги о посошниках» сразу за сообщением о приглашении на это собрание повествуют, что епископы тут же заключили с ним договор (*gerði sætt við hann*), «как повелел (*hafði ráð til gefit*) конунг Сверрир перед своей кончиной»⁶.

Представляется, что бытующее до сих пор мнение о содержании последней воли Сверрира покоится на ретроспективном перенесении на более ранние события выводов об итогах позднейших договоренностей между королевской властью и церковью, достигнутых ими в результате растянувшихся во времени переговоров и закончившихся лишь заключением конкордатов в Бергене (1273) и Тёнсберге (1277). Это привело к тому, что политическое завещание Сверрира истолковывалось, исходя не из современного ему исторического контекста, а телеологически. Если принять устоявшуюся в историографии точку зрения, то сложно объяснить, почему внутренний мир, утверждению которого должно было способствовать исполнение Хаконем капитулянтского волеизъявления его родителя, на самом деле так и не случился. Наоборот, он оказался отложен на несколько десятилетий, а обсуждение основ, на которых должны были покоиться отношения светской и духовной власти, происходило в напряженных дискуссиях. «Гражданские войны», завершившиеся подавлением мятежа ярла Скули (1237–1240), оставили эти споры в наследство «эпохе величия» (1240–1319), и с середины 1250-х гг. градус полемики вновь стал повышаться. Отношения же, складывавшиеся между различными группировками норвежской светской

⁵ Norges gamle Love indtil 1387 (далее — NgL) / Utg. P.A. Munch, R. Keyser. Bd. I. Christiania, 1846. S. 444–445.

⁶ Русский перевод, имеющийся в издании «Саг о посошниках», неточен.

и церковной элит в начале XIII в., не привели ни к их слиянию, ни к примирению. А именно это в науке долгое время было принято считать основным направлением политического развития Норвегии всей первой половины XIII в. Напротив, маховик гражданской войны вплоть до конца 1230-х гг. периодически набирал обороты, причем настолько, что это повлияло на развитие сходных процессов в тесно связанной с Норвегией Исландии. Борьба различных социальных группировок, стоявших за королевской и епископской «партиями», активно продолжалась и после гражданских войн, которые постигли обе этих страны⁷.

На выдвигаемую здесь гипотезу об ином содержании политического завещания Сверрира можно возразить, что Хакон Сверрессон, умерший в Бергене 1 января 1204 г., вероятно, от руки отравителя, подосланного к нему на рождественском пиру его мачехой и законной супругой покойного конунга королевой Маргаритой (ум. 1209), попросту не успел ни приобрести достаточный политический вес, ни предпринять конкретных действий, которые бы привели к столь желанному всем норвежцам миру. Следует обратить внимание, что «грамота об управлении государством» была оглашена Сверриром *перед* тем, как ее скрепили печатью и отправили Хакону в Трондхейм. Значит, ее содержание было хорошо известно, а после заверения она стала официальным документом, и спорить здесь не о чем. Формально — это вполне резонные доводы, если только хотя бы в обстоятельствах смерти Хакона не видеть наличия в рядах «королевской партии» берестяников внутренней фракционной борьбы и не стараться понять, какие цели преследовала каждая из группировок, что является предметом отдельного исследования.

Сам молодой конунг, при жизни отца пользовавшийся его полным доверием, что в том числе и сподвигло Сверрира объявить его своим единственным наследником, после смерти родителя оказался под влиянием той фракции берестяников⁸, что была совершенно непримиримо настроена к враждебной им «церковной партии» по-

⁷ См.: *Стурла Тордарсон. Сага об Исландцах* / Пер. с древнеисл., общ. ред., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб., 2007; *Arna saga biskups* / Utg. Þorleifur Hauksson. Reykjavík, 1972. Участники международного проекта “The Nordic ‘Civil Wars’ in the High Middle Ages in a Comparative Perspective” рассматривают гражданские войны европейского Севера как региональные, а не национальные конфликты, порожденные столкновением интересов различных элит, что верно лишь отчасти, поскольку подобный взгляд элиминирует глубинные социальные противоречия и их особенности, имевшиеся в каждом обществе. См.: *Medieval and Modern Civil Wars: A Comparative Perspective* / Ed. Jón Viðar Sigurðsson, H.J. Orning. Boston, 2021.

⁸ Ее главами были племянник Сверрира ярл Хакон Шальной, канцлер Ивар Жучок, а также главы Фростатинга и Гулатинга, двух важнейших в Норвегии областных судебных собраний, Гуннар Волосатый Зад и Дагфинн Бонд.

сошников, фактически возглавляемой епископом Осло Николасом. Ввиду этого магнаты, возможно, принудили Хакона Сверрессона или замолчать распоряжение его отца о примирении с прелатами, если таковое тем в действительности было отдано, или занять иную, более жесткую, позицию в продолжавшемся противостоянии, или же дезавуировать отданное Сверриром приказание⁹. Всем этим и можно объяснить исчезновение «грамоты об управлении государством». Очевидно, что насильственная смерть лишь входившего в совершенные лета короля была одним из результатов борьбы в среде берестяников. Так, королева Маргарита просватала их общую со Сверриром дочь Кристин за Филиппа, родного племянника епископа Николаса¹⁰. Что это? Проявление ренегатства, или один из способов выполнить завещание покойного супруга и вроде как вернуться на избранный им путь диалога с церковью, после того как с него в угоду своим присным свернул ее пасынок? Но ни данная попытка укрепить союз партий, ни их сговор на острове Квитсей в 1209 г. не привели к угасанию гражданской войны.

Уверенно можно констатировать лишь то, что с уходом Хакона из жизни борьба внутри «партий» разгорелась с новой силой. Дополнительным доказательством раскола, существовавшего среди берестяников, является то, что различные их группировки, не считаясь ни с традиционной формулой перехода власти от конунга только к сыну конунга, ни с принятым в 1164 г. законом о престолонаследии, вдохновленном церковью¹¹, выдвигали всё новых и новых претендентов на норвежский трон, как из числа королевских отпрысков, так и самозванцев, привлекая при этом на свою сторону отдельных сторонников враждебных им посошников, чьи ряды также не отличались единством¹². Представители «светской фракции»

⁹ Krag C. Op. cit. S. 209.

¹⁰ Хакон Шальной не раз напоминал Кристин, которая под влиянием матери обрела собственные амбиции, что все они сидят на не отторгаемом наследственном владении, одале (!), сына покойного Хакона Сверрессона, который впоследствии станет известен под именем короля Хакона Старого (*Sturla Þorðarsson. Hákonar saga // Hákonar saga Hákonarsonar I. Vöglunga saga*. Bls. 179, 183).

¹¹ Den eldre Gulatingslova / Utg. B. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994. S. 32.

¹² Среди тех, кто в начале XIII в. оказался королем Норвегии, а также боролся или, по крайней мере, претендовал на этот высокий сан, можно назвать: 1) конунга Гутхорма (1204) — пятилетнего внука Сверрира, отпрыска его старшего сына Сигурда Лаварда (ум. 1200), взошедшего на престол и внезапно скончавшегося в один год; 2) другого его внука Хакона Хаконарсона Старого (1217–1263) — короля, впоследствии долгие годы правившего Норвегией; он появился на свет в 1204 г. и был единственным и незаконнорожденным сыном Хакона Сверрессона, который умер, не дождавшись рождения своего наследника, ввиду чего последнему пришлось различными способами доказывать свое происхождение, что являлось предметом долгих пересудов; 3) конунга Инги II Бардарсона (1204–1217), племянника Сверрира, сына

этой «партии» старались не допустить, чтобы прелаты приобрели в государстве исключительную власть. Учитывая, что епископат был представлен выходцами из нобилитета, это могло привести к новому переделу влияния и собственности между стоявшими за ними родами знати, и, как следствие, — к еще одному витку гражданской войны. Кроме того, все помнили, что главы епархий Осло и Бергена получили свои кафедры фактически приказом Сверрира, а епископ Мартин Бергенский, англичанин, во всем обязанный конунгу, манкируя призывом архиепископа Эйрика немедленно явиться к нему в Лунд, сделанным тем еще в 1194 г., тянул с отъездом вплоть до 1199 г.

Анализ и переоценка содержания грамоты Хакона в контексте ее появления на свет позволяет глубже проникнуть в политические реалии конца правления Сверрира и начала нового этапа внутринорвежской смуты, который открыло его собственное краткое царствование. Помимо этого документа, а также «Саги о Сверрире» и «Саг о пососниках», корпус источников формируют «Сага о Хаконе Старом»¹³, булла папы Иннокентия III от 24 января 1204 г.¹⁴ и такое сочинение, как «Речь против епископов» (далее — РПЕ)¹⁵. Если саговые нарративы и папский документ в источниковедческом отношении в специальной характеристике не нуждаются, то на РПЕ и письме Хакона к норвежским прелатам следует остановиться отдельно.

РПЕ в интеллектуальном отношении — пожалуй, одно из наиболее выдающихся сочинений средневековой скандинавской литера-

его сестры Сесилии от норвежского магната Барда Гутхормссона; 4) ярла Хакона Шального (ум. 1214), другого сына той же Сесилии от шведского магната Фолкvida и соответственно единоутробного брата Инги II; 5) ярла Кнута Хаконарсона (ум. 1264), сына Хакона Шального; 6) ярла Скули Бардарсона (ум. 1240), единокровного брата Инги II, род которых по женской линии восходил к конунгу Харальду Суровому Правителю, брату Олава Святого — основателю династии христианских норвежских королей; 7) конунга Филиппа (1207–1217), зятя Сверрира — мужа их общей с Маргаритой законнорожденной дочери Кристин (ум. 1213); 8) конунга Эрлинга Каменная Стена (1204–1207), самозванца, выдвинутого пососниками в качестве якобы сына давнего противника Сверрира, первого в Скандинавии помазанного и коронованного короля Магнуса Эрлингссона (1161–1184); 9) Бене[дикта]-Магнуса (ум. 1222), монаха и самозванца, называвшего себя сыном Эрлинга Каменной Стены; 10) Сигурда Погромщика (ум. 1226), также самозванца, выданного одной из фракций пососников за сына того же самого Эрлинга Каменной Стены. Обилие претендентов показывает, что недостатка в различных группировках, за ними стоявших, в своем составе обе «партии» не испытывали.

¹³ *Hákonar saga Hákonarsonar. Bøglunga saga. Magnúss saga Lagabætis / Utg. Þorleifur Hauksson, Sverrir Jakobsson, T. Ulset. Reykjavík, 2013. (Íslenzk Fornrit, XXXI–XXXII). 2 bd.*

¹⁴ DN VI 9 — *Diplomatarium Norvegicum / Utg. C.R. Unger, H.J. Huitfeldt. Bd. VI, halvdel 1. Christiania, 1865. S. 13–14.*

¹⁵ *Holtmark A. En tale mot biskopene. En sproglig-historisk undersøkelse. Oslo, 1931 (Skrifterutgitt av Det norske vitenskapsakademi i Oslo).*

туры. Этот остро полемический по звучанию текст появился на свет в кругах, близких к Сверриру, в конце 1190-х гг.¹⁶ Кроме прямых и страшных обвинений, которые звучат от имени королевской власти в адрес епископов в том, что те уничтожили в Норвегии христианскую веру, впали в ересь, посягнули на исконные права монарха и народа, чем только раздули пожар затянувшегося внутреннего противостояния, РПЕ, написанная по-норвежски с опорой на многочисленные и приводимые в ее тексте латинские цитаты из «Декрета Грациана» и Евангелий (всего числом сорок две) и последующий их перевод на родной для автора-норвежца язык, прямо или намеком обращается и к другим темам, которые являлись злободневными как для простых жителей этой страны в целом, так и для представителей ее политической элиты, в частности.

Непосредственно в РПЕ говорится о соотношении в Норвежском королевстве светской и духовной властей; о сложившейся в нем практике поставления во епископов и священников; о покупке церковных должностей и «откупе грехов»; о цели служения своей пастве лиц, облеченных священным саном, и о неприглядном моральном облике последних; о вывозе за рубеж церковной десятины и других сборов; о распоряжении собственниками из среды мирян и самим королем имуществом культовых сооружений и землями, на которых те возводились, а также о распределении в рамках института «частной церкви» этих имений между монастырями и приходскими храмами. По касательной основные темы затрагивают не раскрываемые в РПЕ широко, но при этом весьма болезненные социальные вопросы, — изменения в личном статусе рядовых свободных норвежцев, составлявших массу общества, их имущественных и публичных прав.

Автор РПЕ структурирует свою мысль, переходя от тезы к доказательству, и последние осознаются им как безусловные и нуждающиеся в развитии, что направлено на продолжение диалога королевской власти с оппозиционным ей епископатом, а также со всем остальным обществом, что очевидно, с целью вербовки новых сторонников в свой лагерь. Открывается РПЕ описанием устройства общества наподобие единого человеческого тела, состоящего

¹⁶ Сохранился в единственной рукописи первой половины XIV в. (AM 114 4to), находящейся ныне в составе Арнамагнеанской коллекции в рукописном фонде библиотеки Института скандинавских исследований и языковедения (Institut for Nordiske Studier og Sprogvidenskab) Копенгагенского университета (Дания). Коллекция эта была составлена великим собирателем и исследователем древних скандинавских рукописей Арни Магнуссоном (1663–1730) и легла в основу собрания манускриптов и книг, названного в его честь (Арнамагнеанское собрание — Arnarnagæan Samling).

из взаимно заботящихся друг о друге «сословий»-членов, на каждый из которых возложена отдельная функция. А завершается она кратким, но насыщенным фактами из прошлого «очерком о епископах-еретиках», где приведен целый ряд совершенно одиозных, на взгляд автора этого сочинения, исторических примеров отступничества лиц, носивших высокий священный сан, от истинного учения Христа и вместе с тем духовного подвига светских правителей, которые своими трудами и государственным умом не позволили утвердиться ересям, а создателям сих лжеучений — обрести власть и авторитет. Если данный «очерк» был вставлен с тем чтобы провести параллели с лидерами оппозиционной Сверриру «церковной партии», то безосновательное обвинение их в ереси только закрывало путь к диалогу, который наладить так и не удалось, а потому он был отложен на перспективу, как оказалось, весьма далекую¹⁷.

Несмотря на множество поднимаемых тем, РПЕ при этом велика по объему в сравнении с такими современными ей и пространными произведениями норвежской литературы XII столетия, как латинские «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха¹⁸, анонимная «История похода датчан в Иерусалим»¹⁹ и тем более со знаменитой «Сагой о Сверрире». В отличие от этих текстов, где авторское мнение выражено не прямо, а растворено в описании множества событий и в характеристике персонажей, РПЕ специально посвящена главным спорным вопросам эпохи, сконцентрирована на них непосредственно, почему, собственно, данное сочинение следует считать *первым самостоятельным памятником норвежской общественно-политической мысли и публицистики*.

Что касается грамоты Хакона Сверрссона, составленной полностью по-древненорвежски, то оригинал ее не сохранился. Текст дошел в трех позднейших версиях: 1) в составе кодекса-конволюта AM 309 fol (часть, датируемая первой четвертью XIV в.) из Арнамагнанского собрания; 2) копии, сделанной Арни Магнуссоном с несохранившейся до наших дней транскрипции 1324 г., которая, как и упомянутый кодекс, хранится в Копенгагене в рукописном собрании его имени; 3) списка первой половины XVI в. в конволюте из собрания Шведской Королевской библиотеки (Стокгольм).

¹⁷ Здесь имеются в виду упомянутые ранее Бергенский и Тёнсбергский конкордаты.

¹⁸ Агишев С.Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.

¹⁹ История похода датчан в Иерусалим // Не только саги...: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / Сост. и общ. ред. С.Ю. Агишев. СПб., 2017. С. 347–406.

Не дошедшая до нас копия 1324 г. хранилась в канцелярии Нида-росских архиепископов, что можно заключить из сопровождающих ее поздних протокола и эсхатокола, составленных от имени архиепископа Эйлива (1309–1332). Из них становится ясным, что норвежская церковь в лице этого своего главы лишь изучила условия, которые выдвигались более 120 лет назад и, как видно, поддерживались королевской властью и далее, но по-прежнему не соглашалась на них. В подтверждение того, что данный документ воспринимался внуком Сверрира, конунгом Хаконом Старым, как содержащий нормы позитивного права, он был заверен этим монархом своей печатью («*Да будет вам известно, что мы видели, просмотрели и тщательно изучили грамоту досточтимого господина, доброй памяти государя Хакона, сына Хакона, короля Норвегии, с привешенной его печатью, которая слово в слово свидетельствует следующее...*») и тем самым как бы авторизован им: в цитируемой приписке прямо сказано, что перед читателем — «*грамота короля Хакона Хаконарсона*»²⁰.

Причины упорной непримиримости норвежского епископата следует искать в глубоко укорененных в прошлом проблемах государственно-церковных отношений. То, что они оставались до конца не решенными и в XIV в., отчасти способствовало сохранению текстов, отсылавших к самым корням дискуссии, давно уже шедшей между королевской властью и церковью, среди которых были и сама РПЕ, и письмо Хакона Сверрессона²¹.

«Сага о Сверрире», из которой нельзя понять, в чем конкретно заключалось политическое завещание ее главного героя, подвергавшаяся редактированию на протяжении всей второй половины XIII в., не получила широкого хождения ни устно, ни письменно, таким образом, не став еще авторитетным текстом, в том числе и для Хакона Сверрессона. Поэтому этот король не мог опереться на нее, дабы на ее основе сформулировать программу собственной церковной политики. Следует вспомнить, что для его сына, Хакона Старого, это сочинение, которое тот, умирая на Оркнейских островах в декабре 1263 г., приказывал читать себе вслух, приобрело именно

²⁰ NgL I. S. 444.

²¹ К ним примыкают документы, появившиеся сразу после основания отдельного для Норвегии архиепископства с центром в Трондхейме-Нидаросе. Это — грамота о его учреждении и ее подтверждение, свод постановлений провинциальных синодов, известный под названием «Нидаросские каноны» (см.: *Latinske dokumenter til norsk historie fram til år 1204 / Utg. E. Vandvik. Oslo, 1959. S. 38–59*), а также различные редакции так называемого «христианского права» (*kristinréttar*) «Законов Фростатинга», составлявшиеся по отдельности под руководством видного церковного и политического деятеля, главы норвежской церкви архиепископа Эйстейна Эрлендссона (1157–1188) и самого Сверрира (NgL I. S. 129–156, 407–434).

такой характер. Дослушав данную сагу до конца, из чего можно понять, что некая завершенная и удовлетворявшая конунга ее версия уже сложилась, Хакон Старый испустил дух и, таким образом, жизнь его деда и отца, о котором там тоже рассказывается, перешла в сагу, как и жизнь самого этого короля²² — в масштабное повествование, составленное о нем исландским политическим деятелем и историком Стурлой Тордарсоном (1214–1284) по приказанию конунга Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), сына Хакона Старого. Оно было сложено за неполные два года и завершено уже в 1265 г.

Как указывалось ранее, последнюю волю отца Хакону Сверрессону доносят *и устно, и письменно одновременно*. Это должно было послужить для потомков доказательством ее подлинности при реальном отсутствии самого документа. Значит ли это, что память вовсе не сохранила содержание политического завещания Сверрира? Его воля излагается только в «Сагах о посошниках», составной частью которых был краткий рассказ о самом Хаконе Сверрессоне, авторитетным текстом для его потомков так и не ставший. Вдобавок биография Хакона еще и потерялась там среди пространного повествования о других более удачливых, чем он, претендентах на норвежский престол. Это дает возможность предположить, что завещание Сверрира было если не подделано²³, то переосмыслено и подано там как его повеление, являясь на самом деле политической программой его сына Хакона и той фракции берестяников, которая стояла за ним.

Нужно учитывать еще один важный нюанс. В компилятивном тексте, каковым являются «Саги о посошниках», о том, что Хакон Хаконарсон был сыном Хакона Сверрессона²⁴, говорится походя,

²² Успенский Ф.Б. Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии. М., 2015. С. 96–97.

²³ Сверрир, судя по саге о нем, отличавшийся любовью к подобного рода делам, например, в отношении папских посланий, мог выступить в этом хорошим учителем для своего сына (см., например: Сага о Сверрире. С. 125–126).

²⁴ Интересна ошибка, повторенная во многих рукописях общенорвежского правового свода «Ландслова», появившегося на свет в царствование Магнуса Исправителя Законов в 1274 г. В «Прологе» к нему [Kong Magnus Hákonsson Lagabotes Landslov. Norrøn tekst med fullstendig variantapparat / Utg. M. Rindal, B.D. Spørk. Oslo, 2018. Del 1. S. 101 (Norrøne tekster, nr. 9)] Хакон Старый выводится как сын, а не внук Сверрира (скрытым намеком в «Саге о Хаконе Старом» звучит отмечаемое ее автором чрезвычайное сходство их по телосложению [Sturla Þorðarsson. Hákonar saga // Hákonar saga Hákonarsonar II. Magnúss saga Lagabætis. Bd. II. Bls. 265 (Íslenzk Fornrit, XXXII)], в силу чего Хакон Сверрессон выпадает из «рода Сверрира» и, сливаясь с сыном, как бы «забывается», чем отчасти снижается степень незаконности его происхождения и даже снимается проблема его вовсе не королевского происхождения, на что Стурла недвусмысленно намекает в самом начале своего сочинения.

только один раз, притом без приведения каких-либо доказательств. Да и делается это не в контексте биографии юного конунга, а при описании действий Дагфинна Бонда²⁵, который подлинным свидетелем реального сожительства короля с Ингой из Вартейга, матерью маленького Хакона Хаконарсона, не был. Поэтому краткая сага о Хаконе Сверрессоне в версии «Саг о посошниках» не удалась, ибо, не работая на подтверждение законности происхождения его отпрыска, представлялась, по всей видимости, неудачной во всех смыслах слова «сага» — и как история жизни, и как форма повествования о ней. В том числе по этой причине доказательства отцовства Хакона Сверрессона были включены в биографию его сына, где данная тема развивается особо и имеет принципиальное значение²⁶. «Сага о Хаконе Старом», в свою очередь, безусловно, являлась авторитетным текстом для современников и потомков ее главного героя, несмотря на все лукавство и обилие нелюбимых намеков на происхождение Сверрира и его потомков, которыми наполнил свой рассказ Стурла Тордарсон, как и все исландские магнаты из рода Стурлунгов питавший ненависть к Хакону Хаконарссону, по чьей милости он сам и его родичи утратили первенство в своей родной Исландии. Но Стурла был вынужден составлять свой труд, оказавшись фактически в заложниках у Магнуса Исправителя Законов.

Тем не менее, принятое в научной литературе допущение, что Сверрир наказал своему сыну примириться с мятежным епископатом, возникло не на пустом месте. Анализ РПЕ в контексте тех событий, в котором она появилась на свет²⁷, показывает, что это сочинение не подходило в качестве основы для примирения с церковью. Если данный замысел там и содержится, то не в виде категорично высказанной воли, а только как *общее пожелание*. Дабы *a priori* положенное согласие конунга с прелатами, которое является главным христианским принципом взаимоотношений между королевской властью и церковью, заключающееся в гармонии и синергии по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа, и потому вождеденное всеми, было, наконец, достигнуто. Непреодолимым препятствием на пути к этому являются содержащиеся в РПЕ резкие выпады в сторону епископов, самый страшный из которых — обвинение их в том, что все они впали в ересь и уничтожили в Норвегии Христову веру.

Из предсмертных слов Сверрира, приводимых в саге о нем, можно понять, что сам он вовсе не был склонен к примирению, даже

²⁵ Саги о Посошниках. С. 298.

²⁶ *Sturla Þordarsson. Hákonar saga*. Bls. 173–174.

²⁷ См. раздел «Приложение», гл. II и VI.

если, как и все, лелеял надежду на него как на идеальное состояние вещей. Во-первых, достижение мира в стране ему виделось как реализация принципа королевского единодержавия, на котором он настаивал, обратив внимание на препятствующие этому обстоятельства: «Вы все здесь свидетели..., что не было у меня *других сыновей*, кроме Хакона, а то впоследствии, может статься, объявятся и такие, которые станут называть себя так и захотят *нарушить мир* в этой стране»²⁸. Сверрир, как видно, осознавал отсутствие какого-либо согласия не только между конунгом и прелатами, но и в рядах поддерживавших их «партий», да и во всей стране в целом. Но ни о каком новом разделе Норвегии между соправителями и ослаблении королевской власти, которое вследствие этого может случиться, он и слышать не хотел, что вполне согласуется с завершающими пассажами РПЕ: «...весьма прискорбно, что король просит о том, что ему и так принадлежит, а те почести, каковые ему положены, у него хотят отнять и лишить их»; а также: «Пусть люди помнят и знают, какие обещания или дары, если их не порушат, должны сохраняться, поскольку мудрые князья постановили, что не следует слушаться любого, кто присвоил себе королевский сан, обладая им, как будто он получил его по достоинству, а на самом деле — обманным путем. Потому что внезапно стало так, что королевская власть оказалась во всевозможных руках, но не тех людей, кому следует подчиняться» (пер. РПЕ мой. — С.А.).

Во-вторых, несмотря на осознаваемую всеми и им самим его подноготную как самозванца Сверрир не собирался отказываться от трона: «А теперь я хочу, прежде чем собороваться, чтобы меня подняли на престол, а там я буду ждать любого исхода: выздоровления или смерти. И все произойдет иначе, чем надеялся Николас епископ сын Арни: я умру здесь на троне, окруженный моими друзьями, а ведь он предрекал, что меня зарежут, как скотину, и скормят псам и воронью». Из саги следует, что последние три дня своей жизни Сверрир будто бы так и просидел, не вставая с места, на королевском престоле, который стал ему смертным одром²⁹.

В-третьих, решить все несогласия должны были не люди своими стараниями и судом, а лишь высшие силы: «Когда я умру..., откройте мое лицо, дабы и друзья мои, и недруги могли сами видеть, появится ли на моем теле какой знак в подтверждение того проклятия и отлучения, которому предали меня мои враги. Уж тогда-то мне, верно, будет не утаить его, если дела и впрямь обстоят не лучше,

²⁸ Сага о Сверрире. С. 182.

²⁹ Там же.

чем они говорят. За все время моего правления на мою долю выпало куда больше бед, немирья и тягот, чем спокойного житья, и, на мой взгляд, у меня было немало завистников, ставших впоследствии прямыми врагами. Теперь же да простит их всех господь и рассудит нас, а я отдаю себя на его суд!»³⁰ Сходный тезис звучит и в РПЕ: «... мы не должны страшиться, что получим от Господа несправедливые приговоры, ибо Он не выносит никаких других приговоров, кроме справедливых. И тем скорее праведный суд Его придет на помощь каждому, чем больше несправедливых приговоров будет исходить от людей».

Некоторые идеи РПЕ, как видится, будучи переосмыслены, легли в основу послания Хакона Сверрессона к норвежским епископам, в котором предлагалось не соглашение о мире с прелатами, как это принято считать, а выдвигались жесткие требования, лишь при выполнении которых разговор о нем будет возможен.

Вывод о том, что в политическом завещании Сверррира был высказан совет сыну замирииться с церковью, подкреплялся исследователями следующим содержащимся в грамоте Хакона заявлением: «Я желаю, чтобы все люди знали, что я отказываюсь от всех тех ссор и споров, что были между [нашим] королевским величеством и епископами, и подтверждаю святой церкви и духовенству все те свободы, которые они должны иметь, что указаны в священных договорах, заключенных между мной и ними, и которыми святая церковь пусть обладает отныне и довеку...», завершающимся королевским обетом: «Я дал это обещание Господу и святой церкви, чтобы оно послужило мне для мира и счастья, выгоды и помощи, а всему народу этой страны — к радости, отныне и навеки» (пер. мой. — С.А.), а также сообщением «Саг о посошниках», что «летом (1202 г. — С.А.) епископы вернулись к своим престолом и сделались друзьями конунга»³¹.

Но непременным условием того, что новый конунг откажется от противостояния с прелатами, выдвигалось признание всем духовенством страны за ним королевского сана, а также достоинства и чести, что, как сказано в его письме, «следует оказывать законному королю», которые ему полагаются «в соответствии со Священным Писанием и законами страны». Условие это было трудновыполнимым. Во-первых, ввиду отсутствия архиепископа Эйрика Иварссона и его суффраганов в Норвегии. Туда они вернутся только весной 1204 г. уже после смерти Хакона, а не летом 1202-го, что следует из тех же «Саг о посошниках», а также из «Саги о Хаконе Старом»³².

³⁰ Там же. С. 183.

³¹ Саги о Посошниках. С. 274.

³² *Sturla bordarsson. Hákonar saga*. Bls. 173–174, 181, 183.

Составители данных сочинений констатировали факт возвращения епископов в Норвегию ретроспективно, вырвав его из контекста. А во-вторых, потому что Хакон, как и его отец, находился под папским отлучением, и заключение с ним официальных договоров было невозможно. Последнее препятствие попытался преодолеть архиепископ Эйрик, самолично сняв с Хакона это церковное наказание, за что получил строгий выговор от Иннокентия III, объявившего эту акцию незаконной и оставившего действие интердикта в силе³³. В демарше Эйрика следует видеть не столько стремление к примирению, сколько средство для того, чтобы скорее вернуть себе в Норвегии угасавший авторитет как политического деятеля и главы церковной общины, который не смог самостоятельно повлиять на короля и договориться с ним о поддержании внутреннего мира, а, кроме того, оставил свою паству и способствовал как вторжениям в страну иноземцев, так и выступлениям мятежников из числа самих норвежцев.

В 1204 г. папе, очевидно, стали известны некоторые подробности событий, произошедших в Норвегии двумя годами ранее. Так, в своей булле он сообщает, что знает о смерти Сверрира, но о кончине его сына Иннокентий не ведал. О нем римский понтифик говорит как о живом человеке, а значит, посольство отправилось к папе не позднее середины ноября 1203 г., что следует считать *terminus ultimissimus ante quem* для грамоты Хакона Сверресона. Это косвенно подтверждает, что данный документ появился после продолжительных переговоров и обмена посланиями, по результатам чего и были сформулированы требования к епископам, оставшимся по-прежнему непримиримыми и не желавшими возвращаться в Норвегию. Из характеристики Хакона, данной ему папой, как наследника своего отца «в государстве, но не в образе мыслей» видно, что Иннокентию так или иначе было известно о декларации нового конунга отказаться от противостояния с церковью и соблюдать установленные для нее в Норвегии свободы, а также то, что между королем и епископами об этом вроде бы были заключены договоры. Правда, из других источников о них ничего не известно. Если только

³³ DN VI 9: «...мы пришли в немалое удивление, что ты, брат архиепископ, отменил решение об отлучении [от церкви] как его самого, так и присных его, которым они были связаны нашим авторитетом, необдуманно и совершенно не колеблясь, присвоив себе власть, которой у тебя не было, и ни коим образом тебе не принадлежит, и на манер обезьяны, которая подражает человеческим движениям, своей волей совершил то, чего ты делать не можешь и не должен по закону. Кроме того, из-за этого не только ты устремился разбираться в ошибках, но и те, кто ранее были связаны [отлучением], безосновательно считая, что они совершенно от него освобождены» (пер. с лат. мой. — С.А.).

не рассматривать в качестве таковых те самые письма, которыми Хакон обменивался с епископами. Однако то, как это описывается в «Сагах о посошниках»³⁴, дает понять, что в рассылаемых Хаконем посланиях содержалась отнюдь *не просьба, а требование* явиться к королю и примириться с ним, высказываемое новым конунгом в соответствии с повелением Сверрира, которое должно было звучать как пожелание, созвучное с общими чаяниями. Отзвук этого имеется и в РПЕ, ср.: «Сейчас в нашей стране немирье сие происходит из-за священников наших, которые обвиняют короля в том, что он желает уничтожить христианство. Значения всех этих вещей при переводе даются именно так, как они записаны, хотя некоторые из них изложены совсем другими словами (собственно теми, что есть в переводе), чем в латыни. А если кто-нибудь скажет, что мы привели неверное значение этих вещей, *пусть* тогда он, если пожелает, *явится к нам*, и они для него разъяснятся, когда мы разумно растолкуем их ему, ибо мы не считаем, что эти вещи могут послужить ко вражде с кем-либо (конечно, если для этого не будет существенных причин), и пускай споры после разысканий приведут к обретению самой сути».

Следовательно, Иннокентий III так или иначе основывался на положениях, имеющих в грамоте Хакона. Сам папа, хотя и не снял отлучения с нового конунга, но тем не менее, признавая это возможным впоследствии, хвалил того за готовность примириться с церковью и вернуть изгнанников в отечество. А фразой «он любит храмы и почитает людей церкви, правя этой страной и народом в совершенном мире», содержащейся в булле, римский понтифик признает его *de-facto* норвежским государем, тем самым считая возможным диалог с ним, в чем он шестью годами ранее, когда провозглашал интердикт Норвегии и отлучал от церкви ее конунга, совершенно отказал правившему на тот момент Сверриру. Папа как глава христианского мира, конечно, *должен был* способствовать предотвращению противостояния между королем и церковью и воплощению в жизнь этого *общего пожелания* всех без различия христиан в Норвегии. Но, стремясь к этому, он абсолютизировал высказывание Хакона о его готовности вернуть церкви все ее привилегии и свободы, а также придерживаться договоренностей, заключенных его предшественниками еще при основании Нидаросской церковной провинции, и тех, что были достигнуты епископатом с конунгом Магнусом Эрлингссоном (1161–1184), очевидно истолковав их как капитуляцию светской власти перед духовной.

³⁴ «...конунг Хакон... отправил всем епископам, которые были с конунгом Сверриром в распре, послание, чтобы они явились к нему и помирились с ним, как повелел конунг Сверрир перед своей кончиной» (Саги о Посошниках. С. 273).

Однако римский понтифик не знал действительного положения дел и расстановки сил внутри Норвегии, а также не учел условий, на которых Хакон Сверрессон был готов пойти на это примирение. Поэтому следует согласиться с автором РПЕ, который за несколько лет до этого в своем сочинении написал, что папа «...не знает, что происходит в этой стране или в другой, которая находится от него далеко, а вызвано это также нашими епископами и священниками, так как они по причине враждебности к нам несут перед папой чепуху и ложь, после чего папе кажется, что те говорят правдиво там, где они вещают обманными и лживыми словами». Так, выдавая желаемое за действительное, очевидно, принимая на веру тенденциозное изложение ситуации, что сложилась в Норвегии (о каковой ему могли доносить не напрямую оттуда, а из соседних стран — Дании, Исландии, Швеции или Англии) или попросту глубоко не вникая в нее, Иннокентий III склонялся к признанию конфликта исчерпанным. Тем более он, как говорится в его булле, был рад услышать, что «умер Сверррир и возрадовался тому великой радостью, вознося достойную благодарность всемогущему Богу, который после пасмурной погоды даровал ясную и штиль после шторма...». Как видится, в ловушку, расставленную знаменитым римским понтификом, попали и позднейшие исследователи. При этом до развязки было еще очень далеко.

В обстановке позиционной войны, изматывавшей обе стороны, существовало стремление достигнуть не общего, а тактического примирения. Хакону Сверрессону это позволило бы предпринять шаги по легитимации своей власти в Норвежском государстве, в том числе за счет демонстрации готовности к диалогу с церковью и мнимых уступок ей, а епископам — скорее вернуться к собственным кафедрам и возглавить борьбу со сторонниками покойного Сверррира непосредственно у себя на родине³⁵. Интересно, что снятие интердикта становилось козырем для обеих «партий» в их внутренней борьбе. И Хакон Сверрессон, которому его посулил Иннокентий III, вполне мог приписать это себе, если бы не коварство королевы Маргариты. Средством к достижению указанных целей и стал обоюдный обмен посланиями между молодым королем и епископами, о чем и сообщают «Саги о посошниках»³⁶. Одним из таких посланий следует считать известное нам письмо Хакона. Своевольное снятие архиепископом Эйриком отлучения от церкви только с короля и его

³⁵ Оно действительно было заключено в 1208 г., но в совершенно иных условиях, послужив началом для дальнейших переговоров между представителями отдельных фракций внутри враждовавших между собой «партий» посошников и берестяников (*Sturla Þorðarsson. Hákonar saga*. Bls. 183).

³⁶ Саги о Посошниках. С. 273.

немногочисленных приближенных, о чем говорится в папской булле, также служило, как видится, тактическим целям прелатов. Причем неизвестно, как оно объявлялось, — письменно, или же об этом на местах провозглашалось только изустно.

Стиль и тон письма Хакона Сверрессона не только не позволяют назвать этот документ капитуляцией, а, напротив, подчеркивают принципиальные и отличные от мнения епископов положения королевской программы, весьма сходные с теми, что высказываются в РПЕ. Даже если составитель королевского послания и не являлся одновременно ее автором, он, по мнению норвежского исследователя Э. Гюннеса, был весьма вдохновлен этим произведением³⁷: в обоих текстах обнаруживается достаточно параллелей. Справедливо предположить, что требования, содержащиеся в письме Хакона, могли быть взяты не из РПЕ напрямую, а из «грамоты об управлении государством», в которой, нужно понимать, более сжато, чем в РПЕ, излагалась воля почившего Сверрира. Остается только гадать, каковы были эти требования, подверглись ли они изменениям под влиянием политической ситуации, будучи в новой и в сугубо протокольной и неконкретной формулировке внесены в текст письма Хакона Сверрессона. Следовательно, разговор об условиях примирения был еще впереди, но так и не случился. Или же условия эти были хорошо известны обеим сторонам, а потому не нуждались в напоминаниях?

«Грамоту об управлении государством» «Сага о Сверрире» в оригинале называет *skipan ríkisins*. Слово *skipan* означает королевский указ, а также завещание и распоряжение о порядке наследования умершему. За словом *ríkisins*, стоящим в определенной форме, совершенно определенно скрывается *Норвегия, рассматриваемая как территория*, на которую распространяется власть ее конунга, ведь именно это значение имеет слово *rík* в древнескандинавском потестарном лексиконе. То есть речь идет о государстве как о материальном объекте, и пределами его являются границы публичной власти, единственным обладателем которой Сверрир желал видеть своего сына Хакона. Следовательно, «грамота об управлении государством» — не декларация о намерениях, а документ о наследовании прав на землю, которые конунг реализовывал, в том числе, путем сбора положенных ему даней — так в материальном виде конвертировалась его публичная власть, о чем постоянно рассказывают саги.

Однако носителем такой власти в Норвегии являлся не только король, но и народ, ее единственный источник, осуществляющий

³⁷ *Gunnæs E. Kongens ære. Kongemakt og kirke i "En tale mot biskopene". Oslo, 1971. S. 12, 351 (Skrifter Det kongelige Norske videnskabers selskab; Bd.1).*

свои прерогативы на публичных собраниях-тингах, включая и аккламацию нового правителя³⁸. Без нее обладание саном конунга даже при проведении ритуалов, не важно, языческих или церковных, рассматривалось как незаконное. Такое понимание обретения власти было особенно важно для Сверрира, избравшего для себя личину традиционалиста и консерватора, упирившего на то, что конунгом может быть только сын конунга, и церковь не имеет права распоряжаться ни короной, ни королевской властью как таковой.

Поэтому конунгам так важно было сделать Норвегию своим неотчуждаемым владением, одалем, обретя права на нее как на материальный объект. Интересно, что, по земскому праву, одалем являлись угодья, переданные по наследству в определенном числе поколений (не меньше четырех) свободных предков по мужской и женской линиям, но непременно используемые их владельцами, а также обязательно обнесенные оградой. Для конунга такой оградой являлись границы его власти, совпадавшие с границами государства. Для того чтобы расширить королевские имущественные права на всю страну, были предприняты законодательные меры, посредством которых лишь в 1270-е гг. удалось юридически утвердить положение, что *Норвегия есть одаль короля*³⁹.

Стремление Хакона Сверрессона подчинить ситуацию себе проявилось в том, что он, как только узнал о смерти отца, сразу же бросился выполнять его волю и, согласно «Сагам о пососшниках», уже весной 1202 г. разослал письма каждому норвежскому епископу *по отдельности*. Главе норвежской церкви архиепископу Нидаросскому Эйрику Иварссону такое послание направлено не было⁴⁰. Однако письмо Хакона адресовано сначала именно Эйрику. При этом в *in-scriptio* конунг повторно обращается и к прелатам. Но не к каждому по отдельности, а ко всем вместе: «Король Хакон шлет привет архиепископу Эйрику, а всем прочим епископам, священникам, всем бондам и всем горожанам, друзьям Господним и своим, тем, кто сию грамоту увидят или услышат, — Божий и свой» (пер. мой. — С.А.). Как видно, и *salutationes* здесь две, и епископы-суффраганы, риторич-

³⁸ Возможно, что сторонники Хакона Сверрессона от его собственного имени стремились создать беглых епископов на примирительный съезд, сделав его затем аккламационным, а затем и коронационным по примеру того же Сверрира, который в июне 1194 г. взял в заложники в Бергене трех норвежских прелатов и заставил их венчать себя на царство (Сага о Сверрире. С. 123).

³⁹ Агишев С.Ю. О соотношении понятий «одадь» и «собственность» в норвежском законодательстве XI–XIII вв. // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2020. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 162. Сер. II: Исторические исследования, 101). С. 60–85.

⁴⁰ Саги о Пососшниках. С. 273.

чески сплачиваясь воедино с их паствой, бондами, коих в массе еще Сверрир пытался представить сохранившими верность государю, противопоставляются своему митрополиту. Данный экивок был рассчитан на то, чтобы еще больше обособить кафедральных архиереев от главы норвежской церкви, что, вероятно, должно было представить их в собственных глазах в качестве самостоятельной силы. Здесь неявно повторяется прием РПЕ, когда ее автор под местоимением «мы» (*ver* — в прямом падеже и *oss* — в косвенном) объединяет короля с оставшимися в числе его последователей представителями духовенства и весь остальной народ в одну «партию», противопоставляя их вместе взятых еретикам-епископам, а также ослепшему физически⁴¹ и, как, наверное, следует понимать, умственно и нравственно Эйрику, делая точку зрения государя на причины и последствия раздуваемого прелатами конфликта совокупным мнением всех норвежцев.

Прием, применяемый в РПЕ для внесения раскола в ряды «церковной партии», которым ее автор пользуется в единичных случаях, в тексте письма Хакона развивается и совершенствуется за счет жонглирования притяжательными местоимениями: «Господь дал мне обратиться к *Вашиим* епископам, которые пусть служат мне, чтобы приносить выгоду и удачу, стране — мир и счастье, а всему ее народу — отпущение [грехов], а всем нам — радость и пользу, отныне и навеки. <...> Обращаясь по поводу *нашего* дела к *вашиим* епископам с *моей речью*, сообщаю вам о прекращении того несогласия между [*нашим*] королевским величеством и *вашиими* епископами, от которого произошло множество великих преступлений и тягот, а также призываю всех скорее преодолеть все те трудности, которые постигли эту страну, и те разногласия, что имелись между *вами*. Поскольку эти споры и раздоры, долгое время имевшиеся между *нами*, причиняли нам множество неприятностей и великие затруднения...» (пер. мой. — С.А.).

Путем отдельного обращения подчеркивается, что Эйрик, в отличие от подчиненных ему епископов, вроде как не может служить королю для того, чему и ему самому, и народу те всё же в состоянии способствовать — прежде всего, разрешению *нашего*, т.е. *общего* для короля (а также народа) и прелатов, дела. И чуть ниже следует еще один намек: «...призываю всех скорее преодолеть все те трудности, которые постигли эту страну, и те разногласия, что имелись между *вами*» — на то, что внутри церковной «партии» существует внутренний конфликт, и король считает своим долгом предпринять шаги к

⁴¹ Оказавшись в Дании уже в 1191 г., архиепископ Эйрик потерял зрение. Этот факт также обыгрывается в РПЕ.

его прекращению, первый из которых заключается в том, чтобы просто указать на него. Пускай формально и весьма корректно епископы рассматриваются конунгом как подчиненные Эйрика (*Ваши епископы*), но это не означает, что все они действительно должны разделять его позицию. Сделано это, конечно, дабы по примеру Сверрира перетянуть часть прелатов на сторону короля⁴², превратив их, таким образом, в *наших* епископов, которые служат прежде всего государю и народу. Это лишний раз подчеркивает стремление королевской власти вбить клин в ряды прелатов, а также между ними и различными представителями духовенства, среди которых было немало тех, что держали сторону конунга, и тем самым представить положение внутри враждебной «партии» как не безоблачное, чему были все основания. Да и дальнейшее развитие мысли в грамоте Хакона дает понять, что причиной смут внутри Норвегии являются как раз разногласия, имевшиеся у епископов как между собой, так и с королем и массой его подданных, в число которых новый конунг кротостью своей желает вернуть согласных к примирению князей церкви, выступив тем самым для всех миротворцем, чем он дополнительно подчеркивает свои владельческие права, ведь кроткие наследуют землю, а смиряющиеся «будут наречены сынами Божиими».

Как и в РПЕ, в грамоте Хакона говорится, что церковь не несет единоличной ответственности за сложившуюся в Норвегии ситуацию. Бедственное состояние страны представлено в грамоте Хакона как следствие разногласий, возникших не только между королевской властью и прелатами, но как результат нестроений, которые поразили *всё общество* (еще один тезис РПЕ): «...несчастье состоит в том, что *ныне все члены изменили своей природе*, потому что каждый член отказывается выполнять свою работу и службу». В этом также следует видеть наличие несогласных между собой группировок с разными интересами, которые скрываются за ширмой «королевской» или «церковной партии». Несмотря на параллелизм, отмечаемый между РПЕ и грамотой Хакона, следует быть осторожными в выводах — о воле Сверрира утвердить примат королевской власти над духовной хорошо знали его современники, равно как и об условиях, выдвигаемых ему церковью, на которых та была готова вернуться к конструктивному диалогу.

⁴² Ср. «Мой совет вам, добрые господа, с умом отправлять должность, на которую поставил вас бог. Помните всегда, что это не наследство, которое вы получили от ваших отцов, а также, что если Эйрик Слепой и отнимет у вас власть, то он даст вам мало хорошего взамен, потому что у него самого ничего нет. У него сейчас не больше девяти или десяти человек, да и те на чужом содержании. Но если вы будете держаться меня, то я за вас постою. Они обещали быть верными ему и его делу» (Сага о Сверрире. С. 125).

Далее в своей грамоте Хакон Сверрессон, повторяя прием отца, к которому тот, судя по саге о нем, прибегал много раз, обращается с речью к епископам (!) — *röða till biskupanna*, — где вполне в духе РПЕ высказывает пожелание прекратить всякие споры с церковью. Но условием возвращения последней ее прав, полученных с момента основания в Норвегии архиепископства в 1152 г., в том числе и дарованных главным оппонентом Сверрира, конунгом Магнусом Эрлингссоном, и оформленных документально, становится неременное признание того, что высшая духовная власть в лице римских пап и провинциальных синодов наделила в этих документах прерогативами одновременно и короля. Он требует, «...чтобы полностью нерушимым было мое королевское величие и королевское достоинство согласно тому, что утвердил кардинал Николай, а также подтвердили и дали клятву три короля — Эйстейн, Сигурд и Инги, о чем свидетельствует грамота короля Эйстейна, и утвердили своими грамотами король Магнус и сам мой отец, что также было засвидетельствовано клятвами пред легатом Фидентием, и тогда, когда у ярла с архиепископом Эйстейном возникло разногласие относительно свобод святой церкви» (пер. мой. — С.А.)⁴³. Тем самым в грамоте Хакона обнаруживается еще один прием, широко применяемый Сверриром и известный как по саге об этом конунге, так и по РПЕ, а именно — выворачивание аргументов противников наизнанку⁴⁴ и превращение их в обоснование собственной позиции, что также сближает все три этих текста. Условием прекращения противостояния выдвигалось следующее: «...чтобы всё духовенство полностью признало мое достоинство и честь, которые следует оказывать законному королю, и каковые полагаются мне в соответствии со Священным Писанием и законами страны» (пер. мой. — С.А.). Принятое, что называется, «по умолчанию», оно как раз и не было донесено до Иннокентия III или попросту элиминировано в его булле 1204 г. Скрытым и непонятым для римского понтифика остался и тот момент, что в соответствии с норвежскими законами

⁴³ Ср. в РПЕ: «Это повелось еще при святом короле Олаве и происходило таким же образом вплоть до времени сыновей Харальда — Эйстейна, Сигурда и Инги. А затем, когда с разрешения [этих] королей в Норвегию прибыл паллий, и в Норвегии была основана архиепископская кафедра, в епископствах были установлены пребенды и назначены каноники, королей обязали делать дары и вклады в тот или иной храм, на который они призрят, о чем можно найти указания в Священном Писании».

⁴⁴ Он убедительно показан в исследованиях Ф.Б. Успенского, в том числе применительно к «Саге о Сверрире». См., например: *Успенский Ф.Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии*. М., 2001.

Хакон намеревался отстаивать права на Норвежское государство как на свой одаль.

Как видно, от дальнейшего выяснения отношений с церковью королевская власть в лице сына Сверрира вовсе не отказывалась и не отбрасывала тезисы РПЕ, а только развивала их, хотя и не радикализировала. Учитывая звучащие в последней обвинения епископов в ереси, это было весьма резонно. Тем самым понятно, что для рано скончавшегося Хакона Сверрессона только РПЕ и являлась единственным авторитетным текстом, политический и полемический потенциал которого не был исчерпан до конца. Скоротечность царствования Хакона, которое продлилось всего год, девять месяцев и двадцать два дня, попросту не дало этому конунгу возможности приобрести большой интеллектуальный багаж, который помог бы объять идейное и полемическое богатство РПЕ. Но дело не в том, что человек смертен, притом внезапно. Внимание, которое проявляли к письму Хакона Сверрессона церковные круги и столетие спустя после его написания, возможно, способствовало тому, что так или иначе не забывалась и РПЕ, где излагалась точка зрения светских властей на их взаимоотношения с церковью в Норвежском государстве. Но продолжили ли два этих текста существовать для потомков в неразрывной, взаимно обуславливающей связи, и насколько крепка и не избирательна была историческая память по отношению к РПЕ, проследить, к сожалению, невозможно. Остается констатировать, что, если интерес к РПЕ и сохранялся, то, по всей видимости, был он невелик, ибо она в отличие от грамоты Хакона, которую так или иначе учел Иннокентий III, затем подтвердил Хакон Старый и, наконец, «внимательно изучил» архиепископ Эйлив, не являлась официально признанным документом.

Отсюда РПЕ можно рассматривать, если не в качестве некоей политической программы (именно так на этот текст, проводящий идею сильной королевской власти в качестве официальной государственной идеологии, смотрит такой большой авторитет в современной норвежской медиевистике, как С. Багге⁴⁵), то, по крайней мере, как пролегомены к ней. Отношения, сложившиеся в Норвегии между королевской властью и церковью на рубеже XII–XIII вв., во всех рассмотренных текстах представляются как ненормальные — и это самое важное. Сверрир, оказавшись к концу своего правления в положении аутсайдера, как на полях сражений, так и в области ведения полемики, при этом был не готов отступить от главного — от

⁴⁵ Bagge S. Kong Sverre // Titlestad T., Bagge S. Roma midt imot: Kong Sverre Sigurdssons kamp mot biskopene. Oslo, 2018. S. 16.

идеи примата внутреннего и внешнего суверенитета королевской власти⁴⁶. На этот тезис, дополненный идеей о четком разделении функций и задач различных групп внутри социума, а также роли в нем церкви и монарха, об их предназначении в этом мире, нанизаны все другие обсуждаемые в РПЕ темы. Подобный же взгляд на общественное устройство отражен и в «Саге о Сверрире»⁴⁷, отчего связь двух этих произведений становится еще более очевидной. Нет ли отзвука этой программы и в грамоте Хакона Сверрессона, где говорится: «...я согласен прекратить [ссору с церковью] с тем, чтобы всё духовенство полностью признало мое достоинство и честь, которые следует оказывать законному королю, и каковые полагаются мне в соответствии со Священным Писанием и законами страны» (пер. мой. — С.А.)?

Видится, что именно это, а не безоговорочное примирение с церковью исключительно на ее условиях и являлось политическим завещанием короля Сверрира. Изложено оно было, возможно, в не дошедшей до нас так называемой «грамоте об управлении государством», которой Хакону Сверрессону Норвегия и власть над ней передавалась в качестве наследства (одаля), а сам молодой король наставлялся в том, что ему необходимо утвердить свой суверенитет над всеми общественными силами. Именно эти положения лягут в основу политики королей из «рода Сверрира» вплоть до 1319 г., когда прервется линия прямых мужских потомков его великого основателя.

References

Agishev S.Yu. *O sootnoshenii ponyatiy "odal" i "sobstvennost" v norvezhskom zakonodatel'stve XI–XIII vv.* [On the Correlation of the Concepts of Odal and Property in the Norwegian Legislation from the 11th through the 13th Centuries] // *Kontsept-yavleniye "sobstvennost" v obshchestvennoy strukture zapadnoyevropeyskogo Srednevekov'ya* [Concept and Phenomenon of Property in the Social Structure of the Western European Middle Ages] / Ed. by N.A. Khachatryan / *Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 162. Series II. Istoricheskiye issledovaniya. N 101. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. P. 60–85.

⁴⁶ Сходную позицию занимает и Т. Титлестад, говоря о том, что нигде, как в РПЕ, в том числе и в сагах, не была так ясно выражена идея норвежского суверенитета (*Titlestad T. Roma midt imot. Kong Sverre Sigurdssons kamp mot pavekirken* // *Ibid.* S. 33).

⁴⁷ «Воины должны быть в мирное время, как ягнята, а в немирье — свирепы, как львы. Купцы и бонды тоже должны следовать своему естеству, наживать добро правдой и трудом, беречь его с умом, а давать со щедростью. А меньшие люди должны быть благодарны и служить тем, кто поставлен над ними, с доброй волей и по мере своих сил» (Сага о Сверрире. С. 105).

Agishev S.Yu. *Teodorik Monakh i yego "Istoriya o drevnikh norvezhskikh kolyakh"* [Theodoric the Monk and his *Ancient History of the Norwegian Kings*]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2013. 671 p.

Bagge S. *Den heroiske tid- kirkereform og kirkekamp // Ecclesia Nidrosiensis: Søkelys på Nidaroskirkens og Nidarosprovinsens historie* / Red. S. Imsen. Trondheim: Tapir akademisk forlag, 2003. S. 51–82. (Senter for middelalder studier, NTNU, Skriftet Nr. 15).

Bugge A. *Tidsrummet 1103–1319*. Kristiania: Aschehoug & Co (W. Nygaard), 1916. 395 s. (Norges historie fremstillet for det norske folk. Bd. II.2).

Gunnes E. *Kongens ære. Kongemakt og kirke i "En tale mot biskopene"*. Oslo: Gyldendal, 1971. 395 s. (Skrifter Det kongelige Norske videnskabers selskab. Bd. 1).

Helle K. *Borgerkrigenes siste fase*. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1995. 240 s. (Aschehougs Norgeshistorie. Bd. 3).

Helle K. *Norge blir en stat 1130–1319*. Oslo: Universitetsforlaget, 1964. 211 s. (Handbok i Norges historie. Bd. I. Del 3. Scandinavian University Books).

Holtsmark A. *En tale mot biskopene. En sproglig-historisk undersøkelse*. Oslo: Fritjof Nansens Fond, 1931. 67 s. (Skrifter utgitt av Det norske vitenskapsakademi i Oslo).

Krag C. *Sverre — Norges største middelalderkonge*. Oslo: Aschehoug, 2005. 289 s.

Medieval and Modern Civil Wars: A Comparative Perspective / Ed. by Jón Viðar Sigurðsson, H.J. Orning. Boston: BRILL, 2021. 316 p. (The History of Warfare. Vol. 135).

Munch P.A. *Det norske Folks Historie*. Bd. VII. Oslo: Blix Forlag, 1943. 541 s. (Serie C: Norske historikere. Nr. 7).

Ne tol'ko sagi...: rannyya istoriya Norvegii v srednevekovykh pamyatnikakh [Not Just Sagas...: Early Norwegian History in Medieval Texts] / Comp. and ed. by S.Yu. Agishev. Saint Petersburg: Nauka, 2017. 469 p.

Paasche F. *Kong Sverre*. Kristiania: H. Aschehoug & Co (W. Nygaard), 1920. 303 s.

Sars J.E. *Udsigt over den norske historie*. D. 2. Christiania: Cammermeyer, 1877. 400 s.

Titlestad T., Bagge S. *Roma midt imot: Kong Sverre Sigurdssons kamp mot biskopene*. Oslo: Saga Bok, 2018. 70 s.

Uspenskiy F.B. *Imya i vlast': vybor imeni kak instrument dinasticheskoy bor'by v srednevekovoy Skandinavii* [Name and Power: Name Choice as an Instrument of Dynastic Struggle in Medieval Scandinavia]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 160 p.

Uspenskiy F.B. *Lyudi, teksty i veshchi. Iz istorii kul'tury srednevekovoy Skandinavii* [People, Texts and Things. From the Cultural History of Medieval Scandinavia]. Moscow: FORUM; NEOLIT, 2015. 256 p.

Поступила в редакцию
16 марта 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-28-34

С.В. Мироненко

К ИСТОРИИ ТАЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

S. V. Mironenko

ON THE HISTORY OF THE SECRET POLITICAL POLICE OF RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE NINETEENTH CENTURY

Аннотация. Статья представляет собой публикацию, с расширенным комментарием, исторического документа — записки Михаила Кирилловича Грибовского, руководившего созданной в начале 1820-х гг. после «Семеновской истории», тайной военной полицией в Гвардейском корпусе. Записка составлена в 1822 г. и хранится в Российском государственном военно-историческом архиве. В комментарии к ней описывается предыстория создания тайной полиции: деятельность самого М.К. Грибовского, изданная им брошюра «О состоянии крестьян господских в России» и ее восприятие современниками. Приводятся общие сведения о созданной М.К. Грибовским структуре и особенностях ее финансирования. Упомянуется его известная в историографии записка, посвященная декабристскому Союзу благоденствия (благодаря в том числе этой записке Александр I располагал сведениями о данном обществе). В комментарии сообщается еще о трех записках М.К. Грибовского, изданных в последние десятилетия. Применительно к публикуемой записке делается вывод, что в ней рассказывается о попытках отыскать брошюру «Краткие наставления русским рыцарям» М.А. Дмитриева-Мамонова, вышедшую в 1816 г. небольшим тиражом и несохранившуюся. Дается краткая история организации, для которой эта брошюра была составлена — Ордена русских рыцарей — и которая, по мнению автора, не существовала в реальности. Перечисляются известные фигуры, которые были причастны к замыслам по созданию Ордена русских рыцарей. Не-

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации

Mironenko Sergey Vladimirovich, Doctor in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Lomonosov Moscow State University; Scientific Director, State Archive of the Russian Federation

cafedra19-20msu@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-5461-2210

смотря на то, что публикуемая записка не подписана, автор атрибутирует ее (на основании сличения почерка) как составленную М.К. Грибовским. Раскрывается вероятная фигура, зашифрованная в записке под аббревиатурой. Делается вывод, что представленная записка показывает, как работал политический сыск в России в конце царствования Александра I. Так, например, интерес М.К. Грибовского к Ордену русских рыцарей, отмечает автор, был вызван предположением, что М.А. Дмитриев-Мамонов издал в виде «Кратких наставлений русским рыцарям» устав Союза благоденствия.

Ключевые слова: Михаил Кириллович Грибовский, Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, Орден русских рыцарей, Союз благоденствия, декабристы, Александр I.

Abstract. The article is a publication of and extended commentary on Mikhail Kirillovich Gribovsky's text. He was in charge of the Guards Corps' secret military police service organized in the early 1820s, after the "Semenovsky history". In 1822, he compiled a note which is kept in the Russian State Military History Archive. The commentary describes the prehistory of the creation of the secret police: Gribovsky's activities, his brochure *On the State of Landlords' Peasants in Russia* and its perception by contemporaries. The article provides general information about the service created by Gribovsky and peculiarities of its financing. It refers to Gribovsky's note on the Decembrist Union of Prosperity (thanks to it Alexander I had information about this society) and his three more notes, published in the last decades. The author concludes that Gribovsky writes in his note about the attempts to find the *Brief Instructions to Russian Knights* by M.A. Dmitriev-Mamonov, which were published in 1816 in limited edition and have not been preserved. He gives a brief history of the organization, the Order of Russian Knights, for which this brochure was compiled, and implies that this Order did not exist. Celebrities involved in the project of the Order of Russian Knights are listed. Despite the fact that the note is not signed, the author attributes it to Gribovsky on the basis of handwriting analysis and identifies the likely person behind the abbreviation. The note shows how political police worked in Russia at the end of Alexander I's reign. For example, the Gribovsky's interest in the Order of Russian Knights was caused by the assumption that M.A. Dmitriev-Mamonov's *Brief Instructions to Russian Knights* were, in fact, a charter of the Union of Prosperity.

Keywords: Mikhail Kirillovich Gribovsky, Matvei Aleksandrovich Dmitriev-Mamonov, Order of Russian Knights, Union of Prosperity, Decembrists, Alexander I.

* * *

После возмущения Семеновского полка в 1820 г. у командующего гвардейским корпусом И.В. Васильчикова возникла мысль создать в гвардии тайную полицию. Ее организация была поручена «библиотекару при гвардейском штабе» М.К. Грибовскому¹.

¹ Рогинский А.Б., Равдин Б.Н. Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 94; РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 38. Л. 296-296 об.

Особенную известность Грибовскому принесла изданная им в 1816 г. в Харькове брошюра «О состоянии крестьян господских в России», где он писал о необходимости ликвидации крепостного права. В показаниях на следствии член тайного Южного общества декабристов И.Г. Бурцев подчеркивал, что появление сочинения Грибовского, которое, по слухам, «удостоилось высочайшего внимания государя императора», возбудило в нем и его товарищах «рвение сделать полезным правительству» в его реформаторских намерениях². Под товарищами Бурцев имел ввиду членов легального Военного общества (Общества военных людей, переименованное позднее в Общество любителей военных наук), которое было учреждено с согласия императора Александра I в 1816 г. одновременно с созданием военной библиотеки при Главном штабе Гвардейского корпуса.

Общество было первым в России научно-военным объединением. Оно издавало свой журнал, который редактировал декабрист, член Союза благоденствия Ф.Н. Глинка. Почетными членами общества были братья императора великие князья Николай и Михаил Павловичи, начальник Главного штаба князь П.М. Волконский, генералы А.А. Закревский, М.Ф. Орлов, П.Д. Киселев, адмирал А.С. Шишков и другие видные военные деятели того времени. Был членом общества и Грибовский³.

К 1820 г. Васильчиков по его собственному признанию знал Грибовского уже пять лет. В письме к П.М. Волконскому, который сопровождал Александра I в поездке на конгресс Священного союза в Троппау, Васильчиков писал 17 декабря 1820 г., что честность Грибовского «испытана, он образован, умен, скромн, предан государю и не принадлежит ни к какому обществу». Со времени «истории Семеновского полка», писал Васильчиков, он уже поручил Грибовскому «на время» управление тайной полицией в Гвардейском корпусе. К письму был приложен проект учреждения военной полиции и ее бюджет. Васильчиков предупреждал своего адресата, что главное условие, которое поставил ему Грибовский, «есть непроницаемая тайна». Уже 6 января 1821 г. Волконский послал в Петербург утвержденный императором проект и сообщил, что кандидатура Грибовского одобрена. Деньги, предназначенные на организацию тайной полиции, Васильчикову должен был вручить дежурный генерал Главного штаба А.А. Закревский «без всякой формальной бумаги». Причем, замечал Волконский, он не будет знать, «на какой предмет эти деньги предназначены». Поскольку

² Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. М., 1984. С. 190.

³ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 104-105.

Грибовский должен был получать «довольно значительное содержание», Волконский предостерегал Васильчикова, чтобы тот был осторожен в расходовании полученной суммы, дабы не привлечь к себе постороннее внимание⁴.

В исторической литературе давно и хорошо известна записка Грибовского о существовании тайного декабристского общества Союз благоденствия⁵. Еще в 1857 г. о том, что император Александр I знал об этом тайном обществе, намекнул М.А. Корф в своей книге «Восшествие на престол императора Николая I» («известное ему и весьма немногим доверенным он хранил в глубочайшей тайне, ограничиваясь бдительным наблюдением. Но показание одного чиновника, добровольно сделанное пред командиром Гвардейского корпуса генерал-адъютантом Васильчиковым...»)⁶.

Однако о деятельности тайной военной полиции во времена декабристов, как и о ее руководителе М.К. Грибовском, кроме этого, пусть и важнейшего, документа известий не так много. Опубликованы три его записки, сохранившиеся в канцелярии А.Х. Бенкендорфа⁷. Найдены они были при разборе бумаг в кабинете умершего императора Александра I, а затем отправлены И.И. Дибичем в марте 1826 г. в Следственный комитет по делу декабристов А.Х. Бенкендорфу⁸.

Публикуемый ниже документ, хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), представляет

⁴ Русская старина. 1871. № 12. С. 661–663.

⁵ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–17. Копия, заверенная чиновником Следственного комитета по делу декабристов А.А. Ивановским (л. 17). На первом листе копии помета чернилами А.А. Иванова: «Копия с записки, найденной в кабинете покойного государя, представленной его величеству в 1821 году генерал-адъютантом А.Х. Бенкендорфом». (Составлена Грибовским) (л. 10). Впервые донос был опубликован в журнале «Русский архив» (1875. № 12. С. 423–430). См. также: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1897. С. 203–215; *Чернов С.Н.* Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. // Ученые записки Саратовского университета. Т. II. Вып. 4. Саратов, 1924; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 348–353; *Рогинский А.Б., Равдин Б.Н.* Указ. соч.; *Миرونенко С.В.* Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. С. 114–137; и др.

⁶ *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 250.

⁷ ГА РФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 142. Два из них опубликованы А.В. Семеновй (Советские архивы. 1991. № 6. С. 65–71), третий — В.М. Боковой (Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. XII. М., 2003. С. 78–84).

⁸ ГА РФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 142. Л. 1. И.И. Дибич писал: «По высочайшему повелению имею честь препроводить при сем найденные в кабинете покойного государя императора секретные бумаги, заключающиеся в десяти разных записках и письмах, для внесения оных после собственного рассмотрения и соображения на рассмотрение в комиссию о злоумышленных обществах».

собой еще одну записку Грибовского. Она написана им собственноручно и датирована 4-м марта 1822 г. Вот ее полный текст (с исправлением пунктуации в соответствии с современными правилами правописания):

«После всех изысканий не найдено ни в одной книжной лавке вновь изданной брошюрки, которая бы заслуживала внимания. От Ф.А.К.Г. также ничего невозможно было узнать. Предполагая, что она могла быть издана кем-либо из членов С.Б., или, по крайней мере, должна быть им известна, обратился в сию сторону. Нерешительные ответы и уклонение от сего предмета подтвердили сомнение.

Наконец открыто, что один из членов существовавшего еще до французской войны в собранной на польской границе армии общества под печатью (рисунок пером, изображающий покосившуюся ель с прислоненными к ней слева скрижалями. — С.М.) и полагавшегося давно исчезнувшим, приглашал в оное К.Г., назвал ему 4 членов, между прочими Алексея Пушкина и Дм. Мамонова (не адъютанта Вашего Сиятельства) и дал прочесть сочиненную последним брошюрку: Наставление Русскому Рыцарю. В оной выписками из Св. Писания прикрыта цель общества; напечатана без цензуры.

К.Г., получа ее в руки, не вступил в общество, а рассказывал об ней разным лицам. Члены С.Б., не зная сначала, какая именно книга, и опасались (в оригинале «опасаясь». — С.М.), не их ли Зеленая. Равно член, давший ее, употребил (в оригинале «употребит». — С.М.) все способы вырвать от К.Г. Не успев, старались его уверить, что она ничего не содержит. Но он не был убежден. Отговаривается теперь, что не имеет уже книжки; и если, представляя оную Вашему Сиятельству, не сказал всего, то или не хотел, или сам не знает точно.

Члены С.Б. положились вырвать ее как[им бы то] ни было средством, и обещали показать. Между тем другою дорогою также взяты меры.

4 марта 1822

С[анкт]-П[етер]бург»

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 635. Л. 45-45 об.⁹

В записке речь идет о поисках брошюры М.А. Дмитриева-Мамонова «Краткие наставления русским рыцарям». Она была отпечатана в 1816 г. в типографии Московской медико-хирургической академии тиражом 25 экземпляров (на франц. языке). Ни один экземпляр брошюры не сохранился.

Преддекабристская тайная организация Орден русских рыцарей была создана, по свидетельству Дмитриева-Мамонова, в августе 1812 г. Видимо, в реальности организация не существовала, хотя ее основатель М.А. Дмитриев-Мамонов является автором несколь-

⁹ Приношу сердечную благодарность О.В. Эдельман за указание на место хранения этого документа и предоставление его копии.

ких программных документов Ордена¹⁰. В числе его членов современные исследователи называют генерала М.Ф. Орлова; близкого к П.И. Пестелю М.Н. Новикова, автора не дошедшего до нас конституционного проекта республиканского переустройства политической власти в России. Среди членов Ордена также значатся Н.И. Тургенев и еще два лица, зашифрованные им в книге «Россия и русские» под инициалами М. и Б. Под инициалом М., по единодушному мнению исследователей, Тургенев скрыл А.С. Меншикова, а под Б. — то ли А.Х. Бенкендорфа (что маловероятно), то ли И.М. Бибикина. В литературе высказывались мнения о принадлежности к Ордену Д.В. Давыдова и Ф.П. Толстого¹¹.

Публикуемая записка сохранилась в составе дела, имеющего заголовок «С правилами Иллюминатского общества Союз Благоденствия. Начато 1817, оконч. 4 марта 1822». На нижнем поле первой страницы записки помета карандашом: «4 марта 1822. О Союзе Благоденствия 1817 г.». Документ не имеет подписи, но в оглавлении дела указано, что он написан Грибовским. Записка написана тем же почерком, принадлежащим Грибовскому, что и три вышеупомянутые доноса.

Что явилось поводом к попытке в 1822 г. отыскать брошюру Дмитриева-Мамонова, так до конца и не ясно. Зато записка хорошо демонстрирует методы политического сыска. Под буквами Ф.А.К.Г. Грибовский с целью конспирации скрыл, по всей вероятности, флигель-адъютанта князя Владимира Сергеевича Голицына (1794–1861). Даже в бумаге, адресованной скорей всего И.В. Васильчикову в собственные руки, он не назвал его имени («непроницаемая тайна»). Современники отзывались о Голицыне как о повесе, меломане, ценившем музыку и разбиравшемся в ней, любившем хорошо поесть и угостить друзей. Генерал А.М. Фадеев, знавший князя по совместной службе на Кавказе, писал, что «его жизнь, исполненная авантюр всякого рода, навевала иногда тень на иные его поступки»¹². Ф.Ф. Вигель, упоминая Голицына в своих широко известных мемуарах, говорил, что он употреблял «во зло дары природы», и продолжал: «Его называли Аполлоном, он имел силу Геркулеса и был ума веселого, затейливого, и оттого вся его жизнь была сцепление проказ, иногда жестоких, иногда преступных, редко безвинных»¹³. Будучи склонным к авантюрам, Голицын, как видно из публикуемой записки, не

¹⁰ Лотман Ю.М. М.А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 2. Таллинн, 1992.

¹¹ Бокова В.М. Указ. соч. С. 254–255.

¹² Русский архив. 1891. № 9. С. 163.

¹³ Вигель Ф.Ф. Записки. Т. 1. М., 1928. С. 79–80.

брезговал выполнять поручения Грибовского. Понятно, что отнюдь не бескорыстно. Грибовский и сам наводил справки среди членов Союза благоденствия, которые, по его словам, были обеспокоены, не устав ли Союз благоденствия (Зеленая книга) был издан Мамоновым. Жаль только, что, видимо, никогда не удастся узнать, какою «другою дорогою» Грибовский хотел продолжить розыск.

Вводимая в исторический оборот записка — новое свидетельство о деятельности Грибовского уже после его доносов на декабристов и назначения на должность руководителя тайной полиции в Гвардейском корпусе. Она показывает, что и в период, последовавший за мнимым роспуском Союза благоденствия по решению Московского съезда, власть не прекратила следить за его членами и настроениями в российском обществе.

References

Bokova V.M. *Epokha taynykh obshchestv* [The Age of Secret Societies]. Moscow: Realii-Press, 2003. 656 p.

Chernov S.N. *Neskol'ko spravok o "Soyuze blagodenstviya" pered Moskovskim s'yezdom 1821 g.* [Few References about the Union of Prosperity in front of the Moscow Congress in 1821] // *Uchenyye zapiski Saratovskogo universiteta*. 1924. Vol. II. Issue 4. P. 12–16.

Lotman Yu.M. *M.A. Dmitriyev-Mamonov — poet, publitsist i obshchestvennyy deyatel'* [M.A. Dmitriyev-Mamonov: Poet, Publicist and Public Figure] // Lotman Yu.M. *Izbrannyye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 282–349.

Mironenko S.V. *Aleksandr I i dekabristy. Rossiya v pervoy chetverti XIX veka. Vybory puti* [Alexander I and the Decembrists. Russia in the First Quarter of the 19th Century. Path Choice]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 400 p.

Nechkina M.V. *Dvizheniye dekabristov* [The Decembrists' Movement]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 483 p.

Roginskiy A.B., Ravdin B.N. *Vokrug donosa Gribovskogo* [Around Gribovsky's Denunciation] // *Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii* [Liberation Movement in Russia]. Issue 7. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1978. P. 91–100.

Schilder N.K. *Imperator Aleksandr I. Yego zhizn' i tsarstvovaniye* [Emperor Alexander I. His Life and Reign]. Vol. IV. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1898. 716 p.

Поступила в редакцию
1 июня 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-35-48

Ю.А. Борисёнок, И.А. Бабоша

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ПОЛЬСКИЙ
ЦЕНТР» В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ
ЗАГРАНИЧНЫХ АГЕНТОВ Ю. БАЛАШЕВИЧА
И А. СТЕМПКОВСКОГО (1867–1870 гг.)**

J.A. Borisionok, I.A. Babosha

**THE ACTIVITIES OF THE POLISH EMIGRANT
ORGANIZATION “REPUBLICAN POLISH CENTER”
IN THE REPORTS OF RUSSIAN FOREIGN AGENTS
J. BALASZEWICZ AND A. STEMPKOWSKI (1867–1870)**

Аннотация. Предмет статьи — представления сотрудников российской заграничной агентуры Ю. Балашевича и А. Стемпковского о революционно-демократической организации польской эмиграции «Республиканский польский центр» (ОРП), существовавшей в 1867–1870 гг. В историографии это общество изучалось преимущественно с точки зрения его идеологических особенностей на основе источников, созданных в самой эмигрантской среде. В данной работе подчеркивается целесообразность комплексного обращения к альтернативным, использовавшимся лишь эпизодически при

Борисёнок Юрий Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Borisionok Jurij Arkadyevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Бабоша Иван Александрович, аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий редактор в отделе научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН

Babosha Ivan Aleksandrovich, Postgraduate Student, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Editor, Department of Scientific and Bibliographical Information, Fundamental Library, INION, RAS

ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

изучении данной темы материалам — российским агентурным донесениям. Отчеты заграничных российских агентов позволяют осветить сюжеты, находившиеся ранее на периферии исследовательской оптики, — проблемы вовлеченности ОРП в деятельность по подделке российских банкнот и в планы убийства европейских монархов. В контексте исследуемой проблематики также по-новому ставится вопрос о роли этой организации в международном революционном движении. Анализируются два неиспользованных ранее фрагмента донесений А. Стемповского. В первом из них приводятся данные об отношении генерала Ю. Гауке-Босака к фальшивомонетничеству, а во втором сообщается о перехвате известном исследователям письма итальянского революционера Дж. Мадзини к ОРП, в котором излагалось его мнение по поводу славянского вопроса на Балканах и роли в нем польского национально-освободительного движения. Кроме того, в исследовании рассматриваются под ракурсом заявленной проблематики уже опубликованные в польском переводе отчеты Балашевича. Подчеркивается, что, согласно агентурным отчетам, ОРП был активно вовлечен в планы итальянских и французских республиканцев во главе с Дж. Мадзини по ликвидации Наполеона III, но при этом не располагал необходимыми ресурсами и союзниками среди других польских эмигрантов для организации самостоятельных покушений на Александра II, являвшегося более приоритетной целью для поляков. Авторы делают вывод, что в оптике донесений Ю. Балашевича и А. Стемповского ОРП представляется второстепенным звеном в революционных проектах международных радикалов.

Ключевые слова: польская эмиграция, донесения агентов, царубийства, фальшивомонетничество, Л. Булевский, Ю. Гауке-Босак, Дж. Мадзини, Наполеон III.

Abstract. The subject of the article is the ideas of the Russian foreign agents J. Balaszewicz and A. Stempkowski about the revolutionary democratic organization of the Polish emigration Republican Polish Center (RPC), which existed in 1867–1870. In historiography, this organization has been studied mainly from the point of view of its ideological features on the basis of sources created in the emigrant environment. The authors emphasize the expediency of a comprehensive treatment of alternative materials, Russian agent reports, that have been used only sporadically in the study of this topic. They allow us to shed light on the subjects that were previously on the periphery of the research optics, i.e. the problems of the involvement of the RPC in the counterfeiting of Russian banknotes and in plans to assassinate European monarchs. In the context of the problems under study, the question of the role of this organization in the international revolutionary movement is also raised in a new way. The authors examine two previously unused fragments of Stempkowski's reports. The first of them contains data on the attitude of General J. Hauke-Bosak to counterfeiting, and the second one informs of the interception of the well-known letter of the Italian revolutionary G. Mazzini to the RPC, in which he expresses his opinion on the Slavic question in the Balkans and the role of the Polish national liberation movement in it. The article examines Balaszewicz's reports, already published in Polish translation, from the perspective of the problems under study. It emphasizes that, according to agents' reports, the RPC was actively involved in the plans of Italian and

French republicans led by G. Mazzini to eliminate Napoleon III, but did not have the necessary resources and allies among other Polish emigrants to organize assassination attempts against Alexander II, who was a higher priority target for the Poles. The authors conclude that the RPC appears to be a minor link in the revolutionary projects of international radicals in the optics of Balaszewicz and Stempkowski's reports.

Keywords: Polish emigration, reports of agents, regicides, counterfeiting, L. Bulewski, J. Hauke-Bosak, G. Mazzini, Napoleon III.

* * *

В сентябре 1867 г. Людвик Булевский (1824–1883) и генерал Юзеф Гауке-Босак (1834–1871), видные деятели радикально-демократического крыла польской эмиграции, основали группировку «Республиканский польский центр» (польск. Ognisko republikańskie polskie, сокращенно ОРП¹). Движение создавалось в качестве «польской секции» (польск. Wydział Polski) при международной революционной организации «Всемирный республиканский союз» (фр. Alliance Républicaine Universelle), возглавляемой знаменитым итальянским революционером Дж. Мадзини. В историографии подробно исследовалась идеология ОРП на основании данных эмигрантской переписки, прессы и программных документов².

Тем не менее, в литературе не были еще полноценно проанализированы направления деятельности ОРП (а также других радикальных группировок польской эмиграции), которые представляли угрозу с точки зрения российского самодержавия. Важно отметить, что именно во второй половине 1860-х гг. среда польской эмиграции ярко продемонстрировала свою опасность. 6 июня (25 мая) 1867 г. польский эмигрант и террорист-одиночка Антоний Березовский совершил покушение на Александра II, приехавшего в Париж на всемирную выставку по приглашению Наполеона III³. Еще одним лейтмотивом донесений российской заграничной агентуры была вовлеченность польской эмиграции в изготовление поддельных российских банкнот (см. далее). Однако вопрос степени вовлеченности

¹ Поскольку в отечественной литературе нет общепринятых сокращений названия этой группировки, в данной статье будет использоваться калькированная с польского аббревиатура — ОРП (от польск. ORP).

² См., например: *Żmigrodzki J. Józef Bosak-Hauke // Niepodległość*. T. VIII. Warszawa, 1933. S. 173–205; *Złotorzycka M. Ideologia "Ogniska Republikańskiego Polskiego" (1867–70) // Niepodległość*. T. XII. Warszawa, 1935. S. 1–21; *Kozłowski E. Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871*. Warszawa, 1973. S. 319–333; *Radykalni demokraci polscy: wybór pism i dokumentów. 1863–1875 / Wyd. F. Romaniukowa*. Warszawa, 1960; *Borej-sza J. Emigracja polska po powstaniu styczniowym*. Warszawa, 1966. S. 145–156.

³ Об обстоятельствах подготовки покушения, судебном процессе над А. Березовским и реакции общественности см.: *Złotorzycka M. Antoni Berezowski i jego zamach na Aleksandra II-go // Niepodległość*. T. IX. Warszawa, 1934. S. 321–350.

ОРП в планы царубийства и фальшивомонетничества в историографии не получил специального рассмотрения.

Поэтому представляется целесообразным обратиться к данным российских агентурных отчетов, поскольку в их фокусе находились не столько идеологические споры, сколько практические аспекты работы ОРП, непосредственно угрожавшие государственной безопасности. В польской историографии часто высказывались мнения о крайней предвзятости агентурных донесений⁴. Однако аналогичный упрек можно предъявить и к документам, выходящим из-под пера польских эмигрантов, заинтересованных в создании негативного образа «царизма» и идеализации героев повстанческой борьбы.

В данной статье использованы донесения двух весьма эффективных российских заграничных агентов — Юлиана Балашевича, в 1865–1875 гг. внедренного в лондонский центр эмиграции под личиной «графа Потоцкого»⁵, и Адольфа Стемпковского, польского эмигранта-перебежчика, известного шпионско-провокационной деятельностью среди своих бывших товарищей по оружию в Швейцарии⁶. Цель работы — выяснить, какие сферы деятельности «Республиканского польского центра» представляли интерес для российской агентуры с точки зрения донесений Балашевича и Стемпковского: роль ОРП в тогдашнем международном револю-

⁴ Р. Гербер, например, подчеркивал, что в донесениях Ю. Балашевича, несмотря на их основательность, польские эмигранты показаны как бы «в кривом зеркале». См.: *Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). Raporty szpiega. T. 1–2 / Wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. T. 1. Warszawa, 1973. S. 78.*

⁵ В историографии неплохо обрисована общая карьерная траектория Балашевича, хотя потенциал его донесений еще далек от исчерпания. См.: *Кантор Р.М. П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922. С. 486–511; Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018. С. 275–303; Дьяков В.А. Глазами царского агента // Прометей. Т. 7. М., 1969. С. 327–340; Gerber R. Op. cit. S. 5–78; Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 114–116; Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. М., 2002. № 5. С. 127–138; Он же. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 126–144; *Бабоша И.А. Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // Родина. М., 2022. № 10. С. 106–109.* В статье используется подготовленная Р. Гербером публикация донесений Балашевича в польском переводе В. Сливовской. См.: *Potocki A. Op. cit.**

⁶ Донесения А. Стемпковского известны многим исследователям польского и российского революционного движения (в результате его провокации швейцарские власти арестовали С.Г. Нечаева и выдали его России в 1872 г.), однако полноценное научное описание его послужного списка сделал пока только Р. Гербер в своем очерке об истории провокации в среде польской эмиграции, где основной акцент был сделан на Балашевиче (*Gerber R. Op. cit. S. 27–32*). В статье использованы два отчета Стемпковского за 1868 г. из Ф. 109 Государственного архива РФ (см. далее).

ционном движении, его вовлеченность в проекты цареубийства и фальшивомонетничества в среде польской эмиграции.

Первое подробное описание ОРП⁷ Ю. Балашевич представил в отчете от 8 февраля 1868 г. Согласно этому донесению, на организационном собрании группировки председателем и главой швейцарской секции был выбран Ю. Гауке-Босак, а вице-председателем и руководителем лондонского ответвления общества стал Л. Булевский⁸. Определенное беспокойство у руководства III Отделения должно было вызвать замечание Балашевича о том, что принципы деятельности ОРП напоминали «тайные кружки карбонариев»: «цель оправдывает средства», «убийства коронованных особ и воровство — вот основные догматы их веры». Агент подчеркнул, что Босак и Булевский «открыто пропагандируют цареубийство» и «жаждут убийства императоров Франции, Пруссии (на тот момент Вильгельм I был еще королем. — Ю.Б., И.Б.) и Австрии, чтобы в дальнейшем создать европейскую республику»⁹.

Балашевич не преувеличивал, сообщая об открытой пропаганде цареубийства двумя революционерами. Булевский в 1867 г. выступил от имени ОРП с «Письмом к Березовскому», в котором оправдывал польского эмигранта-террориста, покушавшегося на жизнь Александра II и, среди прочего, подчеркнул, что «...каждый поляк, если в каком-либо месте встретит царя — имеет право его убить, поскольку он несет несчастье стране, по земле которой ходит»¹⁰. Гауке-Босак в письме Э. Араго (французскому адвокату А. Березовского) оценил это покушение как «попытку осуществления справедливости от имени польского народа», поскольку «преступления царизма остаются безнаказанными»¹¹.

Кроме того, в указанном выше донесении самозванный граф отметил законспирированный характер общества, указав, что Босак не согласился с требованием Демократического общества¹² рас-

⁷ В отчетах 1867–1870 гг. Балашевич регулярно именовал эту организацию «Революционным польским центром» (“Ognisko rewolucyjne polskie”), а не «республиканским». Вероятно, у него произошла контаминация с предыдущей группировкой Булевского (тогда он еще не объединился с Гауке) с похожим названием — «Революционным польским центром» (1864–1867 гг.). См.: *Borejsza J.* Op. cit. S. 145.

⁸ *Potocki A.* Op. cit. T. 2. S. 143.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Цит. по: *Złotorzycka M.* Op. cit. S. 340.

¹¹ Цит. по: *Kozłowski E.* Op. cit. S. 291. Письмо из Женевы от 2 июля 1867 г.

¹² Польское демократическое общество (ПДО) — радикальная эмигрантская группировка, в 1866–1870 гг. единолично возглавлялась генералом Л. Мерославским, враждовавшим с Л. Булевским. См.: *Zychowski M.* *Generał kłęski: Ludwik Mierosławski.* Warszawa, 1965. S. 598–637.

крыть фамилии членов ОРП и что они «будут держаться в тайне»¹³. Принцип тайного членства действительно практиковался ОРП, и на данный момент невозможно установить точное число членов группировки. Е. Борејша, основываясь на том, что число подписчиков газеты этого общества („Rzecz Pospolita”) никогда не превышало 100 человек, что Босак после выхода из организации в августе 1869 г. заявил о 29 членах, а также о том, что 5 человек было достаточно для организации локальной ячейки ОРП, заключил, что Булевский мог втянуть в свою орбиту не более 100 человек¹⁴. Примечательно, что Балашевич в отчете 23 апреля 1868 г. указал, что в ОРП было около 150 членов, что немного превышает оценку историка¹⁵.

Агент составил довольно точное описание идеологии ОРП. Так, программа этой группировки была похожа на мадзинистскую («создание европейской республики» и т.д.). Под республиканским устройством явно имелось в виду преобразование Европы в свободную федерацию национальных республик, а не образование унитарного панъевропейского государства, как это можно было бы вывести из формулировки «европейская республика», использованной Балашевичем¹⁶.

Особенно интересен факт, что Балашевич очертил довольно специфическую территорию террористической активности ОРП, указав Францию, Австрию и Пруссию, но не Россию. На практике он сообщал только о планах этого общества по устранению Наполеона III, практически не упоминая о том, готовились ли подобные проекты в отношении австрийского, прусского и тем более российского монархов. Примечательно, что он ни разу не попытался связать деятельность ОРП и ее предшественников с покушением Березовского на Александра II¹⁷.

Так, в отчете 30 октября 1867 г. «Потоцкий» оповестил начальство о необходимости уведомить французское правительство, что в Лондоне вызревал заговор с целью покушения на жизнь правителя Второй империи. Согласно донесению, в нем должны были принять участие лондонские агенты Мадзини — Оливьери и Кальветти («под-

¹³ *Potocki A.* Op. cit. T. 2. S. 143.

¹⁴ *Borejsza J.* Op. cit. S. 149.

¹⁵ *Potocki A.* Op. cit. T. 2. S. 150.

¹⁶ *Borejsza J.* Op. cit. S. 148.

¹⁷ В донесениях от 7, 10 июня и 20 июля 1867 г. Балашевич уверял начальство, что А. Березовский действовал не один и был лишь «пружиной общего заговора». Агент подозревал батинольскую общину польской эмиграции в Париже, но так и не обнаружил конкретных заказчиков покушения. В сохранившихся донесениях больше нет упоминаний об этом деле. См.: *Potocki A.* Op. cit. T. 2. S. 123–126.

держивают постоянный контакт с Булевым, который часто ездит по их делам в Париж») и собственно Булевский. Балашевич отметил, что французская полиция «безусловно знает о существовании заговора, но не знает, кто в нем участвует»¹⁸.

В донесении 14 декабря 1867 г. он сообщил о развязке: в конце ноября французская полиция перехватила два письма Булевского из британского г. Шеффилда и «открыла сущность заговора». Однако в связи с нахождением заговорщиков за пределами Франции преследование их в судебном порядке было невозможно¹⁹.

В отчете 11 января 1868 г. выяснилось, что «составленный Мадзини план покушения на Наполеона при соучастии Булевского и др.» был отменен. Итальянское правительство, узнав об этом проекте, «использовало все средства, чтобы предотвратить катастрофу», а французская полиция сумела арестовать многих заговорщиков и перехватить их переписку²⁰.

Судя по донесениям агента, Булевский и Мадзини, несмотря на неудачи, упорно не оставляли попыток ликвидировать Наполеона III вплоть до самого падения Второй империи в 1870 г. В донесении 11 марта 1869 г. Балашевич сообщил об аресте французской полицией двух членов ОРП — неких Рудницкого и Сенковского, подозреваемых в подготовке покушения на французского императора²¹. По данным самозваного графа на 16 марта 1870 г., против властителя Второй империи был открыт очередной заговор (арестовано 8 эмигрантов). Балашевич связал эти приготовления уже непосредственно с деятельностью французской республиканской оппозиции (союзниками Булевского и Мадзини). Он привел фрагмент речи Ле Мо, агента А. Ледрю-Роллена (одного из известных лидеров левых республиканцев): «Сомнительно, чтобы династия дожидая до годовщины, поскольку всё готово для выполнения задания»²².

Своеобразную «избирательность» царевбийственных проектов в отношении Наполеона III ОРП можно объяснить. Значительную роль, очевидно, играл географический фактор. Намного проще ликвидировать Наполеона III во Франции, имея базы и легальное присутствие в сопредельных странах (Великобритания, Швейцария), чем посылать законспирированных эмиссаров в Россию или дожидаться, пока Александр II отправится в заграничное путешествие.

¹⁸ Ibid. S. 136–137.

¹⁹ Ibid. S. 139.

²⁰ Ibid. S. 142.

²¹ Ibid. S. 170.

²² Ibid. S. 197.

Но и в случае путешествия российского монарха имелись сложности другого свойства. Балашевич в отчете от 20 июля 1868 г. проанализировал риски покушений на Александра II во время предстоящего зарубежного турне, в ходе которого планировалось посещение Лондона. Как подчеркивал агент, лондонская и парижская общины эмиграции, подверженные влиянию генерала Л. Мерославского (соперника Булевского), сошлись во мнении, что «политические убийства приносят больше вреда, чем пользы». Основываясь на данных своего информатора Верецкого, Балашевич заключил, что «...со стороны лондонской эмиграции нашему императору опасность не грозит», поскольку «антагонизм между Мерославским и Булевским обессиливает их обоих»²³.

Можно предположить, что в действительности ключевым фактором была скудность ресурсов ОРП и его зависимость от более влиятельных итальянских и французских революционных группировок в рамках «Всемирного республиканского союза». В донесении 26 сентября 1867 г. (вскоре после основания ОРП) Балашевич писал, что средства в распоряжении общества «минимальны и только в последнее время по просьбе Зеньковича (тестя и соратника Л. Булевского. — Ю.Б., И.Б.) Дзялыньский (польский граф-меценат. — Ю.Б., И.Б.) дал помощь в размере около 2000 франков»²⁴. В упомянутом выше отчете от 8 февраля 1868 г. «Потоцкий» отметил, что ОРП покровительствовал Мадзини и что его агент доктор Оливьери передал Булевскому 14 тыс. франков на первые нужды общества²⁵.

Из рапортов Балашевича явно следует, что ОРП выступал в качестве реципиента финансовой помощи, а движение Мадзини было его донором. Главным врагом итальянских революционеров и их союзников из французской республиканской оппозиции был режим Наполеона III, а не российское самодержавие. Логично предположить, что ОРП вынужден был действовать, прежде всего, в фарватере интересов своих «старших партнеров» и не имел финансов для самостоятельного решения задач польской национально-освободительной борьбы.

Кроме проектов цареубийств, в российских агентурных донесениях встречаются обвинения деятелей ОРП в фальшивомонетничестве. В исследовательской литературе известны сюжеты об участии выходцев западных губерний России в подделке российских банкнот в заграничных типографиях и их дальнейшей контрабанде в пределы

²³ Ibid. S. 157.

²⁴ Ibid. S. 134.

²⁵ Ibid. S. 143.

Российской империи²⁶. В то же время, в польской историографии принято подчеркивать, что собственно политические эмигранты (т.е. участники национального-освободительного движения, а не обычные преступники) не занимались фальшивомонетничеством и что все обвинения против них были провокациями российской агентуры, стремившейся очернить польскую эмиграцию в глазах западных властей. Такие провокации, действительно, имели место. В частности, на рубеже 1860–1870-х гг. подобной деятельностью занимался агент российского министерства финансов Г.П. Каменский, под началом которого некоторое время работал и А. Стемповский²⁷.

Тем не менее, известные примеры таких дискредитирующих провокаций не исключают причастность политической эмиграции к фальшивомонетничеству. В донесении от 4 (16) июня 1868 г. из Цюриха Стемповский отметил особый подход генерала Гауке-Босака, который явно нельзя свести к обычной преступной деятельности ради наживы.

По данным агента, несколько польских выходцев (Бонифаций Домбковский, Людвик Михальский, Владислав Борковский, Лисичевич [?], Игнаций Павловский, Болеслав Клавдий Квинта, он же «Пашквиль») «занимались подделкой фальшивых кредитных билетов и распространением таковых в Галиции и Великом княжестве Познанском от имени общества социалистов славянских и от изгнанного правительства (имеются ввиду отдельные члены Национального правительства, бежавшие в эмиграцию после поражения восстания 1863–1864 гг. — А.Б., И.Б.). Гауке-Босак, узнав об этой активности, «отдал вышеупомянутых мошенников под суд высшего трибунала, нарочно составленного по этому предмету в Базеле», поскольку «привилегией на подделку фальшивых кредитных билетов принадлежит исключительно центру революционного общества (в польском оригинале „Ognisko rewolucyjne” Ю.Б., И.Б.) и Обществу свободы и мира (польск. Liga wolności i pokoju. — Ю.Б., И.Б.)»²⁸.

²⁶ См., например, современные статьи по данной проблематике, основанные на материалах белорусских и украинских архивов соответственно: *Колобова И.Н.* Зарубежные центры по подделке российских кредитных билетов (вторая половина XIX в.) // *Pieniądz – kapitał – praca – wspólne dziedzictwo Europy – Białorus – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Słowacja – Ukraina / Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa, 2008. S. 193–197; *Войка-Гагарин А.* Нові дані про ввезення до Російської імперії фальшивих грошей із Англії протягом XIX ст. // *Наукові записки з української історії.* Переяслав-Хмельницький, 2019. Вип. 45. С. 207–218.

²⁷ См. подробнее: *Кухажевский Я.* Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 307; *Gerber R.* Op. cit. S. 13–23.

²⁸ ГА РФ. Ф. 109. Д. 520. Л. 10 (копия в русском переводе). Выписки из польского оригинала донесения — Л. 9.

Из этого донесения следует, что ОРП стремился поставить активность по подделке российских банкнот под собственный контроль. Этот шаг представляется довольно рациональным. С одной стороны, ОРП таким способом мог явно продемонстрировать западным властям, что польская эмиграция осуждала преступников-фальшивомонетчиков как «недостойных имени поляка» и, более того, активно преследовала их. С другой стороны, приведенное выше решение «высшего трибунала» могло указывать на то, что польские революционеры допускали изготовление фальшивых банкнот для получения средств в интересах национально-освободительной борьбы.

Учитывая, что Балашевич, как отмечалось ранее, подчеркивал скудность денежных запасов ОРП, последнее соображение кажется вероятным: Булевский и Гауке-Босак не имели возможности проявлять щепетильность в выборе средств. Тем более что руководители этой организации явно не стремились к личной наживе подобно «обычным» фальшивомонетчикам.

Факты биографии Гауке-Босака косвенно говорят о том, что он мог санкционировать подобную деятельность в чрезвычайных ситуациях ради «благого дела». Так, например, пытаясь вызволить из парижской тюрьмы Мазас своего друга ксендза Котковского, осужденного на два года за фальшивомонетничество, генерал в меморандуме для французской прокуратуры от 27 октября 1866 г. писал, что ксендз вступил в эту аферу из «чисто патриотических побуждений»²⁹. Гауке-Босак, как и многие эмигранты, жил в бедности. Денежные суммы, оказывавшиеся тем или иным образом в его руках (например, через богатых меценатов вроде графа Л. Плятера), он тратил на своих сородичей, на организацию эмигрантской прессы или на различные конспиративные нужды³⁰. Санкционируя фальшивомонетничество, генерал думал явно не о личном обогащении.

В донесении Стемпковского особенный интерес вызывает также упоминание о том, что наряду с ОРП привилегией на подделку российских банкнот обладало «Общество свободы и мира». В отчете явно имелась ввиду «Международная лига мира и свободы» — созданная в 1867 г. в Женеве Ф. Пасси интернациональная пацифистская организация. В нее входили такие известные политические и общественные деятели, как Дж. Гарibaldi, В. Гюго, А.И. Герцен и др. Гауке-Босак лично приложил руку к образованию «Лиги» — именно с его подачи в название общества вошло слово «свобода». Этим при-

²⁹ Kozłowski E. Op. cit. S. 290.

³⁰ Ibid. S. 253–256.

бавлением генерал подчеркивал, что целью организации должен был быть не «мир любой ценой», основанный на примирении с существующим «деспотическим» порядком в Европе, а установление «подлинного всеобщего мира», которого можно достичь только путем свержения существующих монархических режимов и свободного волеизъявления народов. С точки зрения Гауке-Босака, «Лига мира и свободы» была важна тем, что обеспечивала свободную трибуну для ознакомления Европы с польским вопросом³¹.

Из донесения Стемпковского совершенно не ясно, кто именно отвечал в рамках «Лиги» за фальшивомонетничество. Это была массовая организация, объединявшая людей самых разных взглядов — от умеренных либералов до анархистов бакунинского толка. Только в первый год ее существования поступило около 10 тыс. заявок на вступление³². Если сведения агента отражали действительность, то подделкой российских банкнот в рамках «Лиги» должна была заниматься узкая группа, скрывавшая от рядовых участников криминальные операции под эгидой прогрессивной идеологии. В любом случае, Стемпковский верно упомянул «Лигу» именно в связке с Гауке-Босаком. Булевский и многие другие эмигранты отказались от участия в обществе, скептически воспринимая его пацифистский фасад³³.

Следует отметить, что приведенное выше донесение от 4 июля 1868 г. косвенно свидетельствует и о натянутости отношений между двумя предводителями ОРП. Гауке-Босак провел разбирательство над фальшивомонетчиками единолично, хотя у него не было официально зафиксированных диктаторских полномочий. Кроме того, решение трибунала ссылалось на «Лигу мира и свободы», при том что, как было отмечено ранее, Булевский не был сторонником сотрудничества с этим обществом.

Наконец, летом того же 1868 г. российская агентура получила сведения о том, что ОРП прибегала к своего рода «внешнему арбитражу» в решении внутривнутрипартийных споров.

В донесении Стемпковского от 14 августа 1868 г. содержалось перехваченное письмо некоего Важневского из Базеля г-же Анне Чаплицкой в Варшаву с копией лондонского воззвания Мадзини «польскому отделению» (фр. *au département polonais*) от 1 июля того же года³⁴. В послании «патриарх революции» призывал польских

³¹ Ibid. S. 334–337.

³² Ibid.

³³ Ibid. S. 337.

³⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 519. Л. 16. Данный документ находился в комплекте с другими донесениями А. Стемпковского Н. И. Павлицеву, однако он не был снабжен

коллег не ассоциировать национальные движения балканских славян с панславизмом и экспансионистскими проектами Российской империи. Итальянский революционер, используя типичную для того времени риторику об «отсталом востоке», также подчеркнул бессмысленность протурецкой ориентации многих эмигрантов, считавших Османскую империю естественным союзником против царизма:

«Будете ли вы сражаться за полумесяц против креста, за фатализм против свободы, за застой (фр. *l'immobilité*) против прогресса, за произвол (фр. *fait*) против права, за чужеземное завоевание против свободного труда (*le travail autonome*), за Азию против Европы?»³⁵. Для нейтрализации влияния российского «царизма» на Балканах Мадзини предлагал польским эмигрантам иной путь: встать «в авангарде славянского движения» на основе идей общественного прогресса и национального освобождения³⁶.

В конце копии послания содержится примечательная приписка: «Опубликовано по приказу польского р[еспубликанского] центра “Польское р. Огниско”. Людвик Булевский. Базель»³⁷.

Польский историк Э. Козловский, обнаруживший копию этого послания в семейном архиве Гауке, связал его появление непосредственно с борьбой за лидерство внутри ОРП, которое и вылилось наружу в форме спора о том, какой стратегии придерживаться в отношении Балкан. Булевский, разделяя вышеупомянутую позицию Мадзини, в своем письме Гауке-Босаку от 13 июля из Базеля распорядился напечатать послание итальянского революционера и разослать его «по стране и славянскому миру». Генерала это письмо крайне разозлило. С одной стороны, он не был согласен с мнением Мадзини, будучи сторонником польско-турецкого сотрудничества против России. С другой стороны, его раздражало то, что Булевский «подсовывал» ему уже готовые документы, не спрашивая ни согласия, ни мнения своего коллеги³⁸.

Противостояние Булевского и Гауке-Босака в итоге завершилось выходом последнего из ОРП 21 февраля 1869 г.³⁹ Сам же «Республиканский польский центр» прекратил свое существование в ходе

какими-либо пояснениями: как, где, когда и при каких обстоятельствах его перехватили. «Г-жа Анна Чаплицкая» из Варшавы — явный пример конспиративного адреса.

³⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 519. Л. 17.

³⁶ Там же. Л. 20.

³⁷ Там же. Л. 21. Фр. оригинал подписи: «Publié par ordre du centre R. Polonais “Ognisko R. Polskie”. Louis Bulewski. Bâle».

³⁸ *Kozłowski E.* Op. cit. S. 327–328.

³⁹ *Ibid.* S. 332.

событий франко-прусской войны 1870–1871 гг. вместе со многими другими политическими организациями польской эмиграции⁴⁰.

Подводя итог, во-первых, отметим, что в рассмотренных агентурных донесениях ОРП явно отводилась подчиненная роль по отношению к итальянским и французским революционным группировкам. Вместе с тем ОРП управлялся не прямыми директивами «Всемирного республиканского союза», хотя и назывался его «польской секцией», а косвенно, в том числе при помощи денежных субсидий. Дж. Мадзини выступал в качестве высшего арбитра для эмигрантских предводителей, а не единоличного диктатора.

Во-вторых, в оптике донесений Балашевича аналогичная зависимость вырисовывается в сфере организации покушений на коронованных особ. Хотя приоритетной для поляков целью являлся Александр II, ОРП была здесь бессильна и оказалась вовлечена франко-итальянскими партнерами во второстепенную для польского дела кампанию по ликвидации Наполеона III.

Наконец, если доверять донесению Стемпковского, в деятельности по подделке российских банкнот ОРП располагала большей самостоятельностью. Тем не менее, и в данном вопросе эта организация выступала лишь одним из звеньев международного нелегального бизнеса, будучи вынужденной договариваться с посредниками вроде «Лиги мира и свободы».

References

Abakumov O.Yu. "...*Chtob npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely*". *Iz istorii bor'by III otdeleniya s yevropeyskim vliyaniem v Rossii (1830-ye — nachalo 1860-kh gg.)* ["...So That the Moral Contagion Does Not Penetrate Our Borders". From the History of the Struggle of the 3rd Department with European Influence in Russia (1830s — early 1860s)]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. 214 p.

Abakumov O.Yu. *U istokov zagranichnoy politicheskoy provokatsii* [At the Origins of Foreign Political Provocation] // *Voprosy istorii*. 2002. N 5. P. 127–138.

Babosha I.A. *Russkiy shpion ukhvatil za borodu Karla Marxa* [Russian Spy Caught Karl Marx by the Beard] // *Rodina*. 2022. N 10. P. 106–109.

Borejsza J. *Emigracja polska po powstaniu styczniowym* [Polish Emigration after the January Uprising]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. 488 s.

Boyka-Gagarin A. *Novi dani pro vvezennya do Rosiys'koy imperiyi fal'shyyvkh hroshey iz Anhliyi protyahom XIX st.* [New Data on the Importation of Counterfeit Money from England to the Russian Empire during the 19th Century] // *Naukovi zapysky z ukrayins'koyi istoriyi*. 2019. Issue 45. P. 207–218.

D'yakov V.A. *Glazami tsarskogo agenta* [Through the Eyes of the Tsar's Agent] // *Prometey*. Vol. 7. Moscow: Molodaya gvardiya, 1969. P. 327–340.

⁴⁰ Borejsza J. Op. cit. S. 156.

Gerber R. *Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku* [From the History of Provocation among Polish Emigrants in the 19th Century] // Potocki A. *Raporty szpiega* [Spy Reports]. Vol. 1 / Select., comp. and intr. by R. Gerber. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. S. 5–78.

Kantor R.M. *P.L. Lavrov i A. Yu. Balaszewicz-Potocki* // Lavrov P.L. *Stat'i, vospominaniya, materialy* [Articles, Memoirs, Materials]. Peterburg: Kolos, 1922. P. 486–511.

Kolobova I.N. *Zarubezhnyye tsentry po poddelke rossiyskikh kreditnykh biletov (vtoraya polovina XIX v.)* [Foreign Centers for Counterfeiting Russian Banknotes (Second Half of the 19th Century)] // *Pieniądz – kapital – praca – wspólne dziedzictwo Europy: Białorus – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Słowacja – Ukraina / Materiały z VIII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej* [Money – Capital – Labor – Common Heritage of Europe: Belarus – Lithuania – Latvia – Poland – Russia – Slovakia – Ukraine / The Acta of the 8th International Numismatic Conference]. Warsaw: Wydawnictwo WSE w Białymstoku, 2008. P. 193–197.

Kozłowski E. *Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871*. Warsaw: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. 463 s.

Kucharzewski J. *Ot belogo do krasnogo tsarizma* [From White to Red Tsarism]. Vol. 3. *Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel'* [The Watershed Years. Romanov, Pugachev or Pestel']. Part 2. *III otdeleniye* [The 3rd Department] / Trans. from Polish by Yu.A. Borisenok. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2018. 416 p.

Orzechowski I.V. *Samoderzhaviye protiv revolyutsionnoy Rossii* [Autocracy against Revolutionary Russia]. Moscow: Mysl', 1982. 207 p.

Złotorzycka M. *Ideologia "Ogniska Republikańskiego Polskiego" (1867–1870)* [Ideology of the "Ognisko Republikanckie Polskie" (1867–1870)] // *Niepodległość* [Independence]. Vol. XII. Warsaw: Wydawnictwo Instytutu Badania Najnowszej Historii Polski, 1935. S. 1–21.

Żmigrodzki J. *Józef Bosak-Hauke* // *Niepodległość* [Independence]. Vol. VIII. Warsaw: Wydawnictwo Instytutu Badania Najnowszej Historii Polski, 1933. S. 173–205.

Żychowski M. *Generał klęski: Ludwik Mierosławski* [General of the Defeat: Ludwik Mierosławski]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. 706 s.

Поступила в редакцию
27 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-49-71

Н.Э. Адамова

**ОБРАЗЫ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА
В БРИТАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО
КРИЗИСА 1870-х гг.**

N.E. Adamova

**PERCEPTION OF RUSSIAN PANSLAVISM
IN THE BRITISH PARLIAMENTARY DEBATES
IN THE BEGINNING OF THE EASTERN
CRISIS OF THE 1870s**

Аннотация. Во время Восточного кризиса 1870-х гг. британские политические элиты с особым вниманием следили за высказывавшимися в России идеями панславизма, часто воспринимая их как угрозу экспансии Российской империи на Балканский полуостров. Однако в самом начале Восточного кризиса в британском парламенте российский панславизм оценивался нейтрально или даже позитивно, что оказало значительное влияние на отношения Великобритании и России. Этот значимый эпизод, тем не менее, до сих пор практически не рассматривался в научной литературе. В данной статье на основе материалов парламентских дебатов прослежена трансформация образов российского панславизма в британском политическом дискурсе в 1876 г. и проанализированы механизмы их конструи-

Адамова Нина Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Adamova Nina Eduardovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University

n.adamova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1815-8530

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века»).

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00090 “Image of Russian Panslavism in Western Europe in the Last Third of the Nineteenth Century”).

рования. Выделено три модели интерпретации «славянских интересов» России: панславизм как «славянские симпатии» российского населения, как «территориальные амбиции» великой державы и как «интриги», подстрекательство балканских народов к мятежу против Османской империи. Летом 1876 г. наибольший вес в британском политическом дискурсе получила интерпретация панславизма как искренних симпатий российского общества к братьям-славянам. Эта интерпретация способствовала формированию более позитивного образа России и даже временному изменению протурецкой политики британского правительства. Однако к концу 1876 г. британские политики все чаще стали подозревать российское правительство в «подрывном панславизме». На формирование образов российского панславизма в политическом дискурсе Великобритании влияли не только ее традиционные внешнеполитические установки, но и внутривнутриполитическая борьба, обострившаяся во время «агитации за болгар». Панславизм трактовался неоднозначно и из-за недостатка информации, в силу чего политики зачастую основывали свои суждения на стереотипах в отношении России, Османской империи и балканских народов. Наконец, мнение парламентариев складывалось и под влиянием переосмысления собственной британской идентичности. Британские политики заново обращались к актуальным для самой Британии вопросам отношения к суверенитету империй, восстаниям колонизированных народов, моральной ответственности и международной миссии Великобритании.

Ключевые слова: Восточный вопрос, балканские славяне, образ России, У. Гладстон, Б. Дизраэли, англо-русские отношения, российский панславизм.

Abstract. During the Eastern Crisis of the 1870s, the British political elites followed with particular attention the Panslavic ideas expressed in Russia and often perceived them as a threat of the Russian Empire's expansion into the Balkan Peninsula. However, at the very beginning of the Eastern Crisis, the British Parliament's attitude to the Russian Panslavism was neutral or even positive and it had a considerable impact on British-Russian relations. Britain's perception of Russian Panslavism during this short but significant period has not been researched yet. This article uses the materials of parliamentary debates to trace the transformation of images of Russian Panslavism in the British political discourse in 1876 and to analyze the mechanisms of their construction. The author identifies three models of interpretation of Russia's "Slavic interests", first, as "Slavic sympathies" of the Russian population, second, as Russia's "territorial ambitions", and third, as "Russian intrigues", which allegedly instigated Slav uprisings against the Ottoman Empire. In the summer of 1876, the interpretation of Panslavism as sincere sympathies of Russian society for its Slavic brothers received the greatest weight in the British political discourse. This interpretation contributed to the formation of a more positive image of Russia and even a temporary change in the pro-Turkish policy of the British government. However, by the late 1876, British politicians increasingly began to suspect the Russian government of "subversive Panslavism". The formation of images of Russian Panslavism in the political discourse of Great Britain was influenced not only the traditional patterns of British

foreign policy, but also by the internal political struggle that escalated during the “Bulgarian agitation”. Panslavism was also interpreted ambiguously due to the lack of information, so politicians often based their judgments on stereotypes about Russia, the Ottoman Empire and the Balkan peoples. Finally, parliamentarians’ views were also affected by a rethinking of their own British identity. British politicians revisited issues of relevance to Britain’s own attitudes to the sovereignty of empires, the uprisings of colonized peoples, moral responsibility and Britain’s international mission.

Keywords: Eastern question, Balkan Slavs, image of Russia, W. Gladstone, B. Disraeli, Anglo-Russian relations, Russian Panslavism.

* * *

В период Восточного кризиса 1870-х гг. в российском политическом и общественном дискурсе значительное место занимали обсуждения роли России в судьбе славянских народов Балканского полуострова. Эти обсуждения, тем не менее, никогда не были отражением цельной системы взглядов: «славянская взаимность» или «российский панславизм»¹ включали в себя часто противоположные нарративы, которые варьировались от консервативных экспансионистских проектов до либеральных и анархических программ². Заинтересованные в Восточном вопросе державы с тревогой следили за высказывавшимися идеями и часто видели в них угрозу своим политическим интересам или даже национальной безопасности³. В результате складывавшиеся в европейских странах представления о российском панславизме играли существенную роль в том, как великие державы воспринимали намерения России и как относились к ней во время Восточного кризиса.

Великобритания, традиционный оппонент России в Восточном вопросе, не была исключением в настороженном отношении к российскому панславизму. Так, например, еще в феврале 1875 г., в атмосфере начинавшейся в Европе «военной тревоги» в парламенте

¹ Как среди современников Восточного кризиса, так и среди историков не установилось общепринятого обозначения и классификации «прославянских» идей в российском обществе. В данной статье, исследующей британское восприятие этих идей, используется термин «российский панславизм». О термине «панславизм» см.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3-15; Роккина Г.Р. Из истории трактовки термина «панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 92-102; Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века). Иркутск, 2013. С. 37-47; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 4-6.

² Григорьева А.А. Указ. соч. С. 158; Heraclides A., Dialla A. Humanitarian intervention in the long nineteenth century: Setting the precedent. Manchester, 2015. P. 180.

³ Павленко О.В. Указ. соч. С. 6-7.

говорили об общеизвестном «панславистском заговоре», который якобы заключался в том, чтобы «объединить всю славянскую расу в одну большую империю под руководством и управлением России»⁴. Этот «заговор» парламентарии называли одной из угроз для общего мира наравне с взаимной враждой Франции и Германии⁵. Вместе с тем, как будет продемонстрировано в данной статье, на начальном этапе Восточного кризиса у британских политических элит не было единого мнения о российском панславизме. Более того, летом 1876 г. в британском парламенте панславизм даже обрел позитивные коннотации, прежде чем к началу русско-турецкой войны снова превратиться в «угрозу».

Трансформации образа российского панславизма в британском политическом дискурсе 1876 г. и рассматриваются в данной статье. В то время как вопросы восприятия Британией разных участников Восточного кризиса⁶ — южных славян⁷, Османской империи⁸, и наконец, России⁹ — неоднократно освещались исследователями, такой важный элемент образа России в Британии, как идеи панславизма, специально не рассматривался. Какие интерпретации и оценки панславизма преобладали в парламенте? Как конструировались образы панславизма и почему парламентарии склонялись к той или иной точке зрения? Какое влияние в итоге оказывали сложившиеся образы российского панславизма на отношение к России и на принимаемые политические решения? Для ответа на эти вопросы в статье анализируются высказывания британских парламентариев о российском интересе к балканским славянам: с весны 1876 г., когда кризис обострился в связи с восстанием в Болгарии, и до окончания

⁴ Высказывание принадлежит консервативному политику Маркусу Бересфорду. Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. (HPD). House of Commons. 08.02.1875. Vol. 222. Col. 87.

⁵ Ibid.

⁶ *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone, and the Eastern question: a study in diplomacy and party politics. London; New York, 1971; *Shannon R.T.* Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. Hassocks, Eng.; Hamden, 1975.

⁷ *Whitehead C.* The Bulgarian Horrors: culture and the international history of the Great Eastern Crisis, 1876–1878. PhD Diss. Vancouver, 2014; *Todorova M.N.* Imagining the Balkans. New York, 2009; *Goldsworthy V.* Inventing Ruritania: the imperialism of the imagination. New Haven, 1998.

⁸ *Çiçek N.* The Turkish Response to Bulgarian Horrors: A Study in English Turcophobia // Middle Eastern Studies. 2006. Vol. 42. N 1. P. 87–102.

⁹ *Гелла Т.Н.* Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века // «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России / Под ред. Т.Л. Лабутиной. СПб., 2020. С. 256–274; *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX — начало XX в. Очерки. Архангельск, 1994.

парламентской сессии осенью того же года, когда в Великобритании в полную силу развернулось общественное движение «агитации за болгар».

Обсуждение Восточного вопроса в парламенте накануне «агитации за болгар»

В британском парламенте обсуждения российских представлений о панславизме широко развернулись весной–летом 1876 г. В первую очередь, причиной интереса к панславизму стали быстро развивавшиеся события на Балканском полуострове и реакция на них великих держав. После болгарского восстания, в мае 1876 г. Россия, Австро-Венгрия и Германия опубликовали «Берлинский меморандум» с требованиями к Османской империи объявить перемирие и возместить ущерб пострадавшим при подавлении этого восстания. Британия отказалась присоединяться к выступлению трех императоров, вместо этого ее правительство во главе с премьер-министром Бенджаминем Дизраэли отправило флот в Безикскую бухту. Ситуация накалилась еще больше, когда в конце июня Сербия и Черногория объявили Османской империи войну¹⁰.

Обсуждение панславистских идей летом 1876 г. было вызвано и настроениями в самой России, слухи о которых доходили до британских парламентариев. Действительно, под влиянием балканских событий весны–лета 1876 г. в России идеи панславизма разного толка впервые получили большую общественную поддержку¹¹. Она выражалась как в расширившейся деятельности Славянских комитетов, увеличившихся пожертвованиях в поддержку «славянских братьев», так и в отправке добровольцев на войну в помощь Сербии¹². Громче стали звучать и ранее высказывавшиеся экспансионистские идеи панславистов об общем «славяно-русском деле», «внутреннем» интересе русского народа «свергнуть турецкое владычество в Европе»¹³. Эти взгляды разделяли и некоторые дипломаты (например, российский посол в Османской империи генерал Н.П. Игнатъев), однако император Александр II и канцлер князь А.М. Горчаков их не под-

¹⁰ *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone, and the Eastern question. P. 32–38; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Под ред. В.Н. Виноградова. М., 2013. С. 166.*

¹¹ *Григорьева А.А. Указ. соч. С. 158.*

¹² *Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 302–311.*

¹³ Из работы «Восточный вопрос» председателя Петербургского Славянского благотворительного комитета, князя А.И. Васильчикова лета 1876 г. Цит. по: *Прокудин Б.А. Идея Славянского единства в политической мысли России XIX века (генезис, основные направления и этапы развития). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 132–133.*

держивали и даже старались приглушить наиболее радикальных панславистов¹⁴. Соблюдая политику нейтралитета и союзные обязательства с Австро-Венгрией и Германией, Россия придерживалась тактики совместных действий с другими великими державами, предусмотренных Парижским миром 1856 г., Союзом трех императоров и Берлинским меморандумом 1876 г.¹⁵

В британском парламенте события в Османской империи обсуждались на многих заседаниях, но поводом к дебатам стали взбудоражившие общественность сообщения о «зверствах мусульман в Болгарии», опубликованные 23 и 26 июня либеральной газетой “Daily News”¹⁶. Долгие дебаты по Восточному вопросу прошли 26 июня в Палате лордов, 31 июля и 11 августа в обеих палатах перед тем, как парламент распустился до февраля 1877 г. Обсуждения вращались вокруг следующих вопросов: как относиться к болгарскому восстанию и его жестокому подавлению османскими силами? Как сохранить позиции Великобритании в регионе? Как взаимодействовать с другими великими державами — с Россией и Австро-Венгрией, присоединяться ли к их планам урегулирования? Как в текущих условиях поступать со своим традиционным союзником в регионе — Турцией?

Либералы и часть консерваторов полагали, что необходимо публично осудить действия Османской империи и коллективным решением великих держав обязать Турцию изменить положение славян: предложения варьировались от проведения реформ до предоставления автономии восставшим провинциям. Правительство и поддерживавшая его решения группа консерваторов в ответ ссылались на положения Парижского мирного договора 1856 г. о целостности Османской империи, настаивали на том, что для Великобритании крайне значимы союзные отношения с Портой, и отстаивали необходимость придерживаться политики, независимой от других великих держав. Кроме того, консерваторы часто намекали, что само болгарское восстание было инспирировано извне, а информация о жестокостях в его подавлении была сильно преувеличена, в том числе, русскими источниками¹⁷.

¹⁴ Например, правительство пыталось препятствовать отъезду в Сербию для помощи сербской армии генерала М.Г. Черняева, редактора журнала «Русский мир». Черняев все же уехал в апреле 1876 г. по поддельным документам (см.: *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 292–293; *MacKenzie D.* Panslavism in Practice: Cherniaev in Serbia (1876) // *The Journal of Modern History.* 1964. Vol. 36. N 3. P. 281–282).

¹⁵ *Heraclides A., Dialla A.* OP. cit. P. 176.

¹⁶ *Moslem Atrocities in Bulgaria* // *The Daily News.* 1876. June 23. P. 5–6. Об освещении прессы событий в Болгарии см.: *Whitehead C.* *The Bulgarian Horrors...* P. 124–139.

¹⁷ Например, мнение посла в Константинополе Г. Эллиота: *HPD. House of Commons.* 17.07.1876. Vol. 230. Col. 1486–1495.

В течение июня–июля 1876 г., по мере появления все более пугающих газетных публикаций о «турецких зверствах» в Болгарии, дискуссии в парламенте становились более напряженными. Часть сведений из газет подтверждалась собственными агентами британского правительства, а в стране стало стремительно расти общественное движение в поддержку балканских христиан¹⁸. К августу парламентарии уже предлагали отозвать из Константинополя протурецки настроенного посла Генри Эллиота и поднимали вопросы о компетентности министра иностранных дел графа Дерби и самого премьер-министра Бенджамина Дизраэли. Осенью общественное движение «агитации за болгар», к которому присоединился и бывший премьер Уильям Гладстон¹⁹, достигло своего пика, в конце концов поспособствовав проведению «Национального съезда по Восточному вопросу» в Сент-Джеймс Холле и участию Великобритании в конференции в Константинополе в декабре 1876 — январе 1877 гг.²⁰

Образы российского панславизма

В обсуждениях Восточного вопроса и болгарского восстания неизменно поднималась тема намерений России в отношении балканских славян. Непосредственно термин «панславизм» в дебатах лета 1876 г. парламентарии не использовали (хотя в памфлетах и газетах этого времени он регулярно встречался), но постоянно ссылались на «славянские комитеты», «славянские симпатии», «славянское дело», «идею славянского государства». Вне зависимости от партии, британским парламентариям было очевидно, что Россия заинтересована в славянских народах Балкан и воспользуется возможностью усилить свои позиции. А дальше мнения и оценки действий России разнились.

Проанализировав летние дебаты 1876 г., мы можем сформулировать несколько базовых образов российского панславизма, звучавших в выступлениях британских парламентариев. Во-первых, панславизм предстал как **территориальные «амбиции»** правительства или даже всего народа России, нацеленные на возвращение позиций, утраченных после Крымской войны. Во-вторых, панславизм воспринимался как естественные **«славянские симпатии»**

¹⁸ Shannon R. T. Op. cit. P. 42–48. О роли общественного движения в поддержку болгар на всех уровнях английского общества см.: Whitehead C. The Bulgarian Horrors... P. 166–186.

¹⁹ В начале сентября Гладстон опубликовал резонансный памфлет «Ужасы в Болгарии»: Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and the Question of the East. London, 1876.

²⁰ Seton-Watson R. W. Op. cit. P. 110–115; Shannon R. T. Op. cit. P. 258–262.

общества России к балканским народам. И, в-третьих, в действиях России видели панславистский **заговор, или «интригу»**, направленную на намеренное разжигание восстаний и сербской войны (инспирированную либо отдельными панславистами, либо правительством России)²¹. Каждый из этих образов подразумевал под собой систему оценок действий России, интерпретаций ее образа и соответственно, предлагаемых действий Великобритании в отношениях с ней. Более того, обсуждение панславизма в разных интерпретациях поднимало для парламентариев вопросы о сущности политики самой Великобритании в Восточном вопросе, о ее образе на международной арене и ее собственной идентичности.

«Славянские симпатии» или общественный панславизм

Из трех вышеописанных интерпретационных моделей чаще всего позицию России летом 1876 г. парламентарии обеих партий объясняли **«славянскими симпатиями»** ее населения. «Все знают..., что население России испытывает глубокую симпатию к делу сербских повстанцев...», — говорил министр иностранных дел граф Дерби в начале июля 1876 г. в ответ на вопрос о русских добровольцах, служащих в сербской армии. Он добавлял, что «...у меня нет никаких оснований полагать, что они это делают с одобрения, и менее того — по распоряжению русского правительства»²². Уильям Гладстон комментировал деятельность «русских комитетов» по поддержке восстаний как «полноценное отражение общественного мнения» и настаивал, что такую «сильную, непреодолимую народную симпатию, проникающую повсюду», необходимо отличать от интриг и происков государств²³. Консервативный политик Уильям Форсайт так же горячо настаивал на том, что «нет ни малейшего сомнения, что славянское население России и Австрии испытывает глубокую симпатию к повстанцам, и я сомневаюсь, что возможно доказать, что это расположение было вызвано происками российских или австрийских интриг»²⁴. Уже в августе некоторые парламентарии с тревогой предполагали, что русский народ, «не в силах более сдерживать свое

²¹ Как будет продемонстрировано ниже, для парламентариев обвинение государства в «интригах» по разжиганию восстания радикально отличалось от рассуждений о «территориальных амбициях»: «козни и происки» характеризовались как незаконные и аморальные действия, в то время как «амбиции» трактовались как политические задачи.

²² HPD. House of Lords. 03.07.1876. Vol. 230. Col. 824.

²³ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 193.

²⁴ Ibid. Col. 149.

сочувствие, бросится на Турцию»²⁵, что славяне России и Австрии «свяжут руки своим правительствам, которые будут вынуждены вступить в войну на стороне Сербии»²⁶.

Сам тезис о довлеющем над российским правительством общественном мнении формировал необычный для Британии второй половины XIX в. свежий положительный дискурс о России. Необходимость российского правительства ориентироваться на мнение населения означала понятные парламентариям политические реалии — тем более знакомые, что в самой Великобритании к августу 1876 г. общественное мнение уже грозило поменять политику правительства Дизраэли. Поэтому парламентарии укладывали информацию о «симпатиях» населения России в привычные объяснительные модели. Так, например, еще в июне граф Э. Дерби в ответ на намеки коллег по Палате лордов о том, что Россия намеренно подталкивала Сербию к войне, отмечал, что «даже в тех странах, где нет парламентской формы правления, общественное мнение все же является силой, которую необходимо принимать в расчет»²⁷. Другой консервативный политик Генри Драммонд Вольф отмечал, что «русское правительство было подвержено воздействию такого сильного общественного мнения, как и любое другое европейское правительство»²⁸. Таким образом, Россия в этом дискурсе превращалась из привычной для Великобритании деспотии в страну, политически более близкую к «европейской» державе.

Симпатии населения России к жителям балканских провинций большинство парламентариев воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Сочувствие представителям своей расы, своего этноса, своей конфессии укладывалось в устоявшиеся во второй половине XIX в. концепции национальности, особенно распространенные в викторианской Англии²⁹. Такая «этническая» мотивация была во многом комплементарной для образа России, так как подчеркивала искренность ее намерений в отношении славянских братьев: «симпатии, вызванные общностью расы и религии, всегда заслуживают уважения»³⁰. В то же время идея такого естественного панславиз-

²⁵ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1122.

²⁶ Ibid. Col. 1096.

²⁷ HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol.230. Col. 415–416.

²⁸ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 152.

²⁹ *Beasley E. Making Races // Victorian Review. 2014. Vol. 40. N 1. P. 48–52.*

³⁰ Этими словами либеральный политик Томас Брасси в 1877 г. критиковал российское правительство, утверждая, что оно в реальности как раз не руководствовалось такими заслуживающими уважения симпатиями (*Brassey T. The Eastern question and the political situation at home. London, 1877. P. 1.*)

ма подсвечивала и «инаковость» славянской России, близкой к тем «полувосточным» народам Балкан, о которых в Великобритании в 1870-е гг. впервые начали узнавать³¹.

Конечно, не стоит преувеличивать положительную оценку «общественного панславизма». В подавляющем большинстве случаев парламентарии использовали эту аргументацию ради собственной политической цели: «честная» игра России позволяла Великобритании участвовать в международном урегулировании, на котором настаивали эти политики. Кроме того, уверенность в искренней любви населения России к славянским братьям не предполагала такой же уверенности в том, что балканские славяне отвечают ей взаимностью. Либеральные парламентарии либо вообще не заостряли внимание на взаимности, либо отмечали, что славянские народы просто благодарны России за помощь, не поддаваясь ее влиянию³². Поддерживавшие политику Дизраэли консервативные политики тем более уверяли, что сами южные славяне являются по сути разными народами по религии, языку и культуре и негативно относятся к российскому продвижению на Балканский полуостров³³.

«Территориальные амбиции» или политический панславизм

Другая интерпретационная модель объясняла «славянский интерес» России ее «территориальными амбициями» в отношении земель балканских славян. Лорд Фрэнсис Нэпир, в 1860-х гг. бывший послом в России, так характеризовал ее намерения, стоящие за заключением соглашений без участия Турции и Великобритании³⁴: «...русское правительство имело целью ликвидировать моральные и материальные последствия Крымской войны, а затем расширить свои интересы во владениях султана среди славянских народов, на которых российское правительство основывает свои планы»³⁵. Такая «внешнеполитическая» трактовка панславистских идей во многом сливалась с оценкой курса Российской империи в Восточном вопросе.

О «территориальных амбициях» России говорили как консерваторы, так и либералы, в том числе и те из них, кто был уверен в том, что российское правительство действует под давлением «обществен-

³¹ *Todorova M.N.* Op. cit. P. 89–98.

³² HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1090.

³³ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 144, 145.

³⁴ Имеются в виду «Нота Андраши» и Берлинский меморандум.

³⁵ HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol. 230. Col. 405.

ного панславизма». И те, и другие полагали, что Великобритании необходимо «переиграть» Россию, подчинив своему влиянию балканский регион, и никто из них не одобрял идею продвижения России к Босфору. Разница в представлениях парламентариев заключалась в том, каким способом они полагали усилить влияние Британии на Балканах. Сторонники политики Дизраэли, опасавшиеся, что Россия планирует не только захватить Константинополь, но продвинуться к Индии, выступали за сотрудничество с Турцией и содействие проведению реформ в славянских провинциях³⁶. Либералы и часть консерваторов, напротив, были уверены, что автономные княжества создадут более надежное препятствие для продвижения России на Балканах, чем союзная, но угнетающая свои народы Османская империя³⁷. В этом контексте позиция либеральных политиков отличалась от близких им консерваторов тем, что либералы выступали за сотрудничество с Россией в международном урегулировании. Они полагали, что раз Россия подталкивается своим общественным мнением (а симпатии народа играют роль, «вне зависимости от всяческих проектов территориального расширения»³⁸), значит с ней можно и нужно сотрудничать для предоставления автономии провинциям.

Тем не менее, парламентарии говорили о территориальных панславистских «амбициях» России в нейтральных терминах: не звучало морального осуждения, нарочито негативных оценок. Россия в этих обсуждениях представала как политический соперник с естественными, понятными интересами в регионе, как участник европейского концерта³⁹. Нейтральное отношение парламентариев особенно очевидно, если сравнить их высказывания об амбициях России и Сербии: в отличие от российских, сербские или черногорские «амбиции» консерваторы характеризовали как «похотливое желание территорий»⁴⁰. Разное отношение к политическим «амбициям» за-

³⁶ Например, выступление Томаса Брюса: HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 138.

³⁷ Представитель тори Роберт Хэнбери говорил, что «с нетерпением ждет того момента, когда славянское население войдет в политическую жизнь Европы и будет играть роль могучего бастиона против России на юге». HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 145.

³⁸ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231 Col. 1137.

³⁹ Тем не менее, как отмечает И. Нойманн, даже в стратегическом дискурсе в XIX в. Россия была «относительно» включена в европейский концерт, она продолжала восприниматься как держава, стремящаяся к гегемонии извне Европы, как «варвар у ворот» (см.: *Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы востока в формировании европейских идентичностей.* М., 2004. С. 127–128).

⁴⁰ HPD. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 142.

висело от того, следовала ли держава общепризнанным правилам внешнеполитической игры. Россия, как предполагалось в этой интерпретационной модели, им следовала, а Сербия и Черногория — как формально вассалы Османской империи и как не относящиеся к великим державам страны — эти правила нарушали.

«Интриги и происки» или подрывной панславизм

Наконец, существовала еще одна интерпретационная модель действий России по отношению к славянскому вопросу: панславизм как «интрига», «подрывная» деятельность на Балканах. Согласно этой точке зрения, Россия (или спонсируемые ею комитеты) намеренно разжигала восстания среди славянских подданных Османской империи, или, в другой интерпретации, — подталкивала Сербию и Черногорию к войне.

Подозрения России в «подрывном панславизме» летом 1876 г. иногда высказывались в британской прессе⁴¹, но в парламенте о них говорили крайне редко и только намеками. «Боюсь, что есть слишком много оснований предполагать, что Сербию наталкивали на ее нынешнее воинственное поведение извне», — высказывался лорд Хэммонд накануне объявления Сербией войны, считая, что на самом деле Сербию полностью устраивает ее положение в рамках Османской империи⁴². Другие парламентарии интересовались, по собственной ли инициативе русские офицеры, в частности генерал М.Г. Черняев, поехали воевать в Сербию⁴³. Если парламентарии и говорили о «подрывной» деятельности, то обвиняли в ней не само правительство России, а власти Сербии и Черногории, славянские комитеты или отдельных панславистов. Так, Дизраэли заявлял, что в организации балканских восстаний замешаны «тайные общества и революционные комитеты»⁴⁴. Либеральные политики полагали, что если и были подстрекательства к восстанию, то они исходили «от частных лиц в России или даже от чиновников правительства», но сам император был «величайшим другом мира»⁴⁵, поэтому нет оснований подозревать в интригах российские власти. Под

⁴¹ Например, Уильям Форсайт отмечал: «Некоторые печатные органы и люди заявляют, что восстание произошло из-за иностранного влияния и иностранной интриги, но я отрицаю, что это так». HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 147.

⁴² HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol. 230. Col. 402.

⁴³ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 136.

⁴⁴ Ibid. Col. 213.

⁴⁵ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1105.

«частными лицами» и «чиновниками» имели в виду как генерала М.Г. Черняева, так и генерала Р.А. Фадеева и посла в Константинополе Н.П. Игнатьева, которых иногда называли представителями «панславистской партии»⁴⁶.

Подозрения России в «подрывном панславизме» воспринимались в Британии крайне негативно. В отличие от естественных «территориальных амбиций» великой державы, подстрекательство подданных другого государства к восстанию означало применение незаконных и аморальных методов достижения этих интересов. Уже гораздо позже рассматриваемого периода, вскоре после начала русско-турецкой войны, адвокат Эдвард Кинили будет говорить в парламенте, что если подтвердится правдивость турецких документов о том, что «христианское население Боснии, Герцеговины и Болгарии подняло восстание исключительно из-за подстрекательства проплаченных Россией панславистских комитетов», то Россия «станет одним из величайших преступников, когда-либо разжигавших несправедливую войну»⁴⁷. Обвинения в «подрывном панславизме» также означали бы, что Россия не является легитимным партнером, с которым можно было бы сотрудничать: она несет моральную ответственность за многочисленные жертвы болгарского восстания. Это было тем более важно, что свое участие в конфликте британский парламент и британская общественность связывали в равной степени не только с британскими интересами в регионе, но и с моральными обязательствами Великобритании перед человечеством нести мир и справедливость.

Однако обвинения российского правительства в «подрывном панславизме» будут звучать в полную силу позже: начиная с памфлетной кампании против «агитации за болгар» осенью 1876 г. и еще позже, в 1877–1878 гг. Летом же 1876 г. и либералы, и консерваторы чаще всего опровергали причастность России к подстрекательству восстаний. Интерес России объясняли силой российского общественного мнения, территориальными амбициями, а сами восстания — репрессивной политикой османского правительства, в крайнем случае — интригами Сербии и Черногории. Некоторые, как Уильям Гладстон, утверждали, что даже если и были «иностранские интриги», то они просто способствовали неизбежному⁴⁸.

⁴⁶ Например, генерала Р.А. Фадеева называли одним из руководителей «панславистской партии». HPD. House of Commons. 14.02.1876. Vol. 227. Col. 266; 28.02.1876. Vol. 227. Col. 1022.

⁴⁷ HPD. House of Commons. 11.05.1877. Vol. 234. Col. 824.

⁴⁸ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 193.

Конструирование моделей панславизма

Таким образом, мы видим, как летом 1876 г. мнения британских парламентариев о характере российского интереса к славянским народам разделились. Это разделение свидетельствует не только о меняющемся отношении британской политической элиты к России. Образы панславизма в представлении парламента были своеобразной конструкцией, основанной как на объективных политических реалиях и политических интересах, так и на частично ориенталистских стереотипах, которые помогли выстраивать собственную британскую идентичность на противопоставлении «Другому» — России, Балканам, Османской империи.

В первую очередь восприятие славянской политики России было сформировано традиционными геополитическими интересами Великобритании и привычными паттернами внешней политики в Восточном вопросе. В 1876 г., несмотря на разные взгляды в отношении роли России в текущем кризисе, никто из парламентариев не отвергал решающие принципы этой политики, тем более, что расширение влияния России в Средней Азии, постоянно обсуждавшееся в парламенте, подкрепляло эту логику противостояния⁴⁹. Недаром как консерваторы, так и либералы приводили в защиту разных точек зрения высказывания одного и того же авторитета — лорда Пальмерстона — как ориентира для внешнеполитических действий.

Однако важным фактором было и политическое соперничество консервативного правительства Дизраэли и либеральной оппозиции, особенно усилившееся с возвращением в политику Уильяма Гладстона в конце июля 1876 г. Полемика либералов во многом строилась на желании скомпрометировать Дизраэли, выставляя напоказ его нежелание реагировать на сообщения о «зверствах» в Болгарии и тем самым еще больше возмутить общественность против правительства. Активная же деятельность самого Гладстона, как отмечают исследователи, в августе–сентябре 1876 г. в большой степени была продиктована не столько его желанием помочь славянам или поддержать радикальных нонконформистских сторонников «агитации за болгар», сколько противостоять Дизраэли⁵⁰. Таким образом, славянский вопрос приведет к концу 1876 г., по ироничному выражению В. Голдсворси, к «балканизации» британских партий, поскольку

⁴⁹ Например: HPD. House of Commons. 06.07.1875. Vol. 225. Col. 1035; *Seton-Watson R. W.* Op. cit. P. 4–6.

⁵⁰ *Shannon R. T.* Op. cit. P. 12–13; *Whitehead C.* Reading Beside the Lines: Marginalia, W.E. Gladstone, and the International History of the Bulgarian Horrors // *The International History Review.* 2015. Vol. 37. N 4. P. 866.

ку часть либералов будут возмущены «радикализмом» Гладстона, а часть консерваторов — прагматичностью Дизраэли⁵¹.

Также значительным фактором для формирования в парламенте противоположных мнений о панславизме в России был характер поступавшей информации о происходившем на Балканах и в самой России. Летом 1876 г. британские политики были осведомлены об этом довольно плохо. Так, парламентарии регулярно упрекали правительство в том, что оно не предоставляет им актуальной информации и что новости парламент узнает из газет — как британских, так континентальных и даже российских⁵². Вторым основным источником информации для парламентариев стали травелоги британских путешественников по Балканскому полуострову, особенно публикации Джорджины Маккензи, Аделины Эрби и Артура Эванса⁵³. Последние фактически сконструировали в представлении британских читателей образ «угнетаемых мусульманами христианских славян»⁵⁴. Поверхностные знания парламентариев иллюстрирует, например, то, как Уильям Гладстон готовил свой знаменитый памфлет «Ужасы в Болгарии», так повлиявший на подъем общественного мнения в защиту славян. Как показал анализ читательских помет Гладстона и их сопоставление с его же списком прочитанных книг, во время подготовки памфлета он использовал только недавние газетные публикации и всего три травелога. Лишь во время и после «агитации за болгар», осенью 1876 г. Гладстон начал расширять круг своих источников⁵⁵.

К формированию положительного образа панславизма были причастны и российские патриоты в Англии. Одним из основных действующих лиц здесь была Ольга Алексеевна Новикова (Киреева)⁵⁶. Она так горячо отстаивала панславистские идеи и успешно продвигала позитивный образ России, что Дизраэли скептически назвал ее «депутатом от России» («The M.P. for Russia») — прозвище, которым друг и почитатель Новиковой, знаменитый редактор Уильям Стэд,

⁵¹ Goldsworthy V. Op. cit. P. 30.

⁵² Например, парламентарии интересовались, правдивы ли сообщения «Московских ведомостей» о том, что Великобритания поставляет оружие Турции. HPD. House of Commons. 27.06.1876. Vol. 230. Col. 500.

⁵³ Mackenzie G., Irby A. P. The Turks, the Greeks, and the Slavons: Travels in the Slavonic Provinces in Turkey-in-Europe. London, 1867; Evans A.J. Through Bosnia and the Herzegovina on Foot during the Insurrection, August and September 1875. London, 1876.

⁵⁴ Todorova M.N. Op. cit. P. 98.

⁵⁵ Whitehead C. Op. cit. P. 864–886.

⁵⁶ О.А. Новикова, тем не менее, не имела поддержки от российских властей и часто их критиковала. О ней см.: Третьякова С.Н. О.А. Новикова — «неофициальный посол» России в Англии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 103–118.

впоследствии назовет ее биографию⁵⁷. О.А. Новикова держала в Лондоне салон, посетителями которого и ее друзьями были многие известные политики, в том числе Уильям Гладстон. Некоторые исследователи даже предполагают, что именно ее влияние было решающим в решении Гладстона возглавить «агитацию за болгар» осенью 1876 г. и выступить за сотрудничество с Россией⁵⁸.

Наконец, в условиях скудости доступной информации мнения парламентариев о российской славянской политике и о панславизме так или иначе определялись **стереотипами** о России.

Эти стереотипы в значительной степени диктовались традиционным в Великобритании XIX в. дискурсом русофобии, который подчеркивал дикость и варварство России⁵⁹. В соответствии с этим дискурсом и трактовался «подрывной панславизм». Те, кто обвинял Россию в намеренном разжигании антитурецкого восстания, неизменно ссылались на недавние случаи, когда Россия сама жестоко подавляла подчиненные ей народы, в частности, на насильственное переселение черкесов и подавление польского восстания 1863 г. Как писал британский поэт Альфред Остин в 1876 г., «неделя ужасов в Болгарии... — это пустяк по сравнению с веком ужасов в России и ужасов в Польше»⁶⁰. Уже после начала русско-турецкой войны консервативный политик Перси Уиндем убеждал парламент, что «Россия, красная от польской крови, — последняя страна в мире, которой стоило бы доверять судьбы слабых народов»⁶¹.

Дискурс русофобии и очерченный им образ «подрывного панславизма» также опирался на суждения о деспотичном политическом устройстве Российской империи. Деспотия означала, что общественное мнение, на которое ссылались сторонники сотрудничества с Россией в Восточном вопросе, на самом деле не может иметь никакого воздействия на российское правительство. В этом контексте авторитарность политического устройства в России превращала ее политику в осуждаемое, противоправное действие деспотичного агрессора, и традиционно делала ее «Другим», оттеняющим «цивилизованную» британскую политическую систему⁶².

⁵⁷ *Seton-Watson R. W.* Op. cit. P. 116.

⁵⁸ *Hillis F.* The 'Franco-Russian Marseillaise': International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. N 1. P. 44.

⁵⁹ О русофобии в Великобритании XIX в. см.: *Gleason J.H.* Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950; *Heraclides A., Dialla A.* Op. cit. P. 169–170.

⁶⁰ Цит. по: *Goldsworthy V.* Op. cit. P. 31.

⁶¹ HPD. House of Commons. 08.05.1877. Vol. 234. Col. 536.

⁶² *Нойманн И.Б.* Указ. соч. С. 132–133.

Из тезиса о деспотии естественным образом следовало, что российскому правительству нельзя доверять, в том числе и искренности его тревоги за славянское дело. Так, например, парламентарий Уильям Уитворт, опираясь на свой 18-летний опыт службы в России, в феврале 1877 г. утверждал, что «за исключением императора... все члены правительства были виртуозами по лжи». Он настаивал, что Турции можно больше доверять, чем России, и что все преимущества, которые Россия получила в Сербии, Боснии и Герцеговине, она получила с помощью «взяток и коррупции. И так всегда было с Россией». Он также подчеркивал, что ему очень нравился русский народ, и что Россия очень бы была полезна Англии, но только «если бы она оставила свои воинственные устремления»⁶³.

В то же время более позитивный образ панславизма как «славянских симпатий» России строился на попытках либеральных политиков как раз пересмотреть эти «русофобские» стереотипы. «Нам говорят, что ... всё, что Россия поддерживает, противоположно интересам Англии», — говорил либеральный парламентарий Уильям Форстер, однако он сильно сомневался, «что есть хоть какая-то почва для всей этой ревности к России»⁶⁴. Лорд Фитцморис также утверждал, что возражения британского правительства против планов автономии для балканских провинций во многом проистекают из «недостойного подозрения ко всему русскому, которое временами охватывает эту страну»⁶⁵. Здесь примечательна резкая эволюция отношения к России именно либеральных политиков, которые прежде, по словам Джеймса Брайса, видели в России «главного врага политического прогресса, воплощение политического зла», а теперь призывали «отучиться от привычки ... по умолчанию давать худшее объяснение любому слову или действию России»⁶⁶.

Подвергались некоторому переосмыслению и представления о деспотичности политического устройства в России. Хотя парламентарии и были единодушны в том, что в России существует авторитарное правление, но их представления расходились в зависимости от того, считали ли они возможным в такой стране давление

⁶³ HPD. House of Commons. 16.02.1877. Vol. 232. Col. 529–530. Слова Уитворта подогревались его давней обидой на российское правительство, интернировавшее его во время Крымской войны (*Dixon S. Allegiance and Betrayal: British Residents in Russia during the Crimean War // The Slavonic and East European Review. 2016. Vol. 94. N 3. P. 431–467*).

⁶⁴ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1104.

⁶⁵ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 166.

⁶⁶ *Bryce J. Russia and Turkey // The Fortnightly Review. 1876. Vol. 20. N 120. P. 793*. Об отношении либералов и консерваторов к России см.: *Нойманн И.Б. Указ. соч. С. 133–136*.

общественного мнения. Именно идея о «панславистских симпатиях общества», влияющих на правительство, сформировала позитивное восприятие России в этот период. Такое восприятие подкреплял и образ императора Александра II. Благодаря нынешнему императору, писал Брайс, «Россия 1876 г. — это не Россия 1849 г.»⁶⁷. Территориальные амбиции, ее воинственный настрой сдерживаются императором — «величайшим другом мира»⁶⁸, который руководствуется «умеренностью и мудростью»⁶⁹.

Тем не менее, не следует преувеличивать степень, до которой летом 1876 г. были переосмыслены негативные стереотипы восприятия России. Когда, например, либеральные политики доказывали, что нет смысла бояться России, они, тем не менее, позиционировали сотрудничество с Россией в защите восставших провинций как раз в качестве метода лишить ее преимущества на Балканах. То есть сотрудничество для них было способом бороться с тем самым влиянием России, которого они же предлагали не опасаться.

Наконец, на конструирование разных образов российского панславизма оказывало влияние и ориенталистское восприятие, в соответствии с которым «Другие» — Россия, Османская империя и балканские народы — воспринимались через призму собственной **британской идентичности**. Осмысление связи между Россией и славянскими народами подпитывалось представлениями о противоположности «Других» и Британии, а разногласия между парламентариями подсвечивали линии разных представлений о британской идентичности.

Парламентарии часто сопоставляли стереотипы о «Других» — России и Османской империи: в зависимости от позиции оратора, «дикость» одного из государств обеляла мотивы другого. Так, «дикость» Турции оправдывала вмешательство России и превращала ее интересы в уважаемые «славянские симпатии»⁷⁰. И наоборот, лживость российских политиков противопоставлялась стремящимся к Европе турецким союзникам Великобритании, тем самым характеризуя действия России как «подрывные интриги». В обоих случаях эти образы России и Османской империи как «Других» оттеняли представление о «цивилизованности» Британии. В консервативной позиции ее миссия заключалась в поддержании целостности импе-

⁶⁷ Bryce J. Op. cit. P. 793.

⁶⁸ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1105.

⁶⁹ HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol. 230. Col. 406.

⁷⁰ О восприятии Османской империи во время Восточного кризиса см.: Çiçek N. Op. cit.

рий, политического порядка в Европе, в либеральной — в помощи угнетенным народам.

Вопрос отношения России к восставшим славянам Балкан в консервативной интерпретации затрагивал главным образом проблемы суверенитета и власти в империи. Консерваторы напоминали о легитимности и действий Османской империи, апеллируя к статьям Парижского договора 1856 г. Парламентариям, высказывавшим сочувствие восстанию балканских славян, консервативные политики припоминали, что Британия сама подавляла восстания зависимых народов — в Индии, на Ямайке и конечно в Ирландии⁷¹. С этой точки зрения, российский панславизм в любой своей интерпретации представлялся опасностью, а поддержка подобных устремлений Британией — ненужным для нее самой прецедентом. Уже напоминание о колониальных проблемах Великобритании ставило ее вровень с Османской империей, тоже имеющей сложности в отношениях с подчиненными народами. Поэтому в этом дискурсе становилось невозможным хоть сколько-нибудь положительное мнение о российском панславизме: он превращался из «симпатий» в территориальные амбиции, реализуемые незаконным путем.

В либеральной же трактовке акцент делался на том, что только Великобритания может «защитить свободу во всем мире»⁷², что ее международная миссия — блюсти справедливость⁷³. В этом контексте «агитация за болгар» была проявлением характерной для викторианской Англии традиции «морального протеста», и она даже выделялась из нее особым накалом страстей. Как отмечает в своем исследовании «агитации за болгар» Р.Т. Шэннон, мощь морального негодования ее сторонников исходила из «особого чувства вины и чувства соучастия, вызванных протурецкой политикой британского правительства»⁷⁴. В радикальном неконформистском ключе эту идею продвигал знаменитый редактор газеты “The Northern Echo” Уильям Стэд⁷⁵, который говорил, что ему было приказано свыше «поднять народ» в Англии на защиту угнетенных болгар⁷⁶.

В рамках этой интерпретации либеральные политики полагали, что «славянские симпатии» общественного мнения в России были легитимной причиной вмешаться в дела Османской империи. Более

⁷¹ Например, Дизраэли: HPD. House of Commons. 10.07.1876. Vol. 230. Col. 1181.

⁷² HPD. House of Commons. 08.02.1875. Vol. 222. Col. 88.

⁷³ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol.231. Col. 1090.

⁷⁴ Shannon R. T. Op. cit. P. 13–14.

⁷⁵ Heraclides A., Dialla A. Op. cit. P. 183.

⁷⁶ Цит. по: Whitehead C. The Bulgarian Horrors ... P. 133–134.

того, Гладстон в своем памфлете «Ужасы в Болгарии» даже заявлял, что англичане «в долгу» у великих держав, и особенно у России, за то, что «они сыграли ту роль, которую мы считали нашей собственной задачей — бороться с тиранией, заботиться об угнетенных, трудиться на благо человечества». Гладстон даже призывал «следовать примеру России, приняв участие в ее добрых делах»⁷⁷. Таким образом, это чувство моральной ответственности формировало дискурс, в котором было невозможно сомневаться в праведности помощи балканским славянам и делало критику этой помощи затруднительной⁷⁸.

Тем не менее, дискурс «гуманитарной миссии» все равно не ставил Россию и Британию в равное положение: даже в наиболее лестных интерпретациях российский панславизм объяснялся не высоким моральным выбором России, а «расовыми» симпатиями ее населения — тоже уважаемыми, но отличными от высокой моральной миссии Великобритании. Российское же правительство даже многие симпатизирующие ему парламентарии не решались заподозрить в искренних гуманистических мотивах, отмечая, что Россия будет выдавать гуманизм за предлог к экспансии. «...Сила России исходит из угнетения славянских народов, и у нее всегда есть повод вмешаться в качестве борца за гуманизм...», — говорил Уильям Форсайт, в том же выступлении, впрочем, горячо опровергавший обвинения России в «интригах»⁷⁹.

* * *

Таким образом, разные интерпретации российского панславизма — «славянские симпатии», «территориальные амбиции» или «подрывной панславизм» — в большой степени определяли отношение британских парламентариев к намерениям и действиям России в Восточном кризисе в 1876 г. Например, популярная идея о том, что в России общество из «симпатий» к братьям-славянам искренне подвигает свое правительство на благую цель защищать угнетенных, или что она хотя бы честно «играет» в Восточном вопросе как остальные равные великие державы, стало весомым аргументом для сотрудничества с ней Великобритании в рамках Константинопольской конференции, вопреки мнению части правительства и премьер-министра.

⁷⁷ Gladstone W.E. Op. cit. P. 58.

⁷⁸ Характерно, что большая часть упреков правительству в августе 1876 г. заключалась в том, что его члены «недостаточно ужаснулись» жестокостям подавления восстания.

⁷⁹ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 150.

Сложившиеся позитивные и нейтральные образы панславизма способствовали и тому, что весной, летом и осенью 1876 г. в Британии фактически улучшилось отношение к России. В либеральном дискурсе Россия из мрачной деспотии превращалась в страну, которая, несмотря на авторитаризм, реагировала на мнение своего общества, а благодаря своему миролюбивому и мудрому императору соблюдала международные договоренности. Таким образом, акцент на роли общественного мнения превращал Россию в страну не только с теми же настроениями, но и в некоторой степени — схожими с Британией механизмами политического поведения. Тем самым, в таком дискурсе Россия частично выводилась из категории неевропейского «Другого», в то время как недавний союзник Великобритании — Османская империя, напротив, представляла как антитеза цивилизованности.

Тем не менее, период позитивного восприятия образа России был недолгим. Уже с осени 1876 г. стали чаще высказываться предположения о «подрывном» характере российского панславизма. Все чаще звучало мнение, что балканские восстания намеренно инспирировались из России и что даже российское общественное движение специально подстегивалось правительством, чтобы отвлечь народ от внутренних проблем страны⁸⁰. Изменения образов панславизма были вызваны многими причинами — и провалом Константинопольской конференции в январе 1877 г., и поступлением информации, в том числе фальшивой, о роли панславистских обществ и славянских комитетов в балканских восстаниях⁸¹, и изменениями в самом политическом климате в Великобритании — расколом среди либералов после осенней «агитации за болгар». Дискурс о русских интригах и «подрывном панславизме», таким образом, возвращал негативное отношение к России, вновь ставил ее в положение «Другого», морально ответственного за развернувшийся кризис. Именно эта интерпретация будет превалировать в Британии в последующие годы конфликта на Балканах.

References

- Beasley E. *Making Races* // *Victorian Review*. 2014. Vol. 40. N 1. P. 48–52.
Çiçek N. *The Turkish Response to Bulgarian Horrors: A Study in English Turcophobia* // *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42. N 1. P. 87–102.
Dixon S. *Allegiance and Betrayal: British Residents in Russia during the Crimean War* // *The Slavonic and East European Review*. 2016. Vol. 94. N 3. P. 431–467.

⁸⁰ См., например: *Brassey T.* Op. cit. P. 1, 6.

⁸¹ Одна из самых знаменитых фальсификаций: *Russian intrigues: secret despatches of General Ignatieff and consular agents of the Great Panslavic Societies*. London, 1877.

D'yakov V.A. *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolyutsionnoy Rossii* [Slavic Question in the Public Life of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Nauka, 1993. 207 p.

Gella T.N. *Obraz Rossii v politicheskoy ritorike britanskikh parlamentariyev v period Vostochnogo krizisa 70-kh godov XIX veka* [The Image of Russia in the Political Rhetoric of British Parliamentarians during the Eastern Crisis of the 1870s] // "Svoi" i "Drugie": *vzaimodeystviye i vospriyatiye kul'tur Zapada i Rossii* ["One's Own" and "Others": Interaction and Perception of Cultures of the West and Russia] / Ed. by T.L. Labutina. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. P. 256–274.

Geason J.H. *Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 314 p.

Goldsworthy V. *Inventing Ruritania: The Imperialism of the Imagination*. New Haven: Yale University Press, 1998. 254 p.

Grigor'yeva A.A. *Panslavizm: ideologiya i politika (40-ye gody XIX — nachalo XX veka)* [Panslavism: Ideology and Politics (1840s — Early 20th Century)]. Irkutsk: Asprint, 2013. 200 p.

Heraclides A., Dialla A. *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester: Manchester University Press, 2015. 253 p.

Hillis F. *The "Franco-Russian Marseillaise": International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France* // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. N 1. P. 39–78.

Istoriya Balkan. Sud'bonosnoye dvadtsatiletiye (1856–1878 gg.) [History of the Balkans. Fateful Twenty Years (1856–1878)] / Ed. by V.N. Vinogradov. Moscow: URSS KRASAND, 2013. 331 p.

MacKenzie D. *Panslavism in Practice: Cherniaev in Serbia (1876)* // *The Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36. N 3. P. 279–297.

Neumann I.B. *Ispol'zovaniye "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii yevropeyskikh identichnostey* [Uses of the "Other": The East in European Identity Formation]. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2004. 335 p.

Nikitin S.A. *Slavyanskiye komitety v Rossii v 1858–1876 godakh* [Slavic Committees in Russia in 1858–1876]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1960. 361 p.

Pavlenko O.V. *Panslavizm i yego modeli* [Panslavism and Its Models] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2016. N 5. P. 3–15.

Prokudin B.A. *Ideya slavyanskogo yedinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka: genezis, osnovnyye napravleniya i etapy razvitiya: diss. ... kanidata politicheskikh nauk* [Idea of Slavic Unity in the Political Thought of Russia in the 19th Century: Genesis, Main Trends and Development Stages: PhD Candidate Diss. in Political Sciences]. Moscow: MGU, 2007. 180 p.

Rokina G.R. *Iz istorii traktovki termina "panslavizm" v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh avtorov XIX veka* [From the History of the Interpretation of the Term "Panslavism" in the Works of Russian and Foreign Authors of the 19th Century] // "Zapad–Vostok". *Nauchno-prakticheskiy yezhegodnik*. 2010. N 3. P. 92–102.

Seton-Watson R.W. *Disraeli, Gladstone, and the Eastern Question: A Study in Diplomacy and Party Politics*. London; New York: Routledge, 1971. 590 p.

Shannon R.T. *Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876*. Hassocks, Eng.: Harvester Press Limited; Hamden, Conn.: Archon Books, 1975. 308 p.

Todorova M.N. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press, 2009. 273 p.

Tret'yakova S.N. O.A. Novikova — “neofitsial'nyy posol” Rossii v Anglii [O.A. Novikova, Russia's “unofficial ambassador” to England] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Series “Istoriya Rossii”. 2010. N 4. P. 103–118.

Whitehead C. *The Bulgarian Horrors: Culture and the International History of the Great Eastern Crisis, 1876–1878*: PhD Diss. Vancouver: University of British Columbia, 2014. 365 p.

Whitehead C. *Reading Beside the Lines: Marginalia, W.E. Gladstone, and the International History of the Bulgarian Horrors* // *The International History Review*. 2015. Vol. 37. N 4. P. 864–886.

Zashikhin A.N. “Glyadya iz Londona”: Rossiya v obshchestvennoy mysli Britanii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX v. [“Looking from London”: Russia in the Public Thought of Britain in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo mezhdunarodnogo pedagogicheskogo universiteta, 1994. 204 p.

Поступила в редакцию
6 марта 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-72-93

А.Д. Попова

**«ТАК НЕЖНО ПЛЕЩЕТ НА ВАС ИЗУМРУДНАЯ ЗЫБЬ...»:
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КУРОРТНИКОВ В КРЫМУ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

A.D. Popova

**“THE EMERALD SWELL IS SPLASHING
SO GENTLY ON YOU...”:
EVERYDAY LIFE OF RESORT RESIDENTS
IN THE CRIMEA IN THE SECOND HALF
OF THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES**

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты повседневной жизни отдыхающих в Крыму в начальный период развития полуострова как курорта. Источниками послужили публикации газет, издаваемых в Севастополе и других городах Крыма в изучаемый период, путеводители, воспоминания современников, посетивших Крым в разные годы. Анализ изученных источников показывает достаточно яркую картину жизни курортников и позволяет выделить несколько пластов информации: о развитии транспортной инфраструктуры и повседневных деталях путешествий, вариантах размещения, ценах на жилье и питание, способах проведения досуга. Можно проследить тесную связь эволюции условий жизни отдыхающих и курортно-рекреационной сферы в целом с экономическим и социальным развитием страны. Создание сети железных дорог сделало путь в Крым более дешевым и удобным. В начале XX в. отдых на полуострове перестал быть элитарным, сюда приезжали представители разных социальных слоев. Приток курортников вызвал развитие всей туристической инфраструктуры: росло число гостиниц, местное население активно вошло в рынок соответствующих услуг, предоставляя внаем меблированные

Попова Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Института истории философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Popova Anna Dmitrievna, Doctor in History, Professor, Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Science, Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named after S.A. Yesenin

a.d.popova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9524-3886

ные комнаты, экскурсионные услуги. Путеводители и мемуары показывают роль в жизни отдыхающих таких традиционных развлечений, как купание в море и прогулки в горы, а также способы их организации. Практиковалось раздельное купание мужчин и женщин как в купальнях, так и на пляжах. Большую популярность приобретают групповые и индивидуальные экскурсии по историческим местам Крыма. Анализ мемуаров показывает, что уровень сервиса вызывал нарекания у отдыхающих, они высказывали претензии к высокому уровню цен в гостиницах, неопрятности прислуги в ресторанах и т.п. Однако постоянно возрастающий интерес российского общества к Крыму как месту отдыха способствовал не только улучшению качества услуг, но и изменению условий жизни на полуострове: деревни и города превращались в комфортные населенные пункты, в которых имелись все атрибуты цивилизации — электричество, почта, аптеки, больницы.

Ключевые слова: история повседневности, курортный отдых, путеводители по Крыму, купальни, курортная инфраструктура, гостиничный бизнес, горный туризм.

Abstract. The article examines various aspects of everyday life of holiday-makers in the Crimea in the initial period of the resort development on the peninsula. The sources are newspapers published in Sevastopol and other Crimean towns, guidebooks, memoirs of those who visited the Crimea in the period under study. The analysis shows a rather vivid picture of the life of resort residents and allows us to distinguish several layers of information: on the development of transport infrastructure and everyday travel details, accommodation options, accommodation and food prices, ways of spending leisure time. It is possible to trace a close connection between the evolution of living conditions of vacationers and the resort and recreational sphere as a whole and the economic and social development of the country. The creation of a network of railroads made the way to the Crimea cheaper and more convenient. In the early 20th century, recreation on the peninsula ceased to be elitist, and representatives of different social strata came here. The influx of resort guests caused the development of the entire tourist infrastructure: the number of hotels grew, the local population actively entered the market of relevant services, providing rented furnished rooms and sightseeing services. Guidebooks and memoirs show the role in the life of holidaymakers of such traditional entertainments as bathing in the sea and walks in the mountains, as well as the ways of their organization. Separate bathing of men and women was practiced both in bathing houses and on beaches. Group and individual excursions to historical sites were becoming more popular. The analysis of memoirs demonstrates that the level of service caused complaints from vacationers, who were not happy with the high level of prices at hotels, unkempt servants in restaurants, etc. However, the ever-increasing interest of the Russian society to the Crimea as a vacation destination contributed not only to the improvement of the quality of services, but also to the change of living conditions on the peninsula: villages and towns were transformed into comfortable settlements, which had all the attributes of civilization — electricity, post offices, pharmacies and hospitals.

Keywords: history of everyday life, resort recreation, guides to the Crimea, baths, resort infrastructure, hotel business, mountain tourism.

Интерес к Крыму как к рекреационному региону начал проявляться во второй половине XIX в. И это не случайно: уникальные климатические условия в совокупности с историческими и культурными достопримечательностями просто не могли не привлекать людей. Тонкий ручеек энтузиастов стал превращаться в широкий поток отдыхающих по мере улучшения транспортной доступности полуострова. Представляется актуальным исследовать повседневную жизнь курортников в Крыму во второй половине XIX — начале XX в.

С точки зрения известного исследователя гендерной истории и повседневности Н.Л. Пушкаревой, «в центре внимания истории повседневности стоит комплексное исследование повторяющегося, привычного, конструирующего стиль и образ жизни...»¹. И хотя поездки на курорт не являются рутинными событиями в жизни каждого человека, в той или иной степени они ярко отображают развитие повседневной жизни, так как именно в них ярко проявляются ее различные аспекты: уровень развития транспортных средств, способы проведения досуга, питание и проживание. Более того, именно в процессе поездки эти аспекты различных привычных и даже «вечных» социальных практик — прием пищи, устройство на ночлег — отражают уровень развития повседневной жизни даже более ярко. Если в домашних условиях процесс питания отлажен до мелочей, привычные магазины или точки общепита, набор домашней утвари для готовки делают этот процесс достаточно комфортным, то в незнакомом месте степень удобства этих рутинных действий зависит от уровня развития инфраструктуры данной местности.

Нельзя не согласиться с мыслью, что повседневность является ярким отражением сплетенного клубка происходящих процессов: «В повседневности, ежедневных действиях происходит слияние вечного, временного и событийного, вечное предстает в качестве смыслообразующего фактора каждой конкретной мысли или поступка»². Неслучайно в современной отечественной исторической науке отмечается активный интерес к истории повседневности³.

¹ Пушкарева Л.Н. Антропология повседневной жизни и этнографическое изучение бытовой культуры // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 83.

² Правовская Н.И. Повседневность в аксиологическом измерении // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 119.

³ Зубкова Ю.В. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 1999; Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004; Белова А.Н. Повседневная жизнь учителей. М., 2015; Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX вв. М., 2008.

Развитие курортного дела на Крымском полуострове на рубеже XIX–XX вв. уже становилось объектом исследования⁴. Однако большинство работ имеют краеведческий характер, направлены на изучение вопросов, связанных именно с курортным делом, а не с проблемами повседневности.

Данное исследование опирается на широкий круг источников: мемуары современников, публикации крымских газет, путеводители. Был использован целый ряд воспоминаний, где описывается отдых на крымском полуострове⁵. Все они относятся к разным годам, что дает дополнительный бонус исследователю: позволяет проследить динамику развития повседневной жизни отдыхающих. Наиболее ранними являются мемуары К. Жукова. Его текст посвящен только одному посещению Крыма в 1864 г., зато это путешествие описано очень подробно. Воспоминания М.М. Боборыкина охватывают достаточно большой промежуток времени, так как автор неоднократно бывал в Крыму, — с 1898 г. по 1916 г. И если К. Жуков писал свой труд, имея цель именно рассказать о путешествии читателям, то записки М.М. Боборыкина больше походят на дневник, созданный ради рефлексии. Однако и здесь много разнообразных деталей, ярко характеризующих повседневную жизнь.

А.Н. Нилидин и П. Засодимский ездили в Крым с целью улучшения здоровья, поэтому у них больше сведений о способах лечения и оказания медицинской помощи в Крыму, хотя медицинские сюжеты сопровождаются довольно яркими описаниями жизни многонационального населения Крыма, восточного базара, достопримечательностей крымских городов.

Ценность всех указанных мемуаров заключается в богатой эмоциональной окраске описываемых событий, авторы не просто говорят о деталях повседневной жизни, но и дают им оценку, представляя исторические факты через призму парадигмы нормы и аномалий, что очень важно при познании проблемы повседневности. Как отмечает Л.Н. Пушкарева, «... принципиальное отличие

⁴ Кеня И.А. Вклад российских предпринимателей в развитие и становление курортов южного берега Крыма в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 4. С. 38–46; Карагодин А.В. «Сделать не хуже, чем за границей»: курорты Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 83–105; Малыгин А.В. Русская ривьера. Симферополь, 2004; Ивлева Я.А. История курорта в Евпатории от истоков до современности: монография. Симферополь, 2016.

⁵ Жуков К. Заметки в пути на южный берег Крыма. СПб., 1865; Засодимский П. В Крыму. М., 1902; Нилидин А.Н. Силуэты Крыма. СПб., 1884; Боборыкин М.М. Воспоминания о Крыме. 1897–1920 гг. Симферополь, 2015.

изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании значимости событийной истории...»⁶.

Путеводители, описывающие различные курортные места, активно издавались на рубеже веков⁷. Многие из них предлагались читателям за небольшую плату (1 рубль) или вообще бесплатно. Доход издатель получал от многочисленной рекламы, которой были буквально «нашпигованы» данные книги. Путеводители содержали многоплановую информацию: о климатических и природных особенностях региона, об исторических достопримечательностях, о тарифах на различные виды транспорта, информацию бытового свойства: перечень гостиниц с их характеристиками, советы по выбору жилья в частном секторе, даже рекомендации по выбору одежды и обуви для горных прогулок. Интересные сведения о развитии курортной индустрии дают рекламные объявления в путеводителях и газетах — весь спектр товаров и услуг, необходимых людям на отдыхе, представлен в широком ассортименте.

Были использованы также газеты «Крымский вестник», «Крым», «Крымский листок». Газеты содержат весьма разнообразную информацию о повседневной жизни полуострова: от распоряжений властей, имеющих влияние на различные вопросы, например, меры по борьбе с холерой, до сводок происшествий и информации о самых различных событиях — приезд экскурсантов в Севастополь, открытие водопровода в Алушке, проведение благотворительного бала в пользу общества по защите женщин и др.

Как свидетельствуют мемуары К. Жукова, проведение летних месяцев за пределами своего постоянного (городского) проживания становилось во второй половине XIX в. довольно распространенной социальной практикой: «В мае месяце в Петербурге начинается необыкновенное движение. На реке Неве большие лодки, а на улицах возы увозят мебель и всякие предметы домашнего комфорта. На берегу Васильевского острова дымятся заграничные и финляндские пароходы. На железных дорогах увеличивается число отъезжающих из Петербурга. Понятно, что большое число жителей спешит уехать из города»⁸. Естественно, каждый решал эту задачу, руководствуясь, прежде всего, своими финансовыми возможностями. Однако

⁶ Пушкарева Л.Н. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 131.

⁷ См.: Москвич Г.Г. Практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1896; Безчинский А. Путеводитель по Крыму. М., 1904; Новейший путеводитель по Крыму ... на 1912 год. Евпатория, 1912; Практический путеводитель по Крыму. Ялта, 1889.

⁸ Жуков К. Указ. соч. С. 1.

мотивы такого поведения очевидны: мало кому хотелось проводить летние месяцы в душном каменном городе, что подтверждает и сам мемуарист: «После восьмимесячного затворничества всякий, имеющий какие-либо средства, если только не связан исключительными обязанностями, уезжает на дачу, в деревню, за границу»⁹.

Мемуары П. Засодимского относятся к концу XIX в., и они ярко отражают распределение курортников различного достатка по сезону. Наиболее состоятельная публика прибывала в Крым во второй половине августа. Сезон, а именно так называли время приезда таких гостей, приходился на период примерно с 15 августа до 15 октября. Летом было время «ситцевой» публики: «В июне и июле сюда наезжают учащиеся — студенты, курсистки, также учительницы, учителя, вообще люд, дорожащий рублем, но желающий повидать Крым, провести время отдыха в здоровом климате, погреться в лучах южного солнца, покупаться в теплом море, полазать по горам и полюбоваться на все прелести южного берега Крыма»¹⁰.

Если анализировать описание самого процесса путешествия на полуостров, то можно выделить историческую эволюцию, которая была обусловлена техническим прогрессом. К. Жуков совершил путешествие в Крым в 1864 г., когда на полуостров еще не была проложена железная дорога, и поэтому его поездка может быть названа самым настоящим, и весьма нелегким, приключением. Автору пришлось сочетать сухопутный и водный пути, использовать все известные в то время виды транспорта. Он начал свое путешествие 16 июня 1864 г. Первым этапом была поездка из Петербурга по железной дороге до города Острова Псковской губернии. Потом настала очередь почтовых карет, которые довели нашего рассказчика вначале до Киева, а потом Ржищева, на берегу Днепра, чтобы на пароходе доехать этой рекой и морем на южный берег Крыма. Однако и этот участок пути пришлось проделывать в несколько этапов: пароход «Днепр» довез его до Кременчуга, где надо было пересесть на другой пароход. Он доставил путешественников в Екатеринослав. Затем опять пришлось воспользоваться почтовыми лошадьми и на них добраться до Никополя, а там снова сесть на пароход «Князь Бяратинский», который продолжил везти путешественников по Днепру до Херсона. Херсон стал местом пересадки на четвертый пароход — «Язон». На нем доехали до Одессы, которая уже давала возможность насладиться прелестями отдыха на черноморском побережье. И после небольшого пребывания в этом городе начался последний

⁹ Там же.

¹⁰ Засодимский П. Указ. соч. С. 11.

этап путешествия: поездка на пароходе из Одессы в Севастополь, куда наш герой прибыл 25 июля¹¹. Таким образом, вся дорога из Петербурга в Крым заняла один месяц и 9 дней. Дотошность автора дает возможность получить представление о степени комфорта всех этапов поездки.

Об участках, проделанных по железной дороге и на гужевом транспорте, он упоминает мало. Зато довольно красочно рисует уровень сервиса на пароходах, отмечая различное отношение команды и капитанов к потребностям пассажиров. Хороших отзывов удостоился пароход «Князь Барятинский», который приятно удивил путешественников качеством услуг: «Здесь капитан встретил нас с любезностью и, подав руку дамам, провел их сам в каюты. В кают-компания горят лампы, и их матовый свет освещает изящную отделку каюты и сервировку стола. Содержатель буфета — итальянец Антонио или Анжелини, что-то в этом роде, — вежливо предлагает хорошо приготовленные блюда». А вот на «Язоне» картина была совсем иной: «Но здесь нет уже ни предупредительной любезности, ни комфорта. Хорошо отделанная кают-компания служит и спальней для пассажиров, где койки расположены одна над другою и где в дамской каюте так же тесно, как и на днепровских пароходах. Белье на постелях почему-то потеряло белизну, хотя положение пароходов одинаково. Прислуга груба. Вероятно, капитан мало обращает внимания»¹². Более того, в каюте было практически невозможно оставаться, так как постели кишели насекомыми. Находиться на палубе в темное время суток было очень некомфортно, так как отсутствовало освещение, а фонарь было невозможно выпросить у команды. Для одного из пассажиров это закончилось плачевно: в темноте он не заметил люка, упал в трюм и сломал руку.

В конце XIX столетия в Крым можно было приплыть и из Батуми, Сочи, Анапы, Мариуполя, Таганрога и других южных портовых городов¹³. Однако к этому времени у пароходств уже появился серьезный конкурент — железная дорога. Необходимость строительства железной дороги в этом направлении власть осознала после поражения в Крымской войне. А помимо обеспечения оборонных задач и перевозки грузов железные дороги оказались небывало комфортабельным видом пассажирского транспорта. Прелести крымской природы были вначале оценены высшим светом, включая членов царской семьи, и в Крым потянулись высокопостав-

¹¹ Жуков К. Указ. соч. С. 23.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Практический путеводитель по Крыму. Ялта, 1889. С. 295.

ленные отдыхающие. Как верно заметила И.А. Кеня: «В становлении крымских курортов заметна организующая роль государства в лице членов императорской фамилии, представителей аристократии и высшего чиновничества...»¹⁴. Император Александр II стал первым главой государства, для которого построили дачу в Крыму. Находилась она там же, где и дача его внука Николая II, в Ливадии, но до наших дней не сохранилась¹⁵.

Первый пассажирский поезд проследовал в Севастополь в 1875 г. по той же дороге, что существует и по сей день¹⁶. Большинство путешественников, проведя несколько дней в Севастополе, отправлялись в курортные города. Путеводитель 1889 г. даже позволяет узнать цену такой поездки: стоимость билета из Москвы до Севастополя в почтовом поезде в 1-м классе составляла 54 руб., во втором — 40 руб. 53 коп., в третьем — 20 руб. 71 коп.¹⁷ М.М. Бобрыкин, который посетил Крым в 1898 г., в своих мемуарах оставил отметку о поездках разной ценовой категории, упоминая, что дамы поедут курьерским поездом, а «мы же поплетемся почтовым поездом, так как наши ничтожные капиталы не позволяют нам такой роскоши, как курьерский поезд». Однако в целом именно железнодорожное сообщение сделало поездку в Крым достаточно доступной для широкой публики. Как свидетельствуют воспоминания того же М.М. Бобрыкина, регулярно ездить на отдых в Крым стало на рубеже веков типичной социальной практикой отнюдь не только для высшего света. Из текста этих мемуаров видно, что автор, не очень состоятельный человек, служивший нотариусом в Харькове, регулярно посещал полуостров для поправки здоровья.

Некоторые курортники, прибыв в Крым, оседали в каком-то одном населенном пункте, другие совершали путешествие по полуострову. К. Жуков подробно описывает свой маршрут: из Севастополя он выехал в Байдарскую долину, потом доехал до Алупки, следующим городом стала Ялта, из нее он отправился в Симферополь, затем в Бахчисарай, откуда опять проследовал в Севастополь, чтобы вернуться в Петербург тем же путем, что и прибыл. На полуострове его основным транспортом становились почтовые кареты или частные извозчики. Этот же способ путешествия упоминают и другие авторы мемуаров. К. Жуков характеризует его как достаточно комфортный и даже делает замечание, в которое могут не поверить

¹⁴ Кеня И.А. Указ. соч. С. 38.

¹⁵ Карагодин А.В. Указ. соч. С. 84.

¹⁶ Малыгин А.В. Указ. соч. С. 142.

¹⁷ Практический путеводитель по Крыму. С. 50.

наши современники: «дороги везде отличные»¹⁸. У него же можно встретить и указание на особенности услуг почтовой кареты и частного ямщика: извозчик почтовой кареты следовал определенным маршрутом и не имел права с него сворачивать, частный же ямщик полностью подчинялся требованиям клиента. Правда, автору удалось однажды за полтинник соблазнить возницу почтовой кареты, и он в угоду пассажирам свернул с Севастопольской дороги и завез их в Алупку.

К концу XIX в. у путешественников появилась альтернатива: из одного крымского города в другой можно было проделать путь по морю. В городах были устроены пристани, и морские суда совершали регулярные рейсы. Например, А.Н. Нилидин рассказывает в своих мемуарах, что после отдыха в Евпатории отправился морем в Севастополь¹⁹. Этот путь избавлял от долгого неспешного передвижения под палящим крымским солнцем, но имел свои недостатки. Шторм мог заставить путешественников ждать неопределенное время в мало комфортабельном порту, к тому же пристани даже в начале XX в. имелись не везде. Поэтому попасть с берега на сам корабль можно было порой только на лодке, что нередко становилось, даже при небольшом волнении моря, опасным или даже невозможным. Сама посадка на корабль превращалась в достаточно рискованное мероприятие. Очень красочно этот момент описан в мемуарах М.М. Боборыкина, отправлявшегося из Судака: «Страшное зрелище представлял наш отъезд: непроглядная тьма, волнующееся море, где-то далеко остановившийся в море пароход, к которому нужно ехать на подпрыгивающем баркасе, битком набитым публикой, восхождение по узенькой колеблющейся лестнице на пароход, давка, суета и падение прямо в объятия турка-носильщика одной совершенно обезумевшей дамы, ехавшей из Судака с 4-мя дочерьми»²⁰.

Для поездки из одного населенного пункта в другой, находящийся недалеко, например из Ялты в Мисхор, или по бухтам Севастополя можно было использовать еще один вид общественного транспорта — ялики, небольшие лодки с гребцами. Цены на проезд на яликах, как и на извозчиках, были официально регламентированы и о них можно было прочитать в путеводителях²¹. Однако курортники нередко оказывались бессильны перед желанием возницы или гребцов урвать больше положенного тарифа.

¹⁸ Жуков К. Указ. соч. С. 38.

¹⁹ Нилидин А.Н. Указ. соч. С. 37.

²⁰ Боборыкин М. М. Указ. соч. С. 113.

²¹ Москвич Г.Г. Указ. соч. С. 63.

Источники дают возможность получить представление о подробностях быта крымских курортников той поры. И рекомендации путеводителей, и мемуары довольно обстоятельно освещают, где останавливались на ночлег, что можно было поесть в дороге. Конечно, приток туристов не мог не вызывать расцвет гостиничного бизнеса. В городах открываются гостиницы и пансионаты разной ценовой категории. В Севастополе в качестве самой дорогой и изысканной представляли гостиницу «Кист», расположенную рядом со знаменитой Графской пристанью²². Но это была не единственная комфортабельная гостиница в городе. Путешественник К. Жуков упоминает, что останавливался в Севастополе в гостинице «Ветцел», причем впечатление о ней осталось достаточно приятное: «В гостинице Ветцель мы поместились удобно. Содержится она в неукоризненной чистоте и в порядке, лучше которого нельзя требовать. Содержатель, Николай Иванович Ветцель, отец семейства, очень симпатичный, добрый человек, заботливый о своих постояльцах»²³. В Ялте в качестве одной из самых комфортабельных упоминается гостиница «Россия» с газовым освещением, ваннами, рестораном. Естественно, в рекламных объявлениях, размещенных в путеводителях, встречается информация о «Мариино» — гостинице на набережной Ялты, известной тем, что в ней останавливался А.П. Чехов.

Один из самых дорогих и роскошных вариантов отдыха можно было получить в Гурзуфе, где известный предприниматель П.И. Губонин устроил пансионат по последнему слову медицинской и технической мысли. Номера были электрифицированы, имели ваннные комнаты, были соединены телефонами, в здании работали лифты. Сам пансионат расположился в прекрасном парке. Однако провести месяц в подобном комфорте могли только очень состоятельные люди. Сутки могли стоить 10 руб.²⁴ И это без питания! За него надо было платить еще 60 руб. в месяц. Не зря у современников закрепилась фраза «губонинская роскошь»²⁵.

Конечно, были в крымских городах гостиницы посромнее, с самой широкой палитрой комфорта, сервиса, что отражалось в отзывах постояльцев. В Ялте К. Жукову пришлось довольствоваться совсем другими номерами: в гостинице «Собес», принадлежащей

²² Здание сохранилось до наших дней, в нем находится одно из административных подразделений Черноморского флота.

²³ Жуков К. Указ. соч. С. 26.

²⁴ Практический путеводитель по Крыму. С. 211.

²⁵ Губонинские корпуса сохранились и продолжают принимать курортников.

одному французу, ему предложили две грязные комнаты за 3 руб. При этом, чтобы отбить желание искать номера в других гостиницах, француз сказал, что там полно насекомых. На практике же оказалось, что «во французской гостинице не только клопы, но и другие животные, не исключая хозяев и прислуги, не вошли в басню»²⁶. Рассказывая о пребывании в Алуште, этот автор упоминает совсем удивительный эпизод: «Въезжаем в Еврейскую гостиницу и, по какому-то непонятному нерасположению, получаем здесь прием столь грубый, отрицательный, что не знаем сами, отчего это так случилось. Красивая еврейская девушка так кричала на нас, что мы подумали о приезде в дом сумасшедших»²⁷. Не менее вопиющим по современным меркам выглядит эпизод из мемуаров А.Н. Нилидина: «Одна моя знакомая туристка рассказывала мне, что когда она попросила в одной из байдарских гостиниц переменить постельное белье, то служанка, укоризненно покачав головой, заметила: этак ведь и белья не напасешься! Простыни совсем еще чистые, вчера только один раз всего и проспал-то на них купец из Москвы»²⁸.

Гостиницы и пансионаты были не единственным способом решения жилищного вопроса курортников. С каждым годом число гостиниц увеличивалось, но их все равно не хватало, что давало возможность зарабатывать местному населению на сдаче в наем мебелированных комнат. В этот бизнес входили многие социальные слои населения Крыма. Многие путешественники, прибыв на полуостров, селились вначале в гостинице и начинали подбирать себе комнату на продолжительное время, так как этот вариант жилья обходился дешевле. Путеводители даже давали рекомендации по правильному выбору таких мест.

Взаимоотношения курортников и хозяев жилья тоже были неоднозначными. Владельцы жилья старались получить максимальную выгоду, накручивая цену по мельчайшему поводу. Очень ярко это получило отражение в мемуарах П. Засодимского. Он пишет, что в сезон для жилья приспособливают даже чердаки, цены стремительно взлетают. Самая плохонькая комната, стоившая в не сезон 20 руб. в месяц, уже сдается за 40, «если же при этой комнатенке еще случится — на грех — крохотный балкончик, тогда цена ей доходит до 50 и до 60 руб., хотя бы на балкончике нельзя было с удобством ни встать, ни сесть и лишь с трудом можно пошевелиться»²⁹. Если

²⁶ Жуков К. Указ. соч. С. 55.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Нилидин А. Н. Указ. соч. С. 73.

²⁹ Засодимский П. Указ. соч. С. 14.

из комнаты и в самом деле открывается достойный вид на горы и море, то ее стоимость доходит до 75, а то и 100 руб. в месяц. Но, даже заплатив эту сумму, не всегда можно было быть уверенным, что получишь желаемый сервис. Хозяева тщательно искали повод для дополнительных денежных сборов. Каждое время создает свои представления об удобствах, если современные отдыхающие вынуждены выяснять отношения с владельцами жилья из-за возможности подключиться к интернету, то в XIX в. дополнительную плату могли требовать за топку печи в непогожий день (25 копеек) или за самовар. Последнее часто оговаривалось как дополнительная услуга, включенная в стоимость, но потом жильцам предъявлялся ультиматум: за самовар надо платить отдельно. Или вместо большого самовара жильцы получали лишь чайник кипятка, который к тому же быстро остывал. Не случайно М.М. Боборыкин наградил владельцев съемного жилья достаточно едким эпитетом: «О, прожорливые крымские акулы»³⁰.

В то же время и сами отдыхающие порой вели себя не лучшим образом. К. Жуков рассказывал, что в Алуште в доме стационарного зрителя он хотел занять комнату, которую только что освободили другие курортники, однако сделать это не представлялось возможным по их вине: «...оказалось, что проезжие выливали воду на пол и туда же бросали кожу винограда или просто плевали. Словом, комната так была загажена, что бедная служанка едва в полчаса могла привести все в порядок, и трудно было заснуть под влиянием неприятного впечатления»³¹.

Чтобы более-менее навести порядок на этом рынке, защитить права обеих сторон, в крымских городах стали создавать квартирные бюро. Например, в Евпатории рядом с портом была учреждена городская справочная контора, которая давала справки по найму помещений. Но процветала и частная инициатива: было много татар-коммиссионеров, которые предлагали свои услуги по найму квартир³². Квартирная справочная контора действовала и в Ялте³³.

Естественно, на курорте невозможно обходиться без организации питания. Для многих современников знакомство с Крымом имеет и кулинарный аспект, причем облаченный в национальные одежды. Проявлялся он и в описываемые времена, хотя ассортимент

³⁰ Боборыкин М.М. Указ. соч. 96.

³¹ Жуков К. Указ. соч. С. 67.

³² Ивлева Я.А. История курорта в Евпатории от истоков до современности. Симферополь, 2016. С. 25.

³³ Малыгин А.В. Указ. соч. С. 102.

блюдо оказывалось не таким широким. Рекламные объявления рубежа XIX–XX вв. в качестве местной кулинарного специалитета заявляют только шашлыки и чебуреки. Именно они часто упоминаются в рекламных объявлениях на страницах крымских газет. В одном из них даже указана цена за шашлык: 10 штук 50 копеек³⁴. А вот сколько было шашлыка по весу в одной «штуке» (скорее всего, так назывался шампур), остается только гадать.

Авторы мемуаров в качестве блюд, которые им доводилось есть в Крыму, упоминают борщ, пилав, антрекот, жареную кефаль. К. Жуков, описывая обеды в гостинице, упоминает традиционные и привычные нам котлеты, стоимостью 6 порций котлет 1 руб. 35 коп. Рассказывая о прогулке по Балаклаве, он упоминает, что голод после прогулки они утоляли яичницей, приготовленной женой станционного зрителя, а проводник сварил кукурузу. Нарекание у него вызвал напиток: «бутылка красного местного вина оказалась столь отвратительной и кислой, что невозможно было пить»³⁵. Однако стоит помнить, что дело было в 1864 г., когда слава крымского виноделия только зарождалась. А вот в гостинице в Алушке автора оставили совсем голодным, единственная последняя порция супа из почек ушла другому посетителю. На следующий день, чтобы получить более приличное обслуживание, постояльцы заплатили отдельно. Современный путешественник, отправляясь в Крым, мечтает насладиться местными фруктами и овощами и старается отыскать места, где подешевле можно приобрести персики, виноград, дыни, инжир. Претензии к завышенным ценам на этот товар являются одними из самых распространенных, зато мало кто сетует на качество и вкус. А вот в середине XIX в. претензии были и к тому, и к другому: «груши, сливы и яблоки, продаваемые на фунты, оказывались дурными и дорогими. Понравились одни фиги»³⁶.

Об уровне цен и сервиса на полуострове крымские путешественники в разные годы делали схожие выводы. К. Жуков констатирует: «...если из Петербурга ехать чрез Вену и по Дунаю до Черного моря в Одессу или другие места на южный берег Крыма, то проезд и плавание могут стоить вполовину дешевле, причем можно избежать и тех беспокойств и неприятностей, какие были испытаны нами»³⁷. П. Засодимский рассуждает в том же духе: «В Виши³⁸ я могу получить

³⁴ Крым. 1905. 12 января.

³⁵ Жуков К. Указ. соч. С. 40.

³⁶ Там же. С. 57.

³⁷ Там же. С. 82.

³⁸ Курортный город во Франции.

вполне приличную комнату с полным пансионом (чай, кофе, завтрак, обед, с вином и фруктами — даже с земляникой со сливками!) за 90 руб. ... В Швейцарии я могу устроиться еще дешевле: за полтора рубля в день я могу там получить комнату с полным содержанием»³⁹. Недостатки в уровне сервиса на полуострове признавали не только сами путешественники. В 1915 г. в Петербурге состоялся Съезд по улучшению отечественных лечебных местностей, на котором Крым был назван проходным местом, в котором отсутствие канализации и водопровода угрожает эпидемией⁴⁰.

Однако анализ источников показывает, что потребности курортников заставляли развивать инфраструктуру, определяющую повседневную жизнь людей. Курортный бум, который охватывает Крымский полуостров на рубеже XIX–XX вв., не только создает новое модное место для отдыха, но и развивает сам полуостров. Приток отдыхающих меняет и сами курортные места. Достижения цивилизации, в которых они нуждались (почта, аптеки, больницы) становились доступным благом и для местного населения. П.И. Губонин превратил маленькую татарскую деревушку Гурзуф в процветающий поселок, открыв общедоступную аптеку, фельдшерский пункт, почту, телеграф, прачечную, сберегательную кассу, библиотеку, магазины, купальни⁴¹. В Ялте приток курортников в конце XIX в. «подарил» городу водопровод и канализацию, керосиновое освещение центральных улиц, а в 1904 г. пришло и электрическое освещение. Более того, улицы были покрыты редким для того времени асфальтом⁴². В курортном поселке Симеиз владелец имения И.С. Мальцов основал прекрасный парк, который был передан в пользование населению поселка. Владелец выделял на содержание сада немалые средства, и потому он выглядел всегда образцово ухоженным. В его состав входили скала Панеа, пляж и скала Дива. Роскошные субтропические растения украшали сад⁴³. Рейды санитарных комиссий по гостиницам и ресторациям повышали культуру обслуживания и представления о санитарии и гигиене содержателей этих заведений⁴⁴.

Одним из наиболее интересных вопросов является досуг курортников. Мотивы посещения Крымского полуострова вполне

³⁹ Засодимский П. Указ. соч. С. 16.

⁴⁰ Карагодин А. В. Указ. соч. С. 90.

⁴¹ Кеня И.А. Указ. соч. С. 40.

⁴² Малыгин А.В. Указ. соч. С. 107.

⁴³ Сидорова А.А. Симеиз. Историко-краеведческое исследование. Симферополь, 2019. С. 16.

⁴⁴ Малыгин А.В. Указ. соч. С. 241.

сопоставимы с современными. Одни ехали с желанием поправить здоровье, других интересовали природные и исторические достопримечательности, третьи старались соединить и то, и другое. Курортные богатства Крыма уже тогда приобрели славу в медицинской сфере. Мемуары и путеводители дают об этом довольно широкие представления. Пациентам предлагались различные способы оздоровления. Некоторые из них в наши дни уже вряд ли могут быть признаны таковыми. Например, лечение виноградом. Экзотическая для средней полосы ягода воспринималась как уникальное лечебное средство, хотя при некоторых заболеваниях ее употребление противопоказано. Также Крымский полуостров предлагал лечение грязями. В Евпаторию люди специально приезжали, чтобы получить курс грязевых ванн. Один из путеводителей доносит до нас стоимость курса лечения в Сакской лечебнице: 75 руб. с полным пансионом⁴⁵. Если платить только за сеансы грязевых ванн, то одна ванна в Саках предлагалась за один рубль⁴⁶. Подобный способ лечения можно было получить и в Севастополе. Путеводитель Г.Г. Москвича содержит рекламу грязелечебницы Шмидта. В ней кроме того еще можно было получить сеансы массажа⁴⁷. К лечебным средствам относились и теплые ванны с морской водой. Наибольшие надежды возлагали на силу крымской природы страдающие туберкулезом. В эпоху, когда человечество еще не знало антибиотиков, воздух, пропитанный ароматами крымской сосны, обладающей сильными бактерицидными свойствами, нередко творил чудеса. В мемуарах М.М. Боборыкина упоминается врач Б.П. Ножников, который приехал в Ялту из Харькова совсем умирающим. Однако местный воздух буквально вдохнул в него жизнь — доктор полностью выздоровел и открыл для себя новые перспективы: «Теперь у него громадная практика, две дачи на Аутской улице и работает не покладая рук»⁴⁸.

Однако путешественники не только лечились. Многие с упоением предавались удовольствиям, которые давала крымская природа: купанию в море и прогулкам по горам. Морские купания как способ проведения досуга упоминаются многими путешественниками и рекламируются в крымских путеводителях. Естественно, что в силу иных представлений об этикете в обществе и элементах мужской и женской одежды сам процесс принятия морских ванн отличался

⁴⁵ Новейший путеводитель по Крыму ... на 1912. С. 131.

⁴⁶ *Нилидин А.Н.* Указ. соч. С. 21.

⁴⁷ *Москвич Г.Г.* Указ. соч.

⁴⁸ *Боборыкин М.М.* Указ. соч. С. 47.

от современного. К. Жуков, который ездил наслаждаться морем в 1864 г., пока еще отмечает довольно свободные нравы купальщиков: «Мужчины купаются без церемоний; только некоторые, вероятно, из бывавших в Остенде или Биаррице, — где купанье общее с дамами, — соблюдают и здесь не вполне, но некоторые французско-светские приличия. Они погружаются в воду с перевязками и тем напоминают жителей Сандвичевых островов. Но в дамской купальне только в [о] 2-м классе появляются купающиеся *au naturel*. В 1-м же классе все дамы в капотах — что, я думаю, лишает тело полного впечатления».

Однако в начале XX в. понятие «купальный костюм» уже существовало, в путеводителях и газетах можно встретить рекламные объявления магазинов, предлагающих столь актуальные аксессуары. Правда, их внешний вид значительно отличался от современных, что видно по женским модным журналам. В наши дни такой купальный костюм вполне сошел бы за молодежное короткое платье. Купальщицы могли выглядеть в них достаточно утонченно: «Она была одета в легкий и изящный купальный костюм — из белой шелковой с светло-зелеными полосками материи. Купального чепчика, так иногда безобразящего купальщиц, на голове не было; волосы ее были только красиво собраны на голове и скреплены большою золотою шпилькой»⁴⁹.

Мужские костюмы напоминали укороченное трико. Однако и в таких нарядах было нежелательно появляться на публике, особенно в мокром виде. Поэтому желающие искупаться пользовались услугами купален: специальными кабинками, куда заходил отдыхающий, там переодевался в купальный костюм, потом прямо внутри кабинки погружался в воду и выплывал из нее на открытое пространство. Достаточно подробно купальни Севастополя описаны в мемуарах П. Засодимского. В центре был павильон, в котором располагался буфет, склад белья, помещение для прислуги. Затем шли непосредственно купальни: «По бокам этого павильона устроены навесы для раздевания — с левой стороны для мужчин, с правой — для женщин; все окрашено серою масляною краской, которая придает внутреннему помещению купальни, даже при свете солнца, хмурый и не совсем опрятный вид. В середине каждого из навесов остается только маленькая водная площадка саженей шесть в квадрат. Глубина в этом купальном пространстве аршина два. Кто желает купаться в открытом море, тот должен выплывать за купальню, что могут дозволять себе только хорошие пловцы, уверенные в своих силах, так

⁴⁹ Нилидин А. Н. Указ. соч. С. 22

как глубина за купальной сразу обрывается на несколько саженей; больной же люд вынужден плескаться овечьей отарой в шести-саженном квадратике. Купанье далеко незавидное!»⁵⁰. Пользование купальнями было платным: отдельная кабинка предоставлялась за 5 копеек, общая за 3 копейки⁵¹. Там, где еще не было купален, территорию пляжа делили на сектора, и мужчины с женщинами купались в разных концах пляжа, чтобы не смущать друг друга. В Коктебеле в начале XX в. береговая полоса была разделена на три части: для дам, для мужчин и для лошадей. Если территория пляжа была не очень обширна, то тогда устраивали временные рамки для каждого пола: утром купались мужчины, днем дамы⁵².

Общие рекомендации по самому процессу морского купания, дающиеся путеводителями, могут нас сильно удивить. Путеводитель Безчинского представляет морское купание как довольно сильное испытание для организма: «На Южном берегу нужно начать купанье с минутного погружения в воду, а потом постепенно дойти до 3, не больше. Во всяком случае, пребывание в воде 10 минут здесь не всякому пройдет даром»⁵³. В качестве факторов, которые делают его таковым, выделяют не только температуру воды, но и волны, морскую соль и наличие микроорганизмов, не привычных для жителей центральной полосы. Надо сказать, что авторы мемуаров описывают купание в Черном море как величайшее наслаждение: «Это какое-то упоение. Так нежно плещет на вас изумрудная зыбь, что трудно передать наслаждение»⁵⁴. Однако этот же автор указывает, что у некоторых возможны неприятные последствия: «После нескольких купаний начинается на всем теле зуд, иногда нестерпимый, появляется сыпь, а у некоторых прыщи, лопающиеся и извергающие материю»⁵⁵. Мемуары и путеводители не дают пояснения этого явления, хотя речь, очевидно, идет об аллергии. Источники упоминают и некоторые специфические аксессуары, используемые для купанья. Так как во многих местах берег покрыт галькой, то для удобства использовались войлочные тапочки. Дамам рекомендовалось покрывать голову специальным клеенчатым чепчиком, чтобы не намочить прическу, а некоторые издания еще рекомендовали класть в уши кусочки ваты, смоченные камфорой, чтобы не попала вода⁵⁶. К. Жуков неоднократно

⁵⁰ Засодимский П. Указ. соч. С. 40.

⁵¹ Новейший путеводитель по Крыму ... на 1912 год. С. 130.

⁵² Малыгин А. В. Указ. соч. С. 245.

⁵³ Безчинский А. Указ. соч. С. 55.

⁵⁴ Жуков К. Указ. соч. С. 27.

⁵⁵ Там же. С. 15.

⁵⁶ Безчинский А. Указ. соч. С. 54.

но упоминал, что войлочная обувь необходима для купания, так как острые камни мешают входить в воду.

Еще одним развлечением, которому с удовольствием посвящали время отдыхающие, это знакомство с красотами Крыма — прогулки в горы к природным достопримечательностям. Практически все авторы с восторгом об этом упоминают. Так, К. Жуков особенно ярко описывает свои впечатления на Байдарском перевале: «Буду считать этот момент одним из счастливейших в моей жизни. Художники, поэты, придите, пишите, пойте! Пред вами бесконечное тихое море, около вас громадные скалы, и над ними парящие орлы... Можно сказать, что здесь Бог бросил на землю рай, чтобы приготовить к понятию о рае небесном»⁵⁷.

Постепенно в Крыму начинает оформляться рынок туристических услуг. Можно было стать участником групповой организованной экскурсии. В начале XX в. их проводил Крымский горный клуб⁵⁸. Он предлагал однодневные экскурсии в Балаклаву и Георгиевский монастырь, двухдневные — в Форос. В Ялту и на Ай-Петри совершались трехдневные экскурсии. Стоимость поездки колебалась от 1 до 6 руб. Однако был и очень обширный рынок услуг проводников, организовавших индивидуальные туры. К. Жуков упоминает, что их проводниками были отставные офицеры, которые показали ему и его спутникам в районе Балаклавы Шайтан-Дере, или дьявольское ущелье, и Святую гору⁵⁹.

Активно окунулись в рынок туристических услуг и крымские татары. Они предлагали услуги проводников, привлекая гостей не только хорошим знанием местности, но и эффектным внешним видом. Обычно они стояли группами у гостиниц. Скучающие дамы охотно соглашались на поездку в горы. Начиналось с коллективной поездки, а потом переходили к индивидуальным турам. В результате стала возникать несколько специфическая проблема: взаимоотношения проводников-татар с клиентками женского пола стали выходить за оговоренные рамки⁶⁰. Некоторые дамы приезжали не столько ради красот полуострова, сколько ради интимных услуг проводников. Современники активно обсуждали этот вопрос, но поделать было ничего нельзя. «Некоторые строгие блюстители порядка и благочиния сочиняют целые филиппики против ялтинских татар-“проводников” и даже не прочь рекомендовать насильственные меры для удале-

⁵⁷ Жуков К. Указ. соч. С. 43.

⁵⁸ Крымский вестник. 1910. 25 мая.

⁵⁹ Жуков К. Указ. соч. С. 39.

⁶⁰ Малыгин А. В. Указ. соч. С. 263.

ния их. Но эти почтенные цензоры нравственности стреляют не в цель... Но, ведь, корень-то зла вовсе не в них. Появление их вызвано “спросом”. Не будь спроса, не было бы и предложения», — разумно замечал современник⁶¹.

Конечно, привлекали туристов исторические достопримечательности. Их довольно подробно описывают путеводители, они фигурируют в мемуарах путешественников. Как и сегодня, гости полуострова осматривали Малахов курган, Инкерман, Херсонес, дворцы южного берега Крыма, пещерные города, посещали ханский дворец в Бахчисарае. В Херсонесе, по свидетельству авторов мемуаров, в первую очередь привлекали не руины антично-византийского города, а монастырь. Отметим, что никто из путешественников не упоминает о каком-либо рассказе экскурсовода, ибо им приходилось обслуживать себя самостоятельно: читать на ходу путеводитель. В некоторых случаях роль экскурсовода выполняли случайные люди. Так, К. Жукову в ханском дворце в Бахчисарае довелось слушать «экскурсию» от солдата, служащего при дворце: «Объясняя предметы языком, созданным им самим, он смешил нас на каждом шагу. “Вот ханска цырульня”, “ханска харчевня”, “ханска секретна” и пр. — раздавалось в пустых залах». В комнате Марии Потоцкой, в честь которой был установлен знаменитый фонтан, «экскурсовод» оказался на «высоте»: «солдат прокричал: “комната Марьи Потоцкой, а Марья Потоцка али була, али ни”. Мы не вдруг поняли подобное объяснение. Это значило: вот комната Марии Потоцкой, но еще не решено наверное, была ли она действительно или нет. Такое сомнение солдат почерпнул из брошюры, прочтенной ему по складам грамотным сослуживцем»⁶². Ситуация в этой сфере менялась довольно медленно: в Севастополе в качестве экскурсоводов в военно-морском музее служили солдаты, и в начале XX в. нарекания на качество экскурсий было обычным делом⁶³. Правда, в этом городе можно было совершить и довольно экзотическую экскурсию — на боевые корабли. Публику допускали на суда во второй половине дня, когда у команды заканчивались занятия. Даже стрельбы превращались порой в развлекательное шоу⁶⁴.

Современное путешествие невозможно без покупки сувениров. Можно сказать, что сейчас их производство — это целая отрасль экономики. А между тем мемуары путешественников XIX в. практи-

⁶¹ Засодимский П. Указ. соч. С. 26.

⁶² Жуков К. Указ. соч. С. 73.

⁶³ Малыгин А.В. Указ. соч. С. 146.

⁶⁴ Там же. С. 147.

чески не упоминают о такой социальной практике, как приобретение сувениров. Только К. Жуков говорит, что в Севастополе предлагали купить поделки, отлитые из пуль и осколков снарядов, — чернильницы, установленные на куске балаклавского мрамора: «Вещицы эти не очень дешевы, но надобно купить что-нибудь, для напоминания себе о посещении столь замечательных мест»⁶⁵. Довольно типичный для всего XX в. сувенир — это открытки с видами Крыма. Можно предположить, что потом эти открытки могли долгое время быть предметом гордости где-нибудь в гостиной в Петербурге или Рязани, там, где горные пейзажи были большой экзотикой. М.М. Бобрыкин рассказывает, что в Судаче он пытался купить открытки с красивыми видами города. Путеводители по Крыму содержат рекламные объявления от различных фотоателье, которые предлагают открытки и альбомы с видами Крыма. Пока предприниматели делали только первые шаги в этой сфере.

Таким образом, развитие повседневной жизни крымских курортников во второй половине XIX — начале XX в. ярко отражало трансформацию социальной и экономической жизни страны. Как свидетельствуют мемуары, поездка в Крым эволюционировала от исключительного, довольно утомительного мероприятия в 1864 г. до весьма распространенной социальной практики начала XX в. И хотя социальная дифференциация общества сформировала несколько потоков туристов на Крымский полуостров (наиболее жаркие дни были временем отдыха менее состоятельной публики, конец августа и первые осенние месяцы привлекали отдыхающих с более солидными кошельками), поездки на отдых перестали быть делом элитарным. Эта трансформация во многом была связана с таким мощным экономическим прорывом страны пореформенной эпохи, как развитие железнодорожного сообщения. Крымский полуостров стал доступнее для жителей Центральной России и других регионов страны.

В то же время эволюция повседневной жизни курортников ярко свидетельствует и о других сторонах развития рыночных отношений, туризм развивается как одна из сфер экономики, которая вовлекает большое количество людей. Повседневные потребности отдыхающих расширяли рынок самых различных услуг — предоставление жилья, проведение экскурсий, продажа продуктов питания и товаров для отдыха. Цены на них варьировались по законам спроса и предложения.

⁶⁵ Жуков К. Указ. соч. С. 31.

Не все сферы туристического бизнеса в начале XX в. развивались равномерно. В наибольшей степени был развит гостиничный бизнес и общепит, горный туризм постепенно набирал обороты, а вот исторический туризм и производство сувениров находились в зачаточном состоянии. Анализ источников показывает, что у отдыхающих было достаточно много претензий к уровню крымского сервиса в начале XX в. Однако растущий спрос, т.е. расширение круга потенциальных желающих снять комнату, поехать на экскурсию, воспользоваться купальнями свидетельствует и об экономическом росте в стране. То есть появлялось всё больше людей, доход которых позволял подобные траты. Эволюция повседневной жизни курортников инициировала изменения и в жизни местного крымского населения. Маленькие деревушки, поселки и неблагоустроенные города превращались в комфортные для проживания места, приобретая такие плоды цивилизации, как больницы, аптеки, почта, канализация и водопровод. В целом анализ особенностей повседневной жизни курортников в исследуемый период подчеркивает, что эволюция повседневности тесно переплетается с другими сферами жизни, с одной стороны — отражая происходящие изменения, а с другой — стимулируя их.

References

Belova A.N. *Povsednevnaya zhizn' uchiteley* [Everyday Life of Teachers]. Moscow: IEA RAN, 2015. 228 p.

Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka)* [Peasant Everyday Life (Traditions of the Late 19th and Early 20th Century)]. Moscow; Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2004. 303 p.

Ivleva Ya.A. *Istoriya kurorta v Yevpatorii ot istokov do sovremennosti* [History of the Resort in Eupatoria from Origins to the Present]. Simferopol': IT ARIAL, 2016. 312 p.

Karagodin A.V. "Sdelat' ne khuzhe, chem za granitsej": kurorty Yuzhnogo berega Kryma v gody Pervoy mirovoy voyny ["To Make It Not Worse Than Abroad": The Resorts of the Southern Coast of the Crimea during the World War I] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2021. N 4. P. 83–105.

Kenya I.A. *Vklad rossiyskikh predprinimateley v razvitiye i stanovleniye kurortov Yuzhnogo berega Kryma v kontse XIX — nachale XX vv.* [Contribution of Russian Entrepreneurs in the Development and Establishment of the Resorts of the Southern Coast of the Crimea in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. N 4. P. 38–46.

Malygin A.V. *Russkaya riv'yera: kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii: konets XVIII — nachalo XX v.* [Russian Riviera: Resorts, Tourism and Recreation in the Crimea in the Era of the Empire: From the Late 18th through the Early 20th Century]. Simferopol': SONAT, 2004. 349 p.

Pravovskaya N.I. *Povsednevnost' v aksiologicheskom izmerenii* [Everyday Life in the Axiological Dimension] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2012. N 4. P. 118–112.

Pushkareva L.N. *Antropologiya povsednevnoy zhizni i etnograficheskoye izucheniye bytovoy kul'tury* [Anthropology of Everyday Life and Ethnographic Study of Everyday Culture] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 2018. N 1. P. 83–86.

Pushkareva L.N. *Nauchnoye napravleniye "istoriya povsednevnosti" v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii* [Scientific Direction "History of Everyday Life" in Russian and Foreign Historiography] // *Vestnik antropologii*. 2016. N 3 (35). P. 121–140.

Sidorova A.A. *Simeiz. Istoriko-krayevedcheskoye issledovaniye* [Simeiz. Historical and Local Lore Study]. Simferopol': IP Brazhnikova, 2019. 88 p.

Yegorova M.V. *Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya i uchiteley Urala v XIX — nachale XX vv.* [Daily Life of Students and Teachers of the Urals in the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. 215 p.

Zubkova E.Yu. *Poslevoynnoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost'* [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 229 p.

Поступила в редакцию
16 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-94-107

А.Л. Лифшиц, Ю.Л. Менцин

**ПОЭМА «ПЕСНЬ О РЕФРАКТОРЕ»: НАУЧНЫЙ ЮМОР
В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ
УЧЕНЫХ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.**

A.L. Lifshits, Yu.L. Mentsin

**THE POEM “SONG ABOUT THE REFRACTOR”:
SCIENTIFIC HUMOR IN THE CONTEXT OF RELATIONS
BETWEEN RUSSIAN AND GERMAN SCIENTISTS AT
THE TURN OF THE 19th AND 20th CENTURIES**

Аннотация. История науки призвана изучать не только историю открытий, мнений и используемых методов, но и человеческие связи, которые порой не в меньшей степени влияют на становление и развитие науки, чем опубликованные статьи и книги. Особую сложность для наблюдения и исследования представляют разного рода эфемериды: понятные только в узком кругу злободневные намеки, разнообразные высказывания по поводу, который может оказаться забытым по прошествии времени, способ шутить, давно утративший актуальность, — всё то, что вплетается в ткань всякой жизни, в том числе научной, и без чего невозможно представить себе людей, делавших науку. В центре предлагаемой статьи — поэтический текст, обнаруженный в архиве замечательного российского астронома

Лифшиц Александр Львович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ «Высшая школа экономики»; заместитель директора Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова

Lifshits Alexander Lvovich, PhD Candidate in Philology, Senior Researcher, Laboratory of Linguistic and Semiotic Research, National Research University “Higher School of Economics”, Deputy Director, Scientific Library, Lomonosov Moscow State University
allifshits@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8854-0479

Менцин Юлий Львович, кандидат физико-математических наук, заведующий Краснопресненской лабораторией Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга МГУ имени М.В. Ломоносова

Mentsin Yulii Lvovich, PhD Candidate in Physics and Mathematics, Head, Krasno-presnenskaya Laboratory, State Astronomical Institute named after P.K. Sternberg, Lomonosov Moscow State University

mentsin@mail.ru

ORCID: 0009-0009-1180-5721

В.К. Цераского, который возглавлял Астрономическую обсерваторию Московского университета на рубеже XIX–XX вв. и много сил приложил для ее строительства. Шуточное сочинение «Песнь о рефракторе» (1898) берлинского студента Бенно Мессова — один из таких образцов юмора, который способен пролить свет на характер научных контактов между учеными разных стран. Сочинение представляет собой перепев знаменитой поэмы Фридриха Шиллера «Песнь о колоколе», глубоко укорененной в традиции немецкой поэзии. Между тем этот текст был преподнесен В.К. Цераскому, который, по мысли дарителя, способен был оценить тонкость шутки. Строительство рефрактора в Московской обсерватории представлялось прекрасным поводом вторично использовать текст, посвященный окончанию строительства такого же устройства в Потсдамской астрофизической обсерватории. Это сочинение является свидетельством как склонности ученых к юмору, так и разносторонних научных и дружеских связей между учеными и инженерами России и Германии на рубеже XIX–XX вв. В предлагаемой статье анализируется текст поэмы Мессова, рассматриваются некоторые страницы биографии ее автора и предполагаемые обстоятельства передачи Мессовым своего сочинения В.К. Цераскому.

Ключевые слова: Московский университет, Астрономическая обсерватория, В.К. Цераский, история науки, научные связи, юмор в научной среде.

Abstract. The history of science is intended to study not only the history of discoveries, hypotheses and methodology, but also human connections, which sometimes influence the formation and development of scientific knowledge no less than articles and books. Ephemerides of various kinds are particularly difficult to observe and study: topical hints understood only in a narrow circle, various statements on a subject that may be forgotten after the passage of time, a way of joking that has long since lost its relevance — all that is woven into the fabric of life, including scientific one, and without which it is impossible to imagine people who did science. At the center of the article is a poetic text found in the archive of the remarkable Russian astronomer V.K. Tserasky, who headed the Astronomical Observatory of Moscow University at the turn of the 19th and 20th centuries and put a lot of effort into its construction. The humorous work “Song about the Refractor” (1898) by the Berlin student Benno Messow is one of such samples of humor, which can shed light on the nature of scientific contacts between scholars from different countries. The poem is a paraphrase of Friedrich Schiller’s famous “Song of the Bell”, deeply rooted in the tradition of German poetry. Meanwhile, the parodic “song” was presented to V.K. Tserasky, who, according to the presenter’s thought, was able to appreciate the subtlety of the joke. The construction of a refractor in the Moscow observatory seemed an excellent occasion to reuse the text dedicated to the completion of the same device in the Potsdam Astrophysical Observatory. This work is a testimony both to the scientists’ penchant for humor and to the versatile scientific and friendly ties between scholars and engineers of Russia and Germany at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. The article examines Messow’s poem, some details of his biography and the alleged circumstances of the song’s transfer to V.K. Tserasky.

Keywords: Moscow University, Astronomical Observatory, V.K. Tserasky, history of science, scientific relations, humor in scientific environment.

О глубокой связи игры (в широком смысле этого слова), шуток и научного познания писали и говорили многие ученые. Например, один из основоположников квантовой механики, французский физик Луи де Бройль (1892–1987) посвятил этому вопросу специальные статьи. Он утверждал, что «все игры, даже самые простые, в проблемах, которые они ставят, имеют общие элементы с деятельностью ученого при его исследованиях». По мнению де Бройля, это связано с тем, что научное познание базируется на таких свойствах мышления, как воображение и интуиция, развитию которых способствуют игры и остроумные шутки. «Что значит быть остроумным, писал де Бройль, как не быть способным устанавливать внезапно неожиданные сопоставления, поучительные или забавные? Живой язык, который легко приспосабливается к таким сопоставлениям, может благоприятствовать научному открытию и потому, что меткое высказывание иронизирующих и “внезапное прозрение” ученых в момент великих открытий, ... в сущности, являются различными, но родственными проявлениями гибкого ума»¹.

В Музее Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга (ГАИШ) хранятся разнообразие архивные материалы, в том числе документы основанной в 1831 г. Астрономической обсерватории (АО) Московского университета. Их собиранию и хранению во второй половине XIX в. положил начало профессор Богдан Яковлевич Швейцер (1816–1873), директор обсерватории с 1856 по 1873 г. и ее первый историограф². Им же в 1864 г. были сделаны первые фотографии обсерватории.

После Б.Я. Швейцера дневники и другие материалы наблюдений, а также письма, получаемые сотрудниками АО, сохранились благодаря стараниям следующих поколений сотрудников, среди которых были Ф.А. Бредихин, В.К. Цераский, С.Н. Блажко, П.К. Штернберг, Б.А. Воронцов-Вельяминов, П.Г. Куликовский и др. Архив АО непрерывно пополнялся. В него включались также черновики научных статей, планы лекций, проекты реконструкции АО, вырезки из газет, письма от поставщиков астрономических инструментов и от городских служб и множество других материалов, позволяющих составить достаточно полную картину повседневной жизни обсерватории.

¹ Бройль Л., де. По тропам науки. М., 1962. С. 290–295, 332.

² Первой официальной историей АО является его работа: Швейцер Б.Я. Описание Обсерватории Московского университета и ее главных инструментов: Речь, написанная для университетского акта 12 января 1866 г. Б. Швейцером, директором Университетской обсерватории. М., 1866.

Заметное место в архиве занимают документы, относящиеся к научной, преподавательской и научно-организационной деятельности выдающегося астронома и астрофизика, директора АО с 1891 по 1916 г., члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук (1914) Витольда Карловича Цераского (1849–1925)³. В число этих документов входят письма от родных, коллег, любителей астрономии, а также дневники наблюдений, тетради со счетами по текущим расходам АО, тексты лекций и многое другое. Особый интерес представляет записная тетрадь ученого, которую он вел с 1882 по 1911 г. Этот том большого формата, толщиной около 10 см, заполненный рисунками инструментов, вычислениями, черновиками писем, замечаниями по поводу наблюдений и т.д., заслуживает детального анализа и полноценного исследования, поскольку предоставляет уникальную возможность проникнуть в творческую лабораторию выдающегося ученого, и ждет своих исследователей.

Именно среди документов В.К. Цераского в большом ненадписанном конверте Ю.Л. Менциным было обнаружено сочинение “Das Lied vom Refraktor” («Песнь о Рефракторе»), датированное 10 декабря 1898 г. и подписанное студентом-астрономом по фамилии Мессов (Messow). Два листа бумаги содержат 8 столбцов поэтического текста, написанного каллиграфическим курсивом и тиражированного литографским способом⁴. Подзаголовок сочинения сообщает, что оно было приурочено к предстоящему празднованию Рождества Берлинским Академическим обществом астрономии и физики (Akademischer Verein für Astronomie und Physik). Темой поэтического выступления стало ожидающееся в 1899 г. завершение установки главного инструмента Потсдамской астрофизической обсерватории. Фотография Большого рефрактора, очевидно, современная тексту поэмы, была обнаружена в том же конверте⁵.

³ К важнейшим научным достижениям В.К. Цераского относятся: открытие «серебристых облаков» (1885), определение впервые в мире нижней границы температуры поверхности Солнца (1895), измерение (тоже впервые в мире) видимой звездной величины Солнца (1903–1905). В.К. Цераский является основоположником отечественной школы изучения переменных звезд, завоевавшей, уже в советские годы, мировую известность. Ученый также сыграл важную роль в становлении российской астрофизики. Подробнее о В.К. Цераском см.: *Грибко Л.П., Пономарева Г.А.* Российские астрономы конца XIX — начала XX веков: Витольд Карлович Цераский и Лидия Петровна Цераская // Историко-астрономические исследования. Вып. XLI. Воронеж, 2021. С. 187–247.

⁴ Полный текст поэмы на немецком языке, комментарии к нему, а также переводы отрывков поэмы были опубликованы Ю.Л. Менциным и Н.Н. Самусем (ГАИШ МГУ, ИНАСАН): *Менцин Ю.Л., Самусь Н.Н.* Поэма Бенно Мессова «Песнь о Рефракторе», подаренная В.К. Цераскому // Историко-астрономические исследования. Вып. XXXIX. 2016. С. 433–463.

⁵ Эта же фотография чуть позже была напечатана в популярном журнале: The Popular Science Monthly. Vol. 58. November, 1900 to April, 1901. P. 12.

Herrn Prof. Ceraski, dem verehrten Gönner des A. A. V.,
hochachtungsvoll überreicht vom Verfasser

Das Lied vom Refraktor.

Zum Weihnachtstfest des Akademischen Vereins fuer Astronomie und Physik am 10. 12. 98

Fest gemauert in der Eiden
Ist die's offiters Fundament;
Juni soll es fertig werden,
So das dann neues Instrument.
Steinzeit, Pensold, Schott,
Schaffley, fisch und Pfaff;
Ihre Arbeit muss man loben,
Noch der Regen kommt vor oben.

O
Kun Werke, das wir hier bereiten
Lezient sich wahr hier unsern Sang,
Mit kurzen Worten herzuweisen
Den logischen Ideengang,
So lässt uns jetzt mit Feiss betrachten,
Was durch der Technik Kraft entspringt,
Was Optik und Chemie vollbrachten,
Und was die strenge Kunst vollbringet.
Das ist ja, was dem Forscher rietet
Und dankt ward ihm der Verstand,
Dass er methodisch kritisiert
Was er empfing aus Künftlers Wand!

Nehmt vom allerbesten Glase,
Doch recht farblos lasst es sein;
Keine Färbere, oder Blase
Trübe so der Sterne Schein!
Kritik et Kritik und Sand,
Trost wach allerhand.
Kreide, Colasch und Alkalien,
Quarz und andre Mineralien.

Was an der Saale hellem Strande
Der grosse Schott mit Kunst gebaut,
Das wird fortan im märkischen Lande
Von seinem Eisee reiner laut.
Noch dauern wird's in späteren Tagen,
Und wird des Astronomen Blick
Empor zum blauen Oether tragen,
Daraus er hier der Welt Geschick.
Was unten tief dem Erdenscheibe
Das wechschende Verhängnis bringt,
Das ruht auf seinem Ebergestirne
Der Weise, der die Welt besteuert.

Weisse Blasen sich springen
Wohl! die Massen sind im Fluss,
Laßt's mit Wasserdampf durchdringen,
Das befördert schnell den Fluss.
Duch von Taucken rein
Muss die Mischung sein
Und ihr misst sie nach Gebühren
Kräftig durcheinander rühren!

Denn durch der Rime keine Klarheit
Sucht schon der stehende Student

Nach wissenschaftlich fester Wahrheit
Ihr sterbensäten Firmament,
Ihm ruhen noch im Keitenschoos
Die schwarzen und die heissen Quas;
Der Mima Mater rarte Bergen
Bewachen seinen goldenen Morgen.
Die Jahre fliehen Pfeilgeschwind.
Dem Nachdenk er ist sich stolz der Maß
Er bleibt auch abends oft zu Haus:
Entgegen dem erst seinem Grab
Der Bismarckheit Laus und Braus.
Und horcht in der Dugend Fragen,
Wie ein Gebild aus Dummheit köst er,
Bleibt er mit Kithern und mit Sängen
Die Doctorprüfung vor sich stehen.
Da fasst er ungenütses Schwern
Des Singsings Herr, ersieht allein,
Er sucht sein Wissen aus zu dehnen
Und nicht der Pründer wilden Reithen.
Er folgt Laplaces und so, des Synures
Und ist dabei noch hochbeglückt.
Wenn durch ein Chaos gar Figuren
Er seine Doctorarbeit schwinckt.
Garte Lohnzeit, süssee Doffen!
Des ersten Schaffens schwere Zeit!
So viele Kücken sind noch offen,
So klein wach die Belchrasamkeit.
Ach, dass sie bald erungnen wäre,
Des Doctoritels hohe Ehre!

Leiterschmelzung ist vollzogen,
Choncybunder tauch ich ein!
Bleibt das Stück uns nun gemessen
Wird das Glas vorzüglich sein.
Dichtbarkeit, fisch!
Prüft mir das Feinisch,
Ob das Eröde mit dem Weichen
Sich vereint zum guten Keichen.

Denn wo das Strenges mit dem Farten,
Wo Coronglas sich und Flintglas paarten
Da hat man gutes Material.
Denn prüfe, wer sich, weltverlorer,
Des Dummhells Studium hat erkoren,
Ob sich erfüllt sein Ideal.
Leblich in des Suches Ahnen
Malt sich seiner Zukunft Bild,
Denn Verloss erung der Dahnrei
Noch als ein Mykerium gilt.
Ich des Lebens schönste Jahre
Enden mit der Irquation;
Alles Echle, alles Wahre
Ist ja doch nur Illusion!
Die Studienzeit fliehet
Die Arbeit muss bleiben;

Поэма Б. Мессова, хранящаяся в Музее ГАИШ

В верхней части первой страницы текста находится дарственная надпись: "Herrn. Prof. Ceraski, dem verehrten Gönner des A. A. V., hochachtungsvoll überreicht vom Verfasser" — «Господину проф. Цераскому, уважаемому покровителю А. А. V., с совершенным почтением

поднесено автором». А. А. V. — скорее всего, Академическое астрономическое общество.

Автор поэмы — на тот момент студент Берлинского университета Бенно Мессов. К сожалению, сведения о нем довольно скудны. Почти ничего не добавили и запросы в Гамбургскую обсерваторию, где он работал после окончания Берлинского университета. Известно, что Мессов родился 29 марта 1876 г. в Берлине. С 1895 по 1900 г. он изучал астрономию и метеорологию в Берлинском университете. В июле 1900 г. Мессов становится сотрудником Гамбургской обсерватории и будет связан с этим научным учреждением до конца своей жизни. В 1913 г. Мессов защитил в Страсбурге докторскую диссертацию, посвященную звездным скоплениям⁶. По мнению коллег, Мессов, отличавшийся особой дотошностью и аккуратностью, активно и плодотворно участвовал в астрономических наблюдениях, обработке полученных результатов и публикации научных работ, руководил в течение многих лет работой Службы времени и погоды обсерватории.

Умер Бенно Мессов от воспаления легких 15 июня 1930 г. в Гамбурге, оставив вдову, двух сыновей и дочь. В кратком, но прочувствованном некрологе, посвященном ученому, директор Гамбургской обсерватории, профессор Рихард Шорр (1867–1951) отметил не только научные достижения Мессова, но и то, что он обладал чувством прекрасного и был жизнерадостным человеком⁷. Говоря о вкладе Мессова в научную работу обсерватории, Р. Шорр упоминает интересный факт. Во время гиперинфляции 1922–1923 гг. обсерватория осталась без средств к существованию и, в частности, не могла оплатить типографии весьма дорогостоящий набор и издание каталога звезд Карла Рюмкера (Carl Rümker)⁸. В этой ситуации Мессов от руки, замечательным почерком переписал 488 страниц (17 724 звезды) каталога, который и был издан литографским способом⁹. Благодаря этому изданию хорошо видно, что изящная каллиграфия каталога сходна с каллиграфией поэмы.

⁶ *Messow B.* Die beiden Sternhaufen im Perseus N.G.C. 869 und 884: Positionen und Helligkeiten nach photographischer Ausmessung. Inaugural-Dissertatio. Hamburg, 1913.

⁷ Некролог ученому: *Schorr R.* Benno Messow // *Astronomische Nachrichten*. 1930. Bd. 239. Hft. 4. N 5716. S. 63–64.

⁸ Яркое описание этой финансовой катастрофы содержится в известном романе Э.М. Ремарка «Черный обелиск»: немецкая марка обесценилась в миллиарды раз, что привело к массовым разорениям и сворачиванию многих видов хозяйственной деятельности.

⁹ *Rümker C.* Carl Rümkers Hamburger Sternverzeichnis 1845.0 enthaltend 17724 Sternörter, abgeleitet aus den Beobachtungen am Meridiankreis der Hamburger Sternwarte in den Jahren 1836 bis 1856 / Hrsg. von Dr. Richard Schorr. Bergedorf, 1922. XII, 488 S.

Бенно Мессов (1876–1930)

На фотографии 1900 г. из собрания Берлинской государственной библиотеки¹⁰ Бенно Мессов выглядит аккуратным молодым человеком, склонным, как кажется, к науке более, нежели к озорству. Что касается политических воззрений Мессова, то известно, что он придерживался монархических взглядов, что создавало для ученого в годы Веймарской республики серьезные проблемы. Понятно, что в последующие годы, до которых Мессов не дожил, таких проблем стало бы гораздо больше.

Поэма Мессова не была забыта вовсе. Рукопись сочинения, найденная в личном архиве ученого после его смерти, была передана в редакцию журнала “Die Sterne”, опубликована в 1934 г. и тогда же перепечатана в другом издании¹¹. Еще раз относительно недавно, как памятник прошедшей эпохи, ее публикует Мартин Гетц¹².

¹⁰ <https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht/?PPN=PPN838758843> (дата обращения 20.05.2023).

¹¹ *Messow B.* Das Lied vom Refraktor // *Die Sterne*: Monatsschrift über alle gebiete der himmelskunde, mit unterstützung des Astrophysikalischen observatoriums zu Potsdam. 1934. Bd. 14. S. 27–29. Перепечатка поэмы со ссылкой на “Die Sterne”: *Die Umschau*: Illustrierte Wochenschrift über die Fortschritte in Wissenschaft und Technik. 1934. Jahrg. 38. Heft 13. S. 255–256.

¹² *Götz M.* Dr. Benno Messow “Das Lied vom Refraktor” // *Sternzeit – Zeitschrift astronomischer Vereinigungen*. 1987. N 3. S. 76–79.

По крайней мере однажды поэма становилась объектом рефлексии: судя по отчету о заседании Бернского астрономического общества, состоявшемся 13 января 1941 г. под девизом «Юмор и фантазия в астрономии», доктор Макс Шюрер (Max Schürer; 1910–1997) снискал у публики успех, сделав о ней доклад, и не упустив того факта, что сочинение Мессова представляет собой шуточную переделку знаменитой «Песни о колоколе» (“Das Lied von der Glocke”) Ф. Шиллера¹³. Увы, текст выступления не сохранился, но можно не сомневаться, что математик и астроном отметил в нем структурное сходство текстов — от подготовительного этапа до завершения работ, а далее — к большим надеждам, которые связываются с отлитым колоколом у Шиллера, и к скромному умолчанию о последствиях праздника — в поэме Мессова.

То, что поэтическим образцом для поэмы «Песнь о Рефракторе» стала широко известная в германоязычном мире поэма Фридриха Шиллера (1759–1805) «Песнь о Колоколе» (1800), сомневаться не приходится. Так, обе поэмы начинаются одними и теми же словами: “Fest gemauert in der Erden” («Крепко вмурован в землю»). В последующих строках обеих поэм тоже легко обнаружить немало как буквальных, так и смысловых совпадений.

Существует несколько переводов поэмы Шиллера на русский язык, сделанных еще в XIX в. В одном из них первые строки поэмы звучат так:

Утвердивши форму в глине,
Обожженную огнем,
Выльем колокол мы ныне;
Ну, живей, друзья, начнем!
Если градом пот
С жарких лиц течет, —
Мастер честь за труд находит;
Благодать же свыше сходит.

(перевод Дмитрия Мина, 1857)

Первые строки поэмы Б. Мессова можно перевести следующим образом:

Вот вмурован в землю прочно
Для колонны постамент,
И в июне близ Потсдама
Будет новый инструмент.
Штайнхель, Репсольд, Шотт
Пашут так, что виден пот.

¹³ Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaft Bern aus dem Jahre 1942. Bern, 1943. S. XLIII.

Славим труд мы вдохновенный,
Их награда свыше ждет.
(перевод Ю.Л. Менцина)

Выбор Мессовом поэмы Шиллера в качестве объекта пародирования объясняется в первую очередь тем, что в Германии она была так же легко узнаваема по первым словам, как, например, в России «Евгений Онегин» А. С. Пушкина или «Песня о Буревестнике» Максима Горького.

Другой причиной выбора Мессова стало, на наш взгляд, само содержание поэмы Ф. Шиллера, которая очень подробно, с массой технических деталей повествует о длительном и трудном процессе создания колокола, звон которого будет звать людей труда к свободе, к новой, счастливой и мирной жизни.

Эта поэтическая модель позволяет Мессову аналогичным образом построить свою поэму, включив в нее описания тонких астрономических наблюдений, трудностей и радостей научной работы, тернистый путь молодого ученого к вожденной докторской степени. Кроме того, подобно поэме Шиллера, поэма Мессова содержит в стихотворной форме массу технических сведений — из истории создания телескопов, производства оптического стекла и многое другое, что, несомненно, занимало многих во время строительства в Потсдаме. Сегодня это требует комментариев.

Так, Мессов говорит о проблемах выплавки чистого оптического стекла, лишенного окрашивающих примесей и пузырьков воздуха. При этом он упоминает некий глиняный стержень, который помог очистить стекло. Автор явно имел в виду метод удаления пузырьков воздуха из расплавленной стеклянной массы, изобретенный в начале XIX в. швейцарцем Пьером Гинаном (Pierre Guinand; 1748–1824) и заключавшийся в том, что стержень из обожженной глины опускали вертикально в расплав и медленно вращали, так чтобы к нему прилипали пузырьки воздуха, которые затем удаляли. Эту процедуру повторяли до тех пор, пока в расплаве не оставалось видимых глазом пузырьков.

Замечательно, что и здесь мы видим параллель с сочинением Шиллера, в котором упоминается применение глиняных стержней для очистки расплава от шлаковых примесей в металлургии¹⁴:

Смесь бурлит водоворотом,
Стержень опушу в струю,

¹⁴ Lauterschmelzung ist vollzogen;
Tonzyylinder tauch ich ein.
Bleibt das Glück uns nun gevogen,
Wird das Glas vorzüglich sein.

Чуть покроется налетом —
Время приступить к литью.
(перевод И.В. Миримского, 1955)

Вполне возможно, что идею использования стержня для очистки стеклянного расплава Гинан позаимствовал у металлургов. Совместно с физиком и оптиком Йозефом Фраунгофером (Joseph Fraunhofer; 1787–1826) Пьер Гинан внедрил этот метод на заводе Утцшнайдера в Баварии, где в 1811 г. впервые в мире было налажено производство высококачественного оптического стекла двух сортов — флинт и крон. В 1870–1880-е гг. немецкий химик Отто Шотт (Friedrich Otto Schott; 1851–1935) — его имя упоминается в поэме Мессова — осуществил фундаментальное исследование влияния на свойства стекла различных компонентов¹⁵.

Наряду с упоминанием множества технических деталей, в поэме есть намеки на недавние события в кругах ученых-астрономов, широко известные в научном мире. Речь идет о скандале, связанном с сообщениями в 1890-е гг. гамбургского астронома Георга Валтемата (Georg Waltemath; 1840–1915) о якобы совершенном им открытии второй, не видимой нами Луны — небесного тела диаметром около 700 километров, движущегося вокруг Земли по сильно вытянутой эллиптической орбите, так что его максимальное удаление от Земли составляет чуть более миллиона километров. Валтемат также заявил, что им открыт еще ряд «лун» и предсказал, что в феврале 1898 г., т.е. в год написания поэмы Мессова, эти тела можно будет увидеть. Конечно, ни один ученый не застрахован от ошибок и заблуждений, но случай Валтемата был интересен тем, что в ответ на резкую критику своих коллег он начал отстаивать свою правоту не научными аргументами, а поднимая шумиху в прессе, что было вопиющим нарушением научной этики. Вот на это нарушение и откликнулся Мессов, отметив дилетантизм автора мнимого открытия и заключив, что настоящий астроном дает возможность дилетанту покричать, а затем «идти ко дну». В связи с этим очень актуально для современной науки звучат слова Мессова о том, что интерес прессы к поднятой ей же шумихе быстро проходит, а «то, что сегодня с шумом урагана воспламеняет десятки тысяч посредственностей, завтра перестает быть актуальным и забывается».

Свою поэму Мессов завершает описанием будущих торжеств по поводу введения в строй нового телескопа, а также славословиями

¹⁵ В 1884 г. О. Шотт, Э. Аббе и К. Цейс основали в Йене знаменитый завод, начавший выпуск разнообразных сортов оптического стекла. Нет никаких сомнений в том, что В.К. Цераский был хорошо знаком с технологиями стеклянного литья и ему, безусловно, был понятен смысл упоминания Мессовом глиняного стержня.

в адрес его создателей. «Соединив науку и руку творца», писал Мессов, они создали «славный инструмент», и потомки, которые будут направлять телескоп в потемки Космоса, по достоинству оценят их выдающийся труд.

Наряду с выражением восторга и благодарности в адрес создателей телескопа, Мессов с иронией описывает предстоящее вскоре важное шествие фраков, жилетов и цилиндров, появление «представителей Министерства культов» (именно так у Мессова), «монотонный поток» торжественных речей, а также раздачу орденов. При этом, предвидит Мессов, кое-кто может получить и два ордена и будет мечтать о повышении жалованья и даже должности тайного советника. Вот, оказывается, пишет автор поэмы, сколько дополнительных радостей может принести людям новый телескоп!

В последних строках поэмы Мессов описывает «роскошнейший банкет», которым, как он вполне резонно полагает, завершатся торжества. На банкете, пишет Мессов, рекой будет литься вино, включая шампанское, последствия от которого утром таковы, что из уважения к участникам торжества он вынужден умолкнуть.

* * *

Открытым остается вопрос о том, как и когда текст поэмы с дарственной надписью автора попал в руки В.К. Цераского. Вообще-то связи российских ученых с их зарубежными коллегами были давними, прочными и многосторонними. Иностранцы ученые и инженеры довольно часто приезжали работать в Россию¹⁶. В свою очередь, среди российских ученых было немало тех, кто получил образование в Европе или проходил там длительную стажировку. Нередкими были и многомесячные (а иногда и годичные) зарубежные командировки. В этом плане астрономы Московского университета не составляли исключения. Так, Б.Я. Швейцер был учеником великого немецкого астронома и математика Ф.В. Бесселя. Находясь в 1867–1868 гг. в Италии, Федор Александрович Бредихин (1831–1904), директор АО с 1873 по 1890 г., познакомился с пионерскими наблюдениями в области звездной спектроскопии выдающегося итальянского астронома Анджело Секки (1818–1878), которого часто называют «отцом астрофизики». После возвращения в Россию Бредихин сам занялся в АО аналогичными наблюдениями, что положило начало развитию астрофизики в России. При этом сравнительно небольшая обсерватория на Пресне в развитии астрофизи-

¹⁶ До революции в России не было телескопов собственного производства. Поэтому инженеры иностранных фирм месяцами работали в наших обсерваториях, занимаясь установкой и наладкой астрономических инструментов и приборов.

ческих методов наблюдений на много лет опередила Пулковскую обсерваторию, являвшуюся до конца XIX в. лучшей обсерваторией в мире.

Укреплению связей АО с зарубежными учеными в значительной степени способствовало и то, что в 1874 г. по инициативе Ф.А. Бредихина началось издание «Анналов Московской астрономической обсерватории»¹⁷, в которой публиковались на французском, немецком и русском языках работы московских астрономов. Благодаря изданию «Анналов» АО вступила в регулярный научный обмен с зарубежными обсерваториями. Вследствие этого началось быстрое пополнение библиотеки АО.

За границей, причем неоднократно, бывали практически все сотрудники АО, включая В.К. Цераского. Тем не менее, объяснить, как или, точнее, через кого, он получил текст поэмы не так просто, поскольку никаких документов на сей счет не сохранилось, да и вряд ли они существовали. Однако некоторые, хорошо известные факты биографии В.К. Цераского отчасти проливают свет на обстоятельства, при которых посылка берлинским студентом поэмы была уместна.

Мы знаем, что с 1894 по 1904 г. В.К. Цераский руководил работами по радикальной модернизации АО, важнейшей частью которой стало строительство нового купола башни Главного здания обсерватории и установка в ней 15-дюймового телескопа, изготовленного известной гамбургской фирмой «Репсольд и сыновья» (A. Repsold & Soehne), основал которую еще в самом начале XIX в. Иоганн Георг Репсольд (1770–1830). Именно инженерами фирмы Репсольда был изготовлен и установлен телескоп в Потсдаме; оба телескопа, потсдамский и московский, — инструменты одного класса. Работы по строительству купола и установке телескопа в Москве чуть отставали от работ в Потсдаме и продолжались с осени 1899 до конца 1901 г., т.е. завершились вскоре после установки телескопа в Потсдамской обсерватории — события, которому посвящена поэма Мессова.

Трудно предположить, что начинающий астроном Мессов просто так решил отправить свою шуточную поэму маститому зарубежному ученому, директору обсерватории, тем более не знакомому ему лично. Никаких сведений о пребывании Мессова в Москве нет, но и в любом случае разница положений была столь велика, что едва ли Мессов мог решиться на подобный жест: такой подарок плохо согласовывался бы с принятой в германской науке субординацией,

¹⁷ «Annales de l'Observatoire Astronomique de Moscou» издавались с 1874 по 1929 г. под редакцией Ф.А. Бредихина, а затем В.К. Цераского и С. Н. Блажко.

сколь бы легкомысленным ни представлялся нам на основании его сочинения молодой берлинский астроном. Цераский же начиная с середины 1890-х гг. не бывал за границей из-за колоссальной занятости, а позже — из-за проблем со здоровьем.

Скорее, можно предположить, что кто-то, знакомый с поэмой Мессова, а также с идущим в Москве строительством, воспользовался случаем, чтобы повеселить московского ученого написанной по сходному поводу шуточной поэмой. Вот тут легко представить, что какой-нибудь коллега В.К. Цераского, равный или близкий ему по статусу, а вернее — находящийся с Цераским в добрых отношениях, знающий, что у того не возникнет никаких проблем с немецким языком, а подношение будет воспринято благосклонно и с юмором, просит Мессова надписать литографированные листки с его стихотворным творением.

Как нам представляется, наиболее подходящим для передачи поэмы Цераскому человеком был дрезденский механик Густав Гейде (Gustav Heide; 1846–1930), фирма которого много лет сотрудничала с астрономической обсерваторией. Ученик В.К. Цераского, директор АО в 1921–1931 гг. Сергей Николаевич Блажко (1870–1956) писал¹⁸, что сотрудничество Гейде с Цераским началось в 1893–1894 гг. Фирма Гейде поставляла в АО различные астрономические инструменты. Кроме того, фирмой были изготовлены и установлены 10,5-метровый купол для башни Главного здания АО и 5-метровый купол для малой, так называемой Назаровской башни¹⁹. С.Н. Блажко отмечал также, что Гейде гордился сотрудничеством с АО, чьи регулярные заказы создали фирме известность. Он даже помещал на бланках своей фирмы рисунки поставленных им инструментов или изображение Назаровской башни, в создании и оснащении которой принимал активное участие. Возможно, именно Густав Гейде, часто бывавший в Москве и контактировавший с ведущими приборостроительными фирмами Германии, был тем человеком, который, узнав о существовании поэмы, мог обратиться к Бенно Мессову с предложением передать экземпляр поэмы В.К. Цераскому.

Но даже если наше предположение ошибочно, сохранившиеся в архиве Обсерватории на Красной Пресне листки остаются уникальным свидетельством жизни астрономической науки на рубеже XIX–XX столетий. Мы видим, насколько проницаемым оказывается

¹⁸ Блажко С.Н. История астрономической обсерватории Московского университета в связи с преподаванием астрономии (1824–1920) // Ученые записки МГУ. Юбилейная серия. 1940. Вып. 58. С. 71, 80.

¹⁹ Назаровской башню назвали в честь А.А. Назарова — друга и соученика В.К. Цераского, пожертвовавшего в 1895 г. 16 тыс. рублей на реконструкцию АО.

научный мир, как пустяк, шутка, которой, возможно, стеснялся впоследствии солидный сотрудник Гамбургской обсерватории доктор Бенно Мессов, связывает Германию и Россию. Слова немецкого студента оказываются понятными директору российской обсерватории, и он сохраняет их на память вместе с фотографией телескопа. А уж из Потсдама или из Москвы нацелен в небо инструмент фирмы «Репсольд и сыновья» — для науки не имеет значения.

References

Blazhko S.N. *Istoriya astronomicheskoy observatorii Moskovskogo universiteta v svyazi s prepodavaneyem astronomii (1824–1920)* [History of the Astronomical Observatory of Moscow University in the Context of Teaching Astronomy (1824–1920)] // *Uchenyye zapiski MGU. Jubilee series*. 1940. Issue 58. P. 5–106.

Brogliè L., de. *Po tropam nauki* [On the Paths of Science]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1962. 408 p.

Götz M. Dr. Benno Messow “Das Lied vom Refraktor” // *Sternzeit–Zeitschrift astronomischer Vereinigungen*. 1987. N 3. S. 76–79.

Gribko L.P., Ponomareva G.A. *Russkiye astronomicheskiye sektsii XIX — nachala XX veka: Vitold Karlovich Tseraskiy i Lidiya Petrovna Tseraskaya* [Russian Astronomers of the Late 19th and Early 20th Centuries: Vitold Karlovich Tserasky and Lydia Petrovna Tserasky] // *Istoriko-astronomicheskiye issledovaniya* [Historical and Astronomical Studies]. Issue XLI. Voronezh: IYET RAN, 2021. P. 187–247.

Mentsin Yu.L., Samus' N.N. *Poema Benno Messowa “Pesn' o refraktore”, podarennaya V.K. Tseraskomu* [Benno Messow's Poem “Song about the Refractor”, Presented to V.K. Tserasky] // *Istoriko-astronomicheskiye issledovaniya* [Historical and Astronomical Studies]. Issue XXXIX. 2016. P. 433–463.

Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaft Bern aus dem Jahre 1942. Bern: Naturforschenden Gesellschaft, 1943. LX, 227 S.

Schorr R. *Benno Messow* // *Astronomische Nachrichten*. 1930. Bd. 239. Hft. 4. Nr. 5716. S. 63–64.

Поступила в редакцию
6 апреля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-108-124

А.К. Кириллов, А.И. Свирепов

**МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ УРАВНИЛОВКИ
И ХАРИБДОЙ НЕРАВЕНСТВА:
ОПЛАТА ТРУДА НА АЛТАЙСКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В 1917 г.**

A.K. Kirillov, A.I. Svirepov

**BETWEEN THE SCYLLA OF EQUALIZATION
AND THE CHARYBDIS OF INEQUALITY:
LABOR REMUNERATION ON THE ALTAI
RAILWAY IN 1917**

Аннотация. Неравенство в важной отрасли российской экономики в эпоху Первой мировой войны изучено авторами на материалах одного из крупных западносибирских предприятий. Исследование опирается на

Кириллов Алексей Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Kirillov Alexey Konstantinovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University

alkir.nsk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8286-3795

Свирепов Александр Игоревич, студент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Svirepov Alexander Igorevich Student, Department of Russian History, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University

a.svirepov@g.nsu.ru

ORCID: 0009-0006-7273-2878

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)»).

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00509 “Evolution of Income and Property Inequality of the Russian Population: From the Great Reforms to the ‘Great Turning Point’ in the Regional Dimension (Statistical and Geoinformational Analysis)”).

источники, впервые вводимые в научный оборот, — данные из фондов податной инспекции, связанные с определением круга плательщиков подоходного налога и установлением их заработков. Выгодная особенность использованных перечней состоит в том, что они включают не только плательщиков налога (получателей относительно высокого дохода), но вообще всех сотрудников предприятия. Сведения о зарплате почти четырех сотен сотрудников Алтайской железной дороги, от сторожа до управляющего, использованы для подсчета децильного коэффициента. Это позволяет расширить поле для микроисторического изучения неравенства статистическими методами за счет включения новых отраслей и новых регионов. Кроме того, один из использованных списков содержит сведения, позволяющие поставить вопрос о необходимости изучения дополнительных параметров неравенства в России начала XX в. Показано, что дифференциация доходов железнодорожников существенно увеличивается при учете имеющих у них иждивенцев (прежде всего детей), т.е. учет состава семьи может изменить представление о степени неравенства доходов. Еще один использованный список дает авторам редкую возможность изучить зарплату служащих железной дороги с учетом отдельных составляющих заработка (в том числе оклада, военной прибавки, премий, оплаты внеурочных работ). Анализ изменений децильного коэффициента в зависимости от учета названных статей зарплаты позволил доказать, что одна из весомых прибавок к окладу сокращала разрыв между доходами высших и низших служащих, а другая, напротив, давала возможность больше заработать тем, кто этого хочет. Таким образом, показано, что одна из созданных до революции систем оплаты труда позволяла избегать одновременно двух проблем, которые станут насущными для новой власти в 1920-е гг.: и уравниловки, и чрезмерного неравенства.

Ключевые слова: подоходный налог, податная инспекция, децильный коэффициент, зарплата железнодорожников, военная прибавка, оплата сверхурочных работ.

Abstract. The authors examine inequality in an important branch of the Russian economy during the World War I using the materials of one of the large West Siberian enterprises. The study relies on the sources for the first time introduced into the scientific circulation: data from the funds of the tax inspectorate, which are related to the determination of the circle of income taxpayers and their earnings. The advantageous feature of these lists is that they include not only taxpayers (recipients of relatively high income), but all employees of the enterprise in general. Information on the wages of almost 400 employees of the Altai Railroad, from watchman to manager, was used to calculate the decile coefficient. This allows us to expand the field for microhistorical study of inequality by statistical methods through including new industries and new regions. In addition, one of the lists contains information that allows us to raise the question of the need to study additional parameters of inequality in Russia at the beginning of the 20th century. It is shown that the income differentiation of railroad workers increases significantly when taking into account their dependents (primarily children), i.e. taking into account family composition can change the interpretation of the degree of income inequality. Another list gives the authors a rare opportunity to examine the wages

of railroad employees taking into account individual components of earnings (including salary, military increment, bonuses, payment for extracurricular work). The analysis of change in the decile ratio depending on the above-mentioned payment issues allowed us to prove that one of the weighty additions to the salary reduced the gap between the incomes of the highest and lowest employees, and the other, on the contrary, gave an opportunity to earn more to those who wanted it. Thus, it is demonstrated that one of the wage systems created before the revolution allowed to avoid simultaneously both problems that would become urgent for the new authorities in the 1920s — equalization and excessive inequality.

Keywords: income tax, income tax inspection, decile coefficient, railroad workers' wages, military increment, overtime payment.

* * *

Было ли неравенство в России начала XX в. более высоким, чем в других ведущих странах, — вопрос обсуждаемый¹. Но несомненно, что современники воспринимали неравенство как общественную язву. Улучшение положения рабочих было одним из немногих пунктов повестки дня, вызывавшим согласие и социалистов, и черносотенцев, и даже (хотя с оговорками) предпринимательских партий.

Микроисторическое изучение этой темы требует поиска новых источников. Один из путей — использование данных податной инспекции, связанных с подоходным налогом. Введение этого налога обсуждалось в России с 1859 г. В начале XX в. Министерство финансов дважды поручало податным инспекторам собрать сведения о количестве плательщиков, могущих подлежать подоходному налогу. В апреле 1916 г. закон о подоходном налоге наконец был принят. Первым годом его сбора стал 1917-й, облагались доходы за 1916 г. В начале 1918 г. собирались данные за 1917 г.; в начале 1919 г. — за 1918 г. Подавляющее большинство этих данных утрачено. Одна из сохранившихся коллекций относится к Барнаулу — одному из самых развитых в торгово-промышленном отношении городов Западной Сибири.

¹ См., например: *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012; *Бородкин Л.И.* Неравенство доходов в России в XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ историографических оценок // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 2019. С. 19–24; *Ханин Г.И.* Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. № 2 (4). Т. 1. С. 64–72; *Nafziger S., Lindert P.* Russian Inequality on the Eve of Revolution. 2013. — URL: https://web.williams.edu/Economics/wp/Nafziger_Lindert_Inequality_Sept2013.pdf (дата обращения 31.05.2022); *Novokmet F., Piketty Th., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. 2017. — URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf> (дата обращения 31.05.2022); *Диденко Д.В.* Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 6–15.

Образец аккуратности при передаче данных в барнаульскую податную инспекцию являла Алтайская железная дорога, построенная в 1913–1915 гг. Каждое из ее подразделений, подотчетных барнаульскому податному инспектору, не только отправляло личные учетные карточки на каждого сотрудника, но и присылало сводные перечни. Перечни имеют важное достоинство перед карточками: карточки заполнялись только на «богатых» работников, чей доход превышает облагаемый минимум; а в списках показаны вообще все получатели зарплаты. Эти-то сводные перечни и позволяют нам получить картину неравенства среди работников одного отдельно взятого предприятия, крупного и современного в техническом отношении.

В отличие от большинства российских железных дорог, Алтайская была частной; можно полагать, что зарплатная политика здесь определялась не единым для всей страны шаблоном, а взглядами руководства именно этого отдельно взятого предприятия. Известно, что проблема зарплаты стала в 1918–1919 гг. предметом борьбы между рабочими и предпринимателями с участием государственных органов. Особое значение среди всех отраслей имел вопрос о зарплатах железнодорожников. В.М. Рынков сообщает, что к весне 1919 г. месячная зарплата томских железнодорожников на казенных дорогах обеспечивала семейным рабочим существование лишь в течение трех недель или меньше. На частных дорогах, по словам того же автора, железнодорожники получали зарплату «по тарифам, близким к государственным», но «прибавки выплачивались с большим опозданием»², т.е. положение рабочих на частных дорогах должно было быть еще хуже, чем на государственных.

1918-й — год потрясений на Алтайской железной дороге: в июле 1918 г. руководство дороги начало увольнять тех, кто активно поддерживал только что свергнутую власть большевиков, а заодно и ушедших на фронт гражданской войны. Рабочие обращались в правительство за поддержкой, не получили ее. Известно, что омские железнодорожники, готовя забастовку в октябре 1918 г., выдвигали требования к правительству, в числе которых был «пункт о доплате за дороговизну на 30 % независимо от новых повышений окладов»³. По сообщению того же автора, октябрьская стачка железнодорожников «на месяц остановила движение по Транссибу» (правда, неясно, участвовали ли в ней работники Алтайской железной дороги, ответвляющейся от Транссиба на юг). Легко понять, что политиче-

² Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 169.

³ Там же. С. 286.

ские потрясения Гражданской войны вносили существенное искажение в данные о зарплате. Перед историком, берущимся осмыслить статистические данные за 1918 г., встает задача отделить разброс в зарплатах отдельных работников, обусловленный экономическими причинами, от разброса, обусловленного причинами политическими — увольнениями, забастовками (ведь в списках обычно не указывалось, какую часть года отработал тот или иной работник). Данные о доходах за 1917 г. выглядят предпочтительными.

Вот почему из семи обнаруженных в архиве списков за 1917–1918 гг. для настоящей статьи использованы четыре — именно те, что содержат данные о доходах за 1917 г. (служба движения и телеграфа, 126 чел.; служба движения, 93 чел.; 1-й и 3-й участки службы пути, 70 и 92 чел. соответственно)⁴.

Особую ценность из всех использованных списков представляют два, в которых благодаря аккуратности их составителей указан не только общий размер годовой получки каждого рабочего, но и дополнительные подробности. Эти списки позволяют увидеть не просто разброс зарплат, но проследить определенную политику руководителей Алтайской железной дороги.

Первый из них будем именовать Списком службы пути⁵. Он выделяется из общего ряда тем, что для каждого служащего указано время, отработанное им в течение года (с какого по какое число), и количество иждивенцев на его попечении. Второй для краткости назовем Списком служб движения и телеграфа⁶. Это единственный

⁴ Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. 52. Оп. 1. Д. 78. Л. 179–192, 193–195, 847–853; Д. 117. Л. 156–157.

⁵ ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 78. Л. 179–192. «Список о составе служащих на 1 участке Службы Пути Алтайской железной дороги на 31 Декабря 1917 года». Как явствует из сопроводительного письма (л. 178), список был препровожден в барнаульское присутствие по подоходному налогу 30 апреля 1918 г.

⁶ ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 78. Л. 847–853. «Список служащих управления Алтайской ж.д. сл[ужбы] Движения и Телеграфа на исчисление подоходного налога за 1917 год». В названии заштрихован номер участка, указанный римской цифрой, так что непонятно — была ли это попытка вообще убрать номер участка, или превратить, например, «III участок» в «I участок». Судя по тому, что должность человека, подпись которого предполагалась под документом, обозначена как «Начальник Службы Движения и Телеграфа», можно думать, что номер участка в заглавии оказался излишним. В дате («1917») последняя цифра исправлена на восьмерку чернилами отличного цвета. Сопоставление размеров жалования в этой ведомости с другими зарплатными ведомостями 1917 и 1918 гг. показывает, что исправление следует игнорировать; таблица показывает доходы за 1917-й г. Это ясно, во-первых, из существенной разницы между зарплатами 1917 и 1918 гг., особенно на низовых должностях; зарплаты из данной ведомости соответствуют уровню 1917 г. Во-вторых — из того, что половину имен из этой ведомости мы обнаруживаем в более пространной (359 человек) зарплатной ведомости той же службы пути и телеграфа, твердо датируемой 1918-м г. и содержащей иные цифры доходов, как правило — более высокие (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 117. Л. 129–134 об.).

список в нашем распоряжении, показывающий по отдельности каждую из составляющих зарплаты каждого сотрудника. Именно этот список имеет наибольшую ценность для выяснения вопросов о неравенстве зарплат и о зарплатной политике Алтайской дороги, он и положен в основу исследования.

С учетом изложенного можно сформулировать задачу данного исследования: с опорой на данные барнаульской податной инспекции о доходах железнодорожников за 1917 г. оценить степень неравенства доходов сотрудников Алтайской железной дороги.

* * *

В Списке служб движения и телеграфа представлено 58 должностей, в том числе 24 — занятых более чем одним работником. Сопоставление средних окладов по этим должностям показывает существенную дифференциацию. Первые два фактора, от которых она зависит, — это место в управленческой иерархии и квалификация. Всё разнообразие должностей можно свести в три группы: высший, средний и низший слой. В высшем слое окажутся немногочисленные руководители, оклады которых, в свою очередь, сильно различаются между собой: начальник службы движения — 8958 руб., начальник технического отдела — 4334 руб., заведующий счетоводством — 2962 руб., заведующий статистикой — 2028 руб. Более многочисленны квалифицированные служащие, не наделенные руководящими полномочиями: старший счетовод — 1543 руб., старший статистик — 1299 руб., старший телеграфист — 824 руб. К числу наименее доходных должностей относились: рассыльный канцелярии — 322 руб., телефонист II разряда — 390 руб., запасной телефонист — 372 руб., телеграфист — 478 руб., курьер — 357 руб., сторож при мастерской — 372 руб. Из списка службы пути мы знаем, что размеры жалованья⁷ путевых рабочих близки именно к средней группе служащих: дорожный мастер — 1105 руб., артельный староста — 796 руб., ремонтный рабочий — 626 руб. Таким образом, иерархия окладов на Алтайской железной дороге показывает нам существенные различия в зарплате между руководителями, работниками среднего звена (умственный или тяжелый физический труд) и низшими служащими (работа, не требующая высокой квалификации или большой силы).

⁷ Отдельно в этой ведомости учтены военная прибавка и квартирные деньги; по аналогии со Списком службы движения и телеграфа можно думать, что это оклад в сумме с премиями и сверхурочными. Впрочем, для рабочих физического труда могла действовать иная система оплаты (от объема сделанного).

Сопоставляя средние оклады, мы не затрагивали различия между размерами окладов у представителей одной и той же должности. Между тем различия эти существенны, и требуют объяснения. В Списке службы пути (где различие достигает 1,4 раза у артельных старост и 1,15 у артельных рабочих, работавших полный год) мы еще можем предполагать включение в графу «жалованье» не только оклада, но и премий (доплат за сверхурочные работы). Но в Списке служб движения и телеграфа все компоненты зарплаты показаны по отдельности. Причем разрыв в рамках должности гораздо больше: до 3,8 раза (у конторских счетоводов). Более того: в списке на 126 человек, где 24 должности представлены более чем одним сотрудником, есть лишь четыре случая, когда оклад у двух-трех лиц одинаковой должности совпадает (причем эти совпадения охватывают не всех представителей данной должности).

Повлиять на это могли два обстоятельства. Прежде всего, для службы движения и телеграфа мы не знаем сроки работы людей, и часть различий должна объясняться неполным сроком службы. Правда, из 70 человек, перечисленных в Списке службы пути, 65 проработали полный год; это позволяет рассчитывать на то, что в 1917 г. кадровой «текучки» на Алтайской дороге не было, и значит, цифры Списка служб движения и телеграфа тоже в подавляющем большинстве случаев показывают полное годовое жалованье сотрудника.

Кроме того, обладатели низших окладов, как правило, получают не меньшую военную прибавку, чем обладатели более высоких окладов в той же должности. Если взять уже упоминавшихся конторских счетоводов, то обладатель наивысшего оклада получил 741,5 руб. оклада и 546 руб. военной прибавки, а обладатель низшего оклада в 196,7 руб. имел прибавку в 519 руб. (и это на 18 руб. больше, чем прибавка у обладателя оклада в 605 руб.). Таким образом, разница в сроках службы не может служить главным объяснением разницы в окладах.

Другая причина различия окладов становится ясна, если прочитать полностью название подлежащего столбца таблицы в Списке служб движения и телеграфа: «оклад за вычетом удержаний согласно ст. 37, п. 2 и 3». В названных пунктах 37-й статьи Положения о подоходном налоге речь идет об обязательных для плательщика взносах за него самого и членов семьи в пенсионные, эмеритальные, страховые, больничные и похоронные кассы, о пожертвованиях «в пользу религиозных, просветительных и благотворительных учреждений, а также в пользу государственных и общественных учреждений на просветительные и благотворительные цели». Логично предполо-

жить, что эти вычеты у каждого плательщика составляли особую сумму, а значит, и оклад за ее вычетом у каждого получался свой.

Это соображение подтверждают четверо рассыльных телеграфа. У всех у них полностью совпадают выплаты по всем статьям (включая и военную прибавку, и премии), кроме одной. У троих рассыльных оклад составляет 382 руб., у одного — 377,44 руб. Надо думать, что оклад устанавливался для рассыльных одинаково, с точностью до рубля; у одного рассыльного этот оклад уменьшился за счет небольшого вычета.

Ясно, что вычеты на платежи в кассы не имеют отношения к системе оплаты труда работников предприятием и вносят погрешность в наши оценки. Однако эта погрешность не должна быть существенной. Пенсионные и прочие перечисленные кассы оставались не очень распространенными среди населения, благотворительные взносы измерялись максимум процентами от дохода, но не десятками процентов (об этом можно судить в том числе и по коллекции из 650 личных дел плательщиков г. Барнаула за 1917 г.).

Таким образом, и эта погрешность не объясняет большой разрыв в окладах, который мы наблюдаем. Единственное правдоподобное объяснение состоит в том, что разница в окладах зависела главным образом от персональных особенностей трудовых договоров — квалификации сотрудников, продолжительности рабочего дня и других условий их работы.

Не вполне однозначно решается вопрос о наличии разрыва в оплате труда мужчин и женщин. Женщины были представлены в 14 из 56 должностей, перечисленных в Списке службы движения и телеграфа. Среди этих должностей нет руководящих, и присутствует только одна должность со средним окладом выше 1000 руб. (старший счетовод Н.А. Милитинская).

Ясно видно наличие «женских должностей»: женщинами были 10 из 19 телеграфистов, 4 из 5 телефонистов (включая запасных), все 4 конторщика канцелярии. Должности относятся к числу низкооплачиваемых, в лучшем случае — к нижней части среднего сегмента. Есть примеры того, что женщина получала больше, чем мужчина в такой же должности (конторский счетовод, конторщик конторского отдела, конторщик технического отдела, телеграфист), однако если в должности имелся хотя бы один мужчина, наивысший оклад (за единственным исключением) принадлежал ему. В целом можно заключить, что, хотя на деле зарплатного равенства между мужчинами и женщинами не существовало, сам по себе пол сотрудника не был фактором, определяющим его заработок.

Всё вышеизложенное относится к той части зарплаты, которая названа в списке «оклад содержания». Это главный компонент зарплаты, но не единственный. Общая картина существенно зависит и от надбавок. Вот их полный перечень: «военная прибавка»; «премии[,] награды и пособия»; «обмундиров[ание] или обмундир[овочные] ден[ьги]»; «внеурочн[ые] и добавоч[ные] раб[оты]»; «квартирн[ые] деньги или квартир[а] натур[ой]». Начнем с тех статей, которые можно назвать вспомогательными: они относятся к меньшинству служащих.

У 35 служащих (чуть более четверти общего числа) показана та или иная сумма в графе «квартирные деньги». Учет квартирных денег в качестве части жалования — обычное дело для государственных служащих, прежде всего — кочующих по разным частям страны военных и высокопоставленных чиновников, которым полагалось престижное жилье. Чиновники могли заселяться в казенную квартиру или получать квартирные деньги и снимать жилье самостоятельно. В любом случае положенная каждой должности цена квартиры учитывалась как часть дохода. Система, действовавшая на Алтайской железной дороге, имела очевидное отличие: квартирные деньги записаны не у всех. Видимо, учитывались только те, кто пользовался служебным жильем. Как правило, речь идет о сумме в 100–150 руб. у сотрудников с зарплатой в диапазоне 1000–1400 руб. Можно было бы предположить, что это удел самых бедных сотрудников из числа неместных. Но явно просматривается профессиональная привязка: служебное жилье записано у всех сотрудников телеграфа (21 чел.), всех рассыльных и курьеров (8 чел.), у обоих запасных телефонистов и у обоих контролеров-механиков (у последних жилье гораздо дороже — по 525 руб., а вся зарплата — более чем по 3100 руб.). Кроме перечисленных, квартирные суммы записаны только у трех человек (это двое из шести сотрудников мастерской). С учетом профессиональной привязки этой выплаты, нет уверенности, является ли она поощрением для работников, или же аренда жилья (например, близкого к месту работы) — вынужденная необходимость в силу особенности этих должностей. В любом случае, значение этой составляющей в общей системе выплат невелико; как правило, не более 11% суммарного дохода, и даже у механиков — не более 17%.

Еще один вспомогательный компонент — «обмундирование или обмундировочные деньги». Суммы по этой рубрике записаны у 35 служащих. Число то же, что и в случае с квартирными деньгами, и перечень получателей в основном совпадает. Немногие отличия де-

лают более ярко выраженной профессиональную составляющую: за двумя исключениями, обладатели заполненной обмундировочной графы это: все телеграфисты и телефонисты (по 56 руб. на душу), рассыльные и курьеры (по 118,92 руб.). Ясно, что речь идет о цене форменной одежды. Учитывая, что униформа полагалась не только телеграфистам, а всем железнодорожным служащим, можно думать, что все перечисленные должности были в Барнауле введены впервые, прочие же пользовались униформой, полученной ранее. В любом случае ясно, что эта графа не связана ни с материальным достатком служащих, ни с оплатой их труда. С другой стороны, униформа позволяет экономить на приобретении работником собственной одежды, поэтому исключение этой графы из суммы доходов не выглядит безусловно необходимым. Поскольку она, как правило, не выходит за рамки 5–10% общего дохода (наивысшее значение: 12,9%), исключение ее не внесет коренных перемен в картину неравенства.

Суммируя сказанное о квартирных деньгах и цене обмундирования, можно объединить их в группу натуральных выдач, обеспечивающих профессиональную деятельность сотрудника, а не его личные потребности. Для выяснения неравенства эти данные должны рассматриваться как вносящие искажение, занижающие показатель разрыва между богатыми и бедными.

Другой дополнительной выплатой, указанной в данном списке, являются премии, награды и пособия. Премии в 1918 г. не выплачивались только пяти служащим, все остальные ее получали. Один из этих пяти работал в должности временного статистика; остальных объединяет то, что у всех у них военная прибавка была заметно меньше, чем у их товарищей по должности. Логично предположить, что они отработали неполный год и уволились до того, как год завершился.

Наименьшая премия была выплачена курьеру и составляла 30 руб. (2,6% от его дохода). У 100 человек премия составляла от 3 до 6% общего дохода, еще у 14-ти — от 7 до 10%, и только у шести человек — от 11 до 15%. Последняя шестерка — это самые высокооплачиваемые сотрудники из данного перечня, доход каждого из них находился в пределах от 4267 до 10533 руб. Премия начальника службы движения М.К Лупицкого — 1575 руб. — превысила годовую зарплату большинства его сотрудников.

Учитывая ничтожный размер премии для большинства сотрудников и отсутствие ее у тех, кто, вероятно, уволился, можно думать, что премия не распределялась по 12 месяцам, а выплачивалась один раз в год, к Новому году или другому большому празднику. То был,

по-видимому, символический жест поощрения, не зависящий от трудовых подвигов сотрудника. Но высшим сотрудникам фирмы этот жест давал крупную прибавку. Таким образом, премии на Алтайской железной дороге в 1917 г. закрепляли и усиливали неравенство, заложенное лестницей окладов.

Напротив, военная прибавка удивительна тем, что ее размер связан с окладом не в прямой, а в обратной пропорции. Владелец самого высокого по данному списку оклада начальник службы движения М.К. Лупицкий военной надбавки вообще не получал⁸. У остальных она составляла в среднем 515 руб. Наименьшая сумма (295 руб.) пришлось на запасного агента со скромным окладом в 616,32 руб., наибольшая — 590 руб. — была у двух сотрудников: заведующего счетоводством (оклад 2962 руб.) и помощника делопроизводителя технического отдела (оклад 1075,6 руб.). Кажется ожидаемым, что у кого оклад больше, тот и прибавку имеет большую. Но если разрыв между крайними окладами сотрудников (даже без учета начальника) превосходил 15 раз, то разрыв между крайними военными прибавками не достигал и двух раз. Зависимость не поддается описанию точной формулой — очевидно, влияют не формализованные в таблице субъективные факторы. Но общая закономерность несомненна: чем меньше оклад работника, тем более высокую долю в общем доходе составляет военная прибавка. Корреляция между этими двумя показателями составляет -0,76, что означает высокую степень взаимосвязи.

Еще более наглядно, чем коэффициент корреляции, эту тенденцию проявляет анализ групп работников, выделенных в зависимости от доли военной прибавки в общей зарплате. Границы между группами проведены по формальному признаку через каждые 10 %.

Последнюю группу, очевидно, составили люди, оказавшиеся по каким-то причинам на особом положении, но в целом очевидна логика: чем проще работа и ниже оклад, тем выше вклад военной прибавки в зарплату сотрудника. Самая массовая группа — те, у кого военная прибавка дает почти половину всего дохода: это 50 служащих, включая самые низкооплачиваемые должности — телеграфистов II разряда, весовщиков, курьеров и рассыльных.

Таким образом, военная прибавка в руках руководства Алтайской железной дороги в 1917 г. играла роль мощного средства для выравнивания материального положения сотрудников. Она использовалась для того, чтобы поддержать прежде всего беднейшую часть

⁸ С ним в компании оказался один специалист среднего звена, помощник делопроизводителя телеграфа (оклад в 1038 руб.); это следует считать исключением из общего правила.

**Группировка барнаульских сотрудников службы движения и телеграфа
Алтайской железной дороги в 1917 г. в зависимости от доли
«военной прибавки» в их зарплате**

Доля военной прибавки в сумме получки, %	Число сотрудников в этой группе, чел.	Их средний оклад, руб.	Их должности
от 7 до 10	3	4901	Начальник коммерческого отдела, зав. телеграфом ⁹ , начальник технического отдела
от 10,1 до 20	14	1890	Коммерческий агент, зав. статистикой, делопроизводитель, зав. счетоводством, старший счетовод, контролер-механик
от 20,1 до 30	18	1180	Старший счетовод, счетовод, делопроизводитель, помощник делопроизводителя, старший телеграфист, надсмотрщик телеграфа, старший статистик, помощник заведующего станцией, конторщик
от 30,1 до 40	30	778	Старший статистик, статистик, счетовод, мастер, помощник делопроизводителя, экспедитор, запасной агент, конторщик, телеграфист, столяр
от 40,1 до 50	50	468	Помощник делопроизводителя, конторщик, счетовод, статистик, запасной агент, мастер, телеграфист, телеграфист II разряда, весовщик, рассыльный, курьер, сторож
от 50,1 до 59	9	355	Статистик, временный статистик, счетовод, конторщик, телефонист

Подсчитано на основе: ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 78. Л. 847–853.

сотрудников, по которым с наибольшей силой была инфляция военных лет. Это те, у кого зарплата и раньше обеспечивала лишь минимум потребностей, поэтому изменение их зарплаты должно было в наименьшей степени отставать от инфляции. Статистика этого времени еще не ввела в правило подсчет прожиточного минимума, но по существу военная прибавка — это именно стремление обеспечить

⁹ Должность Н.А. Бурлакова обозначена как «П. д. зав. тел.». С учетом принятых в данном списке сокращений, а также редкость высокой зарплаты этого человека, наиболее вероятная трактовка этой записи такова: год он начинал всего лишь помощником делопроизводителя, а заканчивал в высокой должности заведующего телеграфом.

всем сотрудникам прожиточный минимум. Можно полагать, что сумма выплат низшим служащим с учетом военной прибавки показывает, на каком уровне находился прожиточный минимум в 1917 г.

Есть и еще одна статья дохода, показанная в нашем документе: это внеурочные и добавочные работы. Эта прибавка присутствует у 62 служащих — лишь у половины от общего числа. Ясно, что добавочные работы были действительно добавочными, не всеобщими. При этом оплата за них могла достигать сумм, существенных и абсолютно (до 756 руб.), и в процентном отношении ко всей зарплате (максимум — 34%; у трети получателей — от 10 до 20 % всего заработка). Но наименьшие суммы из этого столбца ничтожны и начинаются от 60 коп. (за год!); у каждого шестого получателя они не выходят за рамки 2% годового дохода. По-видимому, речь идет не о регулярном приработке («дополнительная доля ставки»), а о разовых заданиях.

В то же время, можно увидеть определенную закономерность в распределении этих работ между сотрудниками. Дополнительный заработок имеет должностной оттенок. Он есть у 24 из 27 счетоводов и статистиков, у 16 из 24 конторщиков, у 6 из 7 делопроизводителей, у 4 из 7 помощников делопроизводителя. Он ни разу не встречается у агентов, мастеров, телефонистов, рассыльных и курьеров, из 20 телеграфистов есть только у четырех (в их числе — единственный старший телеграфист и ни одного телеграфиста 2-го разряда). По-видимому, дополнительный заработок был связан с квалифицированной работой в конторе. Он был доступен не на всех должностях. Но и на избранных должностях деньги по этой статье значатся не у

Таблица 2

Децильные коэффициенты для барнаульских сотрудников службы движения и телеграфа Алтайской железной дороги в 1917 г. с учетом разных составляющих зарплаты

Компоненты зарплаты	Децильный коэффициент
Только оклад	4,91
Оклад + военная прибавка	2,78
Оклад + военная прибавка + внеурочные	3,21
Оклад + военная прибавка + внеурочные + премии	3,26
Оклад + военная прибавка + внеурочные + премии + обмундирование и квартирные	3,01

Подсчитано на основе: ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 78. Л. 847–853.

всех — следовательно, взятие этих работ было в значительной степени, если не полностью, делом добровольным.

Влияние каждой из перечисленных составных частей зарплаты на степень неравенства доходов можно наглядно показать с помощью децильного коэффициента. Для этого мы рассчитали несколько коэффициентов с учетом разных составляющих зарплаты.

Последние две строки в этой таблице отражают второстепенные показатели, смысл которых подробно описан выше. Здесь стоит лишь добавить, что децильный коэффициент для служб движения и телеграфа по сумме всего дохода (3,01) примерно соответствует тому же коэффициенту, рассчитанному для 384 сотрудников Алтайской дороги на основе всех наличных перечней за 1917 г. Последний показатель составляет 3,26 для всех 384 сотрудников и 2,93 — за вычетом двух, для которых показан ничтожный доход (по 30 руб. на каждого, очевидно, что речь не идет о сколь-нибудь регулярной работе). Некоторое понижение коэффициента при учете всех списков может объясняться тем, что состав других подразделений (служба пути, служба движения) более однороден, крайние группы здесь гораздо малочисленнее.

Самое важное для уяснения зарплатной политики руководства Алтайской железной дороги видно из сопоставления первых трех строк таблицы. Приведенные в них цифры показывают, что шкала окладов предусматривала большой разрыв между высшими и низшими сотрудниками железной дороги. Этот разрыв резко сокращался за счет военной прибавки, которая сглаживала неравенство. Это, очевидно, было ответом на заметную инфляцию военных лет, угрожающую лишить низовых работников шансов на выживание. В то же время, руководство дороги стремилось избежать уравниловки и потому предоставляло возможность сверхурочных работ, что существенно влияло на разницу в заработках.

* * *

Осмисливая эти коэффициенты, надо включать их не только в более широкий территориальный или хронологический ряд, но и в более широкий общественный контекст.

Для исследователей, изучающих неравенство доходов у членов общества, описанное нами неравенство доходов у работников — это, конечно, лишь промежуточный показатель. Очевидно, что даже при одинаковом доходе работники могут находиться в очень неравном положении в зависимости от состава их семей.

Один из наших списков — Список службы пути — позволяет приоткрыть завесу над этим вопросом. В этом списке показано коли-

чество иждивенцев у каждого из работников. Данные группируются следующим образом: ни одного иждивенца — 3 сотрудника, один — 5 сотрудников, двое — 8, трое — 13, четверо — 17, пятеро — 9, шестеро — 10, семеро — 1, восемь и десять — по 2 сотрудника.

Сведения об иждивенцах собирались в целях расчета налоговых льгот. Они полагались имеющим более двух иждивенцев (дети и старики). Нет уверенности, включались ли сюда составителем нашей таблицы неработающие жены. Погрешность расчета усиливается и тем, что мы не знаем положение жен перечисленных сотрудников (работают они или нет), наличие в семье работающих или помогающих по хозяйству родителей/братьев/старших детей. Ясно, что положение рабочего с четырьмя детьми и не работающей женой, живущего только зарплатой, будет гораздо более тяжелым, чем положение рабочего с четырьмя детьми, работающей женой и матерью, которая записана иждивенцем, но нянчится с внуками (а может быть, и в огороде успевают). Тем не менее, можно сказать наверняка, что большое количество иждивенцев, которое мы видим в нашей ведомости, зависит главным образом от наличия детей¹⁰. И очевидно, что состоятельность многодетных служащих должна быть меньшей, чем у семей с малым количеством детей.

На основе этих данных мы вычислили средний доход каждого работника на одного члена семьи (считая всех иждивенцев полюс самого работника). Это коренным образом изменило шкалу доходов сотрудников службы пути. Децильный коэффициент, рассчитанный для них без учета семейного положения, составлял 1,28; с учетом семейного положения — 3,56. Само по себе увеличение неравенства при учете неравенства состава семьи — результат ожидаемый; но почти трехкратное различие — это больше, чем можно было ожидать. Из данного наблюдения, сделанного на весьма ограниченной базе данных, не следует, что коэффициент увеличения при переходе от работников к едокам всегда должен быть близок к тройке. Но следует, что учет семейного положения дает сильное изменение децильного коэффициента, измеряемое не процентами и не десятками процентов, а кратным увеличением.

Россия начала XX в. — страна, вступившая в стадию демографического перехода¹¹. Многодетность не была обязательной характеристикой семьи, тем более — с учетом того, что разные работники

¹⁰ В данном случае это тем более несомненно, что подавляющее большинство перечисленных в списке приписано к деревням иных губерний; как правило, при переселении в Сибирь престарелых родителей с собой не брали.

¹¹ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014. С. 625.

находятся в разной стадии семейной жизни. Многодетные семьи соседствовали с малочисленными. Поэтому переход от сравнения дохода работников к сравнению дохода едоков для этой эпохи влияет на децильный коэффициент больше, чем можно было бы предположить на основе стандартов начала XXI в.

* * *

Подытожим изложенные выше факты и промежуточные заключения. Прежде всего, мы получили определенный статистический показатель, расширяющий базу для оценки неравенства в России в годы Первой мировой войны на основе децильных коэффициентов. Децильный коэффициент для 382 служащих Алтайской железной дороги составил 2,93, что ниже, чем показатели для промышленных рабочих Европейской России 1914–1916 гг., приводимые в статье К.Д. Веринчук¹². Эта разница может определяться как различием отраслей и регионов, так и хронологическим различием (с точки зрения остроты экономического кризиса и глубины политических перемен 1917 год существенно отличался от 1916-го). Этот результат работает на усиление тезиса о том, что дифференциация в России в начале XX в. была не столь остра, чтобы вызвать революцию.

С другой стороны, на материале одного отдельно взятого — но вполне встроеного в рынок труда и потому могущего считаться во многих отношениях типичным — предприятия обнаружено явление, которое противостоит предыдущему тезису: резкое увеличение децильного коэффициента при переходе от учета дохода работников к доходу едоков в семье (с учетом детей и иных иждивенцев). Если получится подтвердить это увеличение на иных источниках, это может стать доводом в пользу укрепления версии о взрывоопасном состоянии проблемы неравенства в России начала XX в.

Наконец, на материале Алтайской железной дороги реконструирована политика руководства предприятия в отношении стимулирования работников. Установлено, что наряду с установлением иерархии окладов, закладывающей существенный разрыв между высшими и низшими сотрудниками, использовались и другие методы, интересные своей разнонаправленностью. Военная прибавка существенно снижала коэффициент неравенства; по-видимому, она нацеливалась на обеспечение дохода, минимально достаточного для выживания беднейшей части работников. Сверхурочные работы открывали возможность повышения зарплаты тем, кто готов был

¹² Веринчук К.Д. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 251–290.

работать дополнительно. Как видно, частные предприниматели начала XX в. умели одновременно использовать средства и против чрезмерного неравенства, и против уравниловки. Таким образом, они сочетали те два направления, борьба которых будет играть существенную роль в дискуссиях эпохи нэпа.

References

Borodkin L.I. *Neravenstvo dokhodov v Rossii v XIX — nachale XX vv.: sravnitel'nyy analiz istoriograficheskikh otsenok* [Income Inequality in Russia in the 19th and Early 20th Centuries: A Comparative Analysis of Historiographical Assessments] // *Istoriicheskiye vyzovy i ekonomicheskoye razvitiye Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Historical Challenges and Economic Development of Russia. The Acta of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Ekaterinburg: Universal'naya tipografiya "Al'fa Print", 2019. P. 19–24.

Didenko D.V. *Vekovyye tendentsii neravenstva dokhodov v Rossii: sravnitel'nyy analiz statisticheskoy dinamiki* [Age-Long Trends of Income Inequality in Russia: A Comparative Analysis of Statistical Dynamics] // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2022. N 1 (74). P. 6–15.

Khanin G.I. *Kakova byla sotsial'naya differentsiatsiya v dorevolyutsionnoy Rossii?* [What Was the Social Differentiation in Pre-Revolutionary Russia?] // *Idey i idealy*. 2010. N 2 (4). Vol. 1. P. 64–72.

Mironov B.N. *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [Welfare of the Population and Revolutions in Imperial Russia: From the 18th through the Early 20th Century]. Moscow: Ves' Mir, 2012. 848 p.

Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From Tradition to Modernity]. In 3 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2014. 896 p.

Nafziger S., Lindert P. *Russian Inequality on the Eve of Revolution*. — URL: https://web.williams.edu/Economics/wp/Nafziger_Lindert_Inequality_Sept2013.pdf

Novokmet F., Piketty Th., Zucman G. *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia. 1905–2016*. — URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WID-world.pdf>

Rynkov V.M. *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918 — 1919 g.)* [Social Policy of Anti-Bolshevik Regimes in the East of Russia (Second Half of 1918 — 1919)]. Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN, 2008. 440 p.

Verinchuk K.D. *Differentsiatsiya zarabotnoy platy promyshlennykh rabochikh Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Differentiation of Wages of Industrial Workers in Russia during the World War I] // *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic History. Yearbook]. 2014/2015. Moscow: IRI RAN, 2016. P. 251–290.

Поступила в редакцию
14 ноября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-125-144

Юэ Цян, К.В. Кичик

**О ПОДГОТОВКЕ В СССР КАДРОВ
ДЛЯ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(ОБ ИСТОРИИ ШКОЛЫ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЮЯНЛИ)**

Yue Qiang, K.V. Kichik

**ON THE TRAINING OF CADRES
FOR THE CHINESE REVOLUTION IN THE USSR
(ON THE HISTORY OF THE YUANLI SCHOOL
OF FOREIGN LANGUAGES)**

Аннотация. Победа Октябрьской революции в России в 1917 г. пробудила энтузиазм передовых китайских интеллектуалов в освоении русского революционного опыта, многие молодые китайские революционеры стремились учиться непосредственно на родине Октября. Чтобы изучать русскую революционную теорию и опыт, а также достичь цели преобразования страны, необходимо было подготовить для будущей революции группу кадров, владеющих русским языком. Настоящая статья посвящена истории первой кадровой школы Коммунистической партии Китая — Школы иностранных языков, находившейся в Юянли, районе Шанхая.

Юэ Цян, PhD, доцент, постдоктор Восточно-китайского политико-юридического университета, член редколлегии журнала «Социально-политические науки» (КНР), доцент Шанхайского университета политологии и права

Yue Qiang, PhD, Associate Professor, Postdoctoral Researcher of the East China University of Politics and Law, Member of the Editorial Board of the Journal *Social and political sciences* (PRC), Associate Professor, Shanghai University of Political Science and Law
duanforever@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9531-199X

Кичик Кузьма Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kichik Kuzma Valer'evich, PhD Candidate in Law, Associate Professor, Department of Business Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

k_kichik@law.msu.ru

ORCID: 0009-0007-9463-1004

Статья подготовлена при финансовой поддержке Шанхайского фонда содействию развития социальных наук (проект № 2021BG007).

The article was prepared with the financial support of the Shanghai Foundation for the Promotion of Social Science Development (project no. 2021BG007).

Исследование показывает, что Школа иностранных языков, хотя существовала всего около года, внесла важный вклад в воспитание первых кадров КПК и содействовала развитию китайской революции. Педагоги и ученики школы энергично пропагандировали марксизм, активно участвовали в партийном строительстве, руководили китайскими рабочими, крестьянским, молодежным, женским движениями и вооруженной борьбой, играя особую роль в соединении марксистской теории с практикой китайской революции, в развитии и укреплении организационной мощи партии и расширении политического влияния КПК. Старый Юянли и Новый Юянли — это две соседние улицы. В 1920 г. именно здесь группа китайских коммунистов в Шанхае создала Школу иностранных языков, которая фактически стала школой для подготовки китайских революционных кадров. Первая группа молодых коммунистов, которые учились в Школе иностранных языков, была отправлена в СССР уже после нескольких месяцев обучения русскому языку и политической подготовки. После возвращения на родину большинство выпускников Школы иностранных языков стали видными деятелями китайской революции. Распространение марксизма в Китае тесно связано с этой группой молодых людей, обучавшихся в СССР. Можно сказать, что Юянли — это не просто топоним и место, где находилась Школа иностранных языков. Это исторический «свидетель» борьбы КПК за свои идеалы, который имеет уже более чем столетнюю историю.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, Школа иностранных языков, подготовка революционных кадров, Китайская революция, Коминтерн, Григорий Наумович Войтинский.

Abstract. The victory of the October Revolution in Russia in 1917 awakened the enthusiasm of advanced Chinese intellectuals to master the Russian revolutionary experience, and many young Chinese revolutionaries sought to study directly in the birthplace of October. In order to study Russian revolutionary theory and experience and achieve the goal of transforming the country, it was necessary to train a group of Russian-speaking cadres for the future revolution. The article deals with the history of the first cadre school of the Communist Party of China, the School of Foreign Languages in Yuyangli, a neighborhood of Shanghai. The research shows that, although it existed for only about a year, this school made an important contribution to the education of the first cadres of the CPC and to the development of the Chinese revolution. Its teachers and students vigorously propagated Marxism, actively participated in party construction, led the Chinese workers, peasants, youth, women's movements and armed struggle. They played a special role in connecting Marxist theory with the practice of the Chinese revolution, developing and strengthening the Party's organizational strength and expanding its political influence. Old Yuyangli and New Yuyangli are two neighboring streets. In 1920, it was here that a group of Chinese communists in Shanghai established the School of Foreign Languages, which actually became a school for training Chinese revolutionary cadres. The first group of young communists who studied here were sent to the USSR after only a few months of Russian language and political training. Upon returning home, most of the graduates of the School of Foreign Languages became prominent figures of the Chinese revolution. The spread of Marxism in China is closely connected with this group of young people

who studied in the USSR. Yuyangli is not just a toponym and a place where the School of Foreign Languages was located, but it is a historical “witness” of the CPC’s more than century-long struggle for its ideals.

Keywords: Communist Party of China, School of Foreign Languages, training of revolutionary cadres, Chinese Revolution, Comintern, Grigory Naumovich Voitinsky.

* * *

Оглядываясь назад на 100-летнюю историю борьбы Коммунистической партии Китая, мы не должны забывать, что на начальном этапе основания, постепенного развития и роста КПК целая плеяда революционеров внесла выдающийся вклад в распространение марксизма среди китайского народа, в китаизацию марксизма, в формирование Китайской коммунистической группы, в подготовку и созыв Первого и Второго съездов КПК¹³. Благодаря этому Китай стал частью коммунистического лагеря.

Победа Октябрьской революции в России в 1917 г. побудила передовых китайских интеллектуалов к изучению революционного опыта СССР, и у многих молодых китайских революционеров возникло стремление учиться в этой стране. Чтобы осваивать русскую революционную теорию и опыт ради спасения и укрепления страны китайцы должны были подготовить группу кадров, понимающих русский язык. В июле 1920 г. Ма Линь (马林) предложил на Втором конгрессе Коммунистического интернационала: «Коминтерн должен подготовить революционные кадры для Востока. Москва и Петроград должны стать новой Меккой Востока. Мы должны дать восточным коммунистам возможность получить теоретическое образование в СССР и спонсировать дальневосточных активистов Коминтерна». В апреле 1920 г. Российская коммунистическая партия (РКП(б)) и Коминтерн направили Г.Н. Войтинского и Ян Минчжая (杨明斋) в Китай, чтобы установить контакт с Ли Дачжао (李大钊), Чэнь Дусю (陈独秀) и другими в целях обсуждения помощи Китаю в организации группы КПК, создании Школы иностранных языков и обеспечения условий для направления обучающихся в СССР¹⁴.

¹³ 徐行 [Xu Xing]. 留学生对中国共产党创建和发展的杰出贡献 [Liu xue sheng dui Zhongguo Gongchandang chuang jian he fa zhan de jie chu gong xian] [Сюй Синь. Выдающийся вклад обучавшихся за рубежом в создание и развитие КПК] // 神州学人 [Shen zhou xue ren]. 2021. № Z1. P. 11–15.

¹⁴ 何立波 [He Libo]. 外国语学校: 中国共产党第一所干部学校办学实践探索 [Wai guo yu xue she: Zhongguo Gongchandang di yi suo gan bu xue xiao ban xue shi jian tan suo] [Хэ Либо. Школа иностранных языков: Практическое изучение первой кадровой школы КПК] // 教育史研究 [Jiao yu shi yan jiu]. 2020. № 4. P. 36–37.

Шанхай — место рождения КПК и место, где первоначально пропагандировался марксизм в Китае и зародилась китайская коммунистическая мечта. КПК родилась, начала борьбу именно в Шанхае. Здесь возник, взращен и сформирован великий дух основания КПК. Это исторический знак высшей славы Шанхая¹⁵. Исследуя возникновение китайского революционного пламени в Шанхае, не обойтись без важного топонима — Юянли (渔阳里).

Старый Юянли и Новый Юянли — это две улицы, которые находятся в нескольких десятках метров друг от друга. Сто лет назад их соединила аллея, проходившая с севера на юг. Старый Юянли в то время был переулком Шикумэнь (каменные ворота) (石库门)¹⁶ во Французской концессии в Шанхае. В конце переулка Шикумэнь находился дом 2 Старого Юянли, где жил один из основателей КПК Чэнь Дусю, также там находился редакционно-издательский дом журнала «Новая молодежь»¹⁷. В 1920 г. ранняя группа КПК в Шанхае создала здесь Школу иностранных языков. Это была первая школа, основанная КПК для подготовки китайских революционных кадров¹⁸. Именно отсюда Лю Шаоци (刘少奇), Жэнь Биши (任弼时), Сяо Цзингуан (萧劲光), Ло Инун (罗亦农) и другие известные китайские коммунисты отправились в Москву после первоначального изучения русского языка. Это была первая группа китайских коммунистов, направленных на обучение в СССР¹⁹.

¹⁵ 曹飞 [Cao Fei]. 上海党史学习教育迅速掀起新热潮 [Shanghai dang shi xue xi jiao yu xu su xian qi xin lang chao] [Цао Фэй. Изучение и преподавание Шанхайской истории КПК породили новое увлечение] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 24.07.2021.

¹⁶ Шикумэнь (каменные ворота) (石库门) — это традиционный шанхайский архитектурный стиль, сочетающий западные и китайские элементы, впервые появившийся в 1860-х гг. На пике его популярности в Шанхае насчитывалось 9 тыс. зданий в стиле шикумэнь, что составляло 60% от общего жилищного фонда города. Сегодня эта доля намного ниже, поскольку большинство шанхайцев живут в больших многоквартирных домах. Шикумэнь классифицируется как один из типов резиденций лилонга, иногда переводимый на английский как «переулочные дома». Шикумэнь Юянли — бывший жилой комплекс, где первоначально велась пропаганда марксизма и была основана Китайская коммунистическая молодежная лига в 1920 г.

¹⁷ 东城探秘——探访《新青年》编辑部旧址(陈独秀旧居) [Dong cheng tan mi — tan fang “Xin qing nian” bian ji bu jiu zhi (Chen Duxiu jiu ju)] [Знакомство с Дунчэном — Посещение бывшего здания редакции «Новой молодежи» (Дом Чэнь Дусю)]. — URL: <https://news.ifeng.com/c/87olMecn9mSttps://news.ifeng.com/c/87olMecn9mS> (дата обращения 01.06.2022).

¹⁸ 陈安杰 [Chen Anjie]. 上海石库门见证建党图景 [Shanghai Shikumen jian zheng jian dang tu jing] [Чэнь Анцзе. Шанхайский Шикумэнь стал свидетелем основания КПК] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 22.04.2020.

¹⁹ 李婷 [Li Ting]. 上海市中心的这条弄堂, 见证了党史上的诸个“第一” [Shanghai shi zhong xin de zhe tiao nong tang, jian zheng le dang shi shang de zhu ge “di yi”] [Ли Тун. Этот переулок в центре Шанхая стал свидетелем «первых событий» в истории КПК] // 文汇报 [Wen hui bao]. 05.07.2021.

Будучи членами КПК и комсомольцами, большинство из этих выпускников после возвращения на Родину стали главными деятелями китайской революции. Распространение марксизма в Китае тесно связано с этой группой молодых людей, обучавшихся в СССР.

Таблица

Основные события, произошедшие в Юяньли

(составлено авторами)

	Событие	Дата	Место	Персонал
1	Создание первой в Китае организации Коммунистической партии	Август 1920 г.	Дом 2, Старый Юяньли	Чэнь Дусю (陈独秀)
2	Создание первой в Китае организации союза молодежи — Шанхайского социалистического союза молодежи	22 августа 1920 г.	Дом 6, Новый Юяньли	Ю Сюйсун (俞秀松)
3	Публикация первого полного перевода на китайский «Манифеста Коммунистической партии»	Август 1920 г.	Дом 2, Старый Юяньли	Чэнь Вандао (陈望道), Чэнь Дусю (陈独秀), Ли Ханьцзюнь (李汉俊)
4	Создание редакционно-издательского дома журнала «Новая молодежь»	Сентябрь 1920 г.	Дом 2, Старый Юяньли	Чэнь Дусю (陈独秀)
5	Создание первой кадровой школы КПК — Школы иностранных языков	Сентябрь 1920 г.	Дом 6, Новый Юяньли	Ян Минчжай (杨明斋), Ю Сюйсун (俞秀松)
6	Создание первой профсоюзной группы, возглавляемой КПК, — Шанхайского профсоюза машиностроителей	Октябрь 1920 г.	Дом 6, Новый Юяньли	Чэнь Дусю (陈独秀), Ян Минчжай (杨明斋), Ли Ханьцзюнь (李汉俊), Ю Сюйсун (俞秀松), Ли Цихань (李启汉)
7	Основание ежемесячного журнала «Коммунистическая партия»	7 ноября 1920 г.	Дом 2, Старый Юяньли	Ли Да (李达)
8	Подготовка к Первому съезду КПК	Июнь 1921 г.	Дом 2, Старый Юяньли	Ли Да (李达), Ли Ханьцзюнь (李汉俊)

Можно сказать, что Юянли — это не просто топоним и местонахождение Школы иностранных языков. Это исторический «свидетель» борьбы КПК за свои идеалы со столетней историей.

Недаром президент Ассоциации исторических и культурных исследований Юянли Шанхайского общества по изучению истории КПК и профессор Института марксизма Шанхайского университета Ли Цзяньцзэн (李城曾) сказал: «В этом районе (Юянли) передовые китайские революционеры собрали элитные кадры, вели теоретическую пропаганду, мобилизацию народа, обучение талантов, создание организаций и подготовку к национальному съезду. Юянли можно охарактеризовать как место рождения КПК, Китайской коммунистической молодежной лиги и зарождения китайского коммунистического движения»²⁰.

Проведение исследований, посвященных соответствующим историческим личностям и событиям, происходившим в Юянли, особенно истории Школы иностранных языков, имеет большую академическую ценность и практическое значение для КПК, для изучения вклада КПК в объединение марксистской теории с практикой китайской революции, для развития и укрепления партийных сил, содействия развитию китайской революции и воспитанию кадров.

Состояние китайских исследований

Поиск научных исследований по теме «Юянли» и «Школа иностранных языков» в Китайской национальной инфраструктуре знаний (CNKI) выдал результат: 61 публикация (в том числе электронная) на китайском языке. Количество публикаций в 2020 и 2021 гг. значительно возросло, что указывает на то, что данная тематика становится востребованной в китайских академических кругах. Однако большая часть из представленных в списке — это информационные рассылки, содержащиеся в газетах и журналах. По-прежнему отсутствует углубленное и систематическое исследование многих исторических событий, произошедших в Юянли, например, связанных с деятельностью представителей Коминтерна.

На протяжении последних лет интерес к Юянли и Школе иностранных языков получил поддержку со стороны китайского правительства. В честь 100-летия «Движения 4 мая» в Шанхае 29 апреля 2019 г. открылась обновленная мемориальная экспозиция, посвя-

²⁰ 李婷 [Li Ting]. 深藏在上海市中心的这条石库门弄堂, 为何被誉为“红色之源” [Shen cang zai Shanghai shi zhong xin de zhe tiao shi ku men nong tang, wei he bei yu wei “hong se zhi yuan”] [Лу Тун. Спрятанный глубоко в центре Шанхая, этот переулок Шикунмень известен как «источник красного»] // 文汇报 [Wenhui bao]. 04.06.2021.

щенная истории центрального органа Китайского социалистического союза молодежи «Юянли»²¹. «Юянли» действительно стал новым важным объектом так называемого «красного» туризма в Китае, а у молодежи — «пунктом регистрации» (местом, где стоит «отметиться», написать в соцсетях, сделать фото).

Перед началом общего проекта реконструкции «Юянли» секретарь Шанхайского муниципального парткома Китайской коммунистической молодежной лиги Ван Юй (王宇) указал, что при поддержке Муниципального парткома и Центрального комитета Китайской коммунистической молодежной лиги реконструкция Мемориальной выставки «Юянли» имеет целью осветить три вопроса. Во-первых, необходимо прояснить историю основания КПК и значение ранней группы Китайской коммунистической молодежной лиги. Ведь коммунистическая молодежная лига является помощником компартии и резервной армией, и такая взаимосвязь должна быть раскрыта. Во-вторых, следует ярко показать историю роста революционных лидеров с «красными генами» Юянли, таких как Юй Сюсун (俞秀松), Чжан Тайлэй (张太雷), Мао Цзэдун (毛泽东), Лю Шаоци (刘少奇), Жэнь Биши (任弼时) и других, которые действовали в Юянли или приехали оттуда. В-третьих, необходимо раскрыть, почему именно Юянли стало местом, где разместился центральный орган Китайской коммунистической молодежной лиги, а также показать раннюю историю зарождения, развития и роста организации комсомола, которая берет начало в Юянли.

**«Подготовительный класс для обучения в СССР»
под руководством КПК — Школа иностранных языков.
История ее основания**

В апреле 1920 г. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) с согласия Коминтерна направило Г.В. Войгинского, его жену М.Ф. Кузнецову и его переводчика Яна Минчжая (имевшего российское гражданство и бывшего членом Российской коммунистической партии) в Китай, чтобы выяснить ситуацию в китайском революционном движении. Сначала они отправились в Пекин, чтобы провести беседу с Ли Дачжао и другими прогрессивными деятелями для обсуждения вопросов основания КПК. Потом Ли Дачжао организовал им «знакомство

²¹ 澎湃新闻: “渔阳里”团中央机关旧址纪念馆改造落成, 明起试运营 [Горячие новости. Реконструкция мемориальной выставки на месте бывшего центрального органа коммунистического союза молодежи «Юянли» завершена, и завтра он будет введен в экспериментальную эксплуатацию] // 上海报业. 29.04.2019. — URL: https://www.sohu.com/a/310988050_260616?_f=index_pagerecom_10 (дата обращения 13.07.2022)

с Шанхаем», чтобы обсудить вопрос о создании КПК с Чэнь Дусю. Чэнь Дусю, Ли Ханьцзюнь (李汉俊), Шэнь Сюаньлу (沈玄庐) провели несколько бесед с Войтинским. В результате Войтинский узнал, что подготовка к созданию КПК уже идет, поэтому он подробно рассказал о соответствующем опыте РКП(б) и содействовал основанию КПК. Чэнь Дусю и другие, в свою очередь, узнали о внутривнутриполитической ситуации в СССР и о Российской компартии. В августе того же года в центре китайского промышленного и рабочего движения в Шанхае Чэнь Дусю возглавил создание первой организации КПК — Шанхайской коммунистической группы, ставшей центром деятельности по созданию единой национальной пролетарской политической партии²². Вспоминая об основании союза молодежи и создании Школы иностранных языков в 1920 г., Юй Сюсун рассказал в написанной в Советском Союзе в 1930-х гг. автобиографии: «По поручению партии я организовал Шанхайский социалистический союз молодежи ... Я также организовал “Школу иностранных языков” вместе с другими товарищами. Активистами нашей партии в последние годы являются почти все выпускники Школы иностранных языков»²³. Слова Юй Сюсуна подтверждают, что Школа иностранных языков напрямую связана с основанием КПК в Шанхае. Без основания КПК и комсомола в Шанхае не было бы острой нужды в создании Школы иностранных языков для подготовки кадров и отбора молодежи для поездки в СССР.

Создание Школы иностранных языков произошло под влиянием Октябрьской революции на китайское общество, контактов между русскими и китайскими кадрами. Мао Цзэдун отметил огромное влияние русской революции на Китай в своей знаменитой статье «О народно-демократической диктатуре»: «Русский народ осуществил Октябрьскую революцию и основал первое в мире социалистическое государство... Китайцы и всё человечество смотрят теперь на русских по-другому. В это время, и только в это время, и в помыслах, и в жизни китайского народа наступил совершенно новый период».

²² 邵雍 [Shao Yong]. 中国共产党的创立与共产国际 [Zhongguo Gongchandang de chuang li yu Gongchanguoji] [Шiao Юн. Основание КПК и Коминтерн. История КПК и партийное строительство в Шанхае] // 上海党史与党建 [Shanghai dang shi yu dang jian]. 2019. № 9. Р. 3–8.

²³ 顾杰 [Gu Jie]. 100年前的秋天, 这些进步青年汇聚在上海这所学校, 他们中走出了不少党和国家领导人 [100 nian qian de qiu tian, zhe xie jin bu qing nian hui ju zai Shanghai zhe suo xue xiao, ta men zhong zou chu le bu shao dang he guo jia ling dao ren] [Гу Цзюэ. Осенью 100 лет назад прогрессивные молодые люди собрались в этой школе в Шанхае, и многие из них стали партийными и государственными лидерами] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 15.09.2020.

Весной 1920 г. представители Коминтерна прибыли в Китай. Под руководством и стараниями Шанхайской коммунистической группы КПК Школа иностранных языков собрала способных молодых людей для изучения русского языка и революционной теории, организовала их поездку в СССР для знакомства с российским революционным опытом и особенностями подготовки партийных кадров в целях скорейшего продвижения китайского революционного дела. Эта инициатива стала отражением нового стиля в образовании. Школа иностранных языков явила собой образец академического сотрудничества между Китаем и СССР, между китайскими и русскими педагогами.

Григорий Наумович Войтинский (1893–1953) был широко известен в китайских исторических кругах как «Красный посланник». Ему было всего 27 лет, когда он приехал в Шанхай в апреле 1920 г. в качестве репортера журнала «Шанхайская жизнь». Но подлинная работа Войтинского в Шанхае заключалась в том, чтобы помочь Чэнь Дусю и другим построить КПК. Он также привез большое количество документов и материалов, связанных с теорией коммунизма и русской революцией. Некоторые книги также были доступны на английском и немецком языках. Марксизм (ленинизм с революционной теорией в качестве центрального содержания), который Войтинский распространял в Китае, сыграл важную роль в китайском коммунистическом движении. Во время своего пребывания в Шанхае Войтинский использовал Шанхайское «Революционное бюро» в качестве центра деятельности по созданию партии. Организационный отдел «Революционного бюро» учредил Социалистический союз молодежи, который являлся периферийной группой КПК; он помогал организации выпуска журналов «Новая молодежь», «Мир труда», «Коммунистическая партия», «Шанхайские партнеры» и других периодических изданий, учреждению Шанхайского профсоюза машиностроителей, открытию Школы трудового обучения, Школы иностранных языков и т.д. Трудно описать деятельность Войтинского в Шанхае во всей ее полноте, но важная роль, которую он сыграл на ранней стадии организации Шанхайской партии, неоспорима.

В течение своей революционной карьеры Войтинский имел много псевдонимов. Поэтому в исторических материалах и учебниках его называют: Войтинский, Вутинский, Вайдинский, Удинск, Войчинский, Фединск, Худинский, Ху Тинкан, У Тинкан, Вэйцин и др. Китайцы обычно называют его Войтинским, его китайское имя «Бу Tingkang». Войтинский приезжал в Китай пять раз. Он провёл здесь в общей сложности четыре года в период с апреля 1920 г.

(первый приезд в Китай) и до июня 1927 г. (момент окончательного отъезда из Китая). Хотя он не принимал непосредственного участия в Первом съезде КПК, именно он приехал в Южный Китай из Северного, чтобы посеять семена коммунизма, что привело к рождению КПК в Шанхае. Так Китайская революция начала свой новый путь²⁴.

Набор учеников

Школа использовала метод публичного объявления о наборе учеников, что не только обеспечивало своего рода «прикрытие» для школы, но и расширяло ее влияние. В то время прогрессивная молодежь со всей страны приезжала в Шанхай учиться.

Школа иностранных языков была расположена на нижнем этаже дома 6 в Новом Юянли (здесь же было расположено Русско-китайское коммуникационное агентство). На здании была вывешена табличка «Школа иностранных языков». Объявление о наборе учеников публиковалось в «Ежедневнике Китайской Республики» в течение нескольких дней подряд с 28 сентября 1920 г.²⁵: «Школа намерена образовать классы английского, французского, немецкого, русского и японского языков. Созданы три класса — английского, русского и японского языков. Кто заинтересован в изучении иностранного языка, пожалуйста, быстро зарегистрируйтесь в Школе иностранных языков по адресу: дом 6, Юянли, улица Сяфэй, Шанхайская французская концессия²⁶». Таким образом, Школа иностранных языков стала первой кадровой школой, основанной КПК, она была образована в сентябре 1920 г. Переводчик первого представителя Коминтерна в Китае Г.Н. Войтинского Ян Минчжай стал директором школы, а Юй Сюсун — секретарем. Целью Школы иностранных

²⁴ 徐光寿 [Xu Guangshou]. 维经斯基 1920 年在沪活动寻踪 [Weijingsiji 1920 nian zai hu huo dong xun zong] [Сюй Гуаншоу. Деятельность Войтинского в Шанхае в 1920 году] // 新民晚报 [Xin min wan bao]. 2018. № 3.

²⁵ 朱少伟 [Zhu Shaowei]. 新渔阳里的外国语学社, 中国共产党最早的人才培训基地 [Xin Yuyangli de wai guo yu xue she, Zhongguo Gongchandang zui zao de ren cai pei xun ji di] [Чжу Шаоэй. Школа иностранных языков в Новом Юянли, самая ранняя база подготовки кадров КПК]. — URL: <https://www.163.com/dy/article/G47TQ89O055040N3.html> (дата обращения 04.03.2022); 俞可, 冷云红, 李燕楠 [Yu Ke, Leng Yunhong, Li Yannan]. 留学救国的青春篇章 [Liu xue jiu guo de qing chun pian zhang] [Юй Кэ, Лэн Юньхун, Ли Яньнань. О молодежи, обучающейся за границей, чтобы спасти страну]. — URL: https://www.sohu.com/a/238361348_243614 (дата обращения 29.06.2022).

²⁶ 乐阳 [Le Yang]. 上海建党岁月里的红色学堂①外国语学社 | 一点历史 [Shanghai jian dang sui yue li de hong se xue tang | Wai guo yu xue she | yi dian li shi] [Лэй Ян. Красная школа в годы основания КПК в Шанхае. Школа иностранных языков — история]. 上海: 文汇客户端, 2019年.

языков являлось освещение работы первых групп Китайской коммунистической молодежной лиги и подготовка партийных кадров²⁷.

О педагогах и учениках Школы

Большинство педагогов Школы иностранных языков были членами первых групп КПК: Ли Ханьцзюнь (李汉俊) вёл французский, Юань Чжэньин (袁振) — английский, Ли Да (李达) — японский и теорию марксизма, Ю Сюйсун — теорию марксизма и политику. Русский язык преподавал директор школы Ян Минчжай и жена Г.Н. Войтинского Кузнецова (она также преподавала фонетику русского языка и разговорную речь). Для обеспечения качества преподавания школа также привлекала педагогов иностранных языков, например, уроки эсперанто вел молодой русский журналист Стобини (斯托比尼)²⁸. После того, как число студентов увеличилось, был взят на работу Ван Юаньлин (王元龄)²⁹.

Среди педагогов больше всего аудиторных часов имел Ян Минчжай, и именно он произвел самое глубокое впечатление на своих учеников. Цао Цзинхуа (曹靖华), ученик Школы, спустя десятилетия, вспоминал: «На самом деле для нас существовал только один так называемый “иностраный язык” — русский. И только один учитель — Ян Минчжай»³⁰. Во время своего пребывания в Школе иностранных языков Ян Минчжай часто засиживался допоздна, чтобы систематизировать конспекты лекций и переводить рукописи, а иногда посещал собрание партийной ячейки, проводимое Чэнь Дусю в доме 2 Юябли. Он был очень занят на работе, но находил время, чтобы сходить на

²⁷ 李瑛 [Li Yang]. 关于老渔阳里 2 号开发与保护的历史考察 [Guan yu lao Yuyangli 2 hao kai fa yu bao hu de li shi kao cha] [Ли Ян. Историческое исследование о развитии и защите Дома 2 Старого Юябли] // 上海党史与党建 [Shanghai dang shi yu dang jian]. 2019. № 11. P. 9–14.

²⁸ Специалист по истории КПК Ляо Син отмечает: «Ученики Школы иностранных языков и эксперт эсперанто 斯托比尼, Цинь Баопу (Qin Baoru) и Ляо Гэпин (Liao Geping) отправились в СССР по рекомендации 斯托比尼. Въезжая в СССР, они показали рекомендательное письмо от Стобини, связались с местным эсперанто-обществом, получили помощь и, наконец, приехали в Москву учиться в китайской группе Коммунистического университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина». 斯托比尼 (Стобини) — китайская транслитерация, его точные имя и фамилия неизвестны.

²⁹ “外国语学校”: 我党第一所培养革命干部的学校 [“Wai guo yu xue she”: Wo dang di yi suo pei yang gan bu de xue xiao] [«Школа иностранных языков»: Первая школа КПК по подготовке революционных кадров]. — URL: http://www.81.cn/j-s/2021-04/13/content_10020981.htm (дата обращения 01.06.2022).

³⁰ 党史镜报: 为啥这里成为党创办的第一所培养干部的学校? [Dang shi jing bao: Wei sha zheli chengwei dang chuanguan de di yi suo peiyang ganbu de xuexiao] [Зеркало истории партии. Почему она стала первой школой, основанной партией для подготовки кадров?] // 澎湃. 13.10.2020. — URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_9552175 (дата обращения 16.07.2022).

фабрику для общения с рабочими и подготовки к созданию комитета рабочего движения. Ян Минчжай жил в доме 6 Юяли и знал успеваемость каждого ученика. Он помогал Бао Хуэйсену (包惠僧) отбирать способных учеников для обучения в Москве и максимальнововлекал их в Социалистический союз молодежи.

Ян Минчжай родился в крестьянской семье в уезде Пинду провинции Шаньдун в 1882 г. В 1901 г. он последовал за своими соотечественниками в Россию, чтобы заработать на жизнь. Во время своего пребывания в России он участвовал в местном рабочем движении и стал лидером китайских рабочих. Весной 1920 г. Ян Минчжай приехал в Пекин в качестве переводчика и помощника Войтинского. Цель этой поездки — изучить развитие китайского революционного движения и «установить связи с лидерами китайского коммунистического движения».

В Шанхае Чэнь Дусю неоднократно собирал интеллектуалов социалистических убеждений для бесед с Войтинским. Ян Минчжай участвовал в этих собраниях и рассказывал об Октябрьской революции в России и международном коммунистическом движении. После очередного обмена мнениями все признали, что «в Китае уже есть условия для создания Коммунистической партии». В результате Чэнь Дусю инициировал деятельность по созданию партии, ядром которой должна была стать Ассоциация марксистских исследований. Ян Минчжай также участвовал в Ассоциации марксистских исследований и, в свою очередь, стал важным «посредником» для общения с международным коммунистическим движением. В июле 1920 г. Ян Минчжай основал Русско-китайское коммуникационное агентство в Юяли. Агентство собирало и компилировало информационные бюллетени из России, а также новости из Великобритании, США и других стран, переводило их на китайский язык и рассылало более чем в 30 газет и журналов по всей стране. Благодаря эффективной работе Агентства только в местных газетах Шанхая были опубликованы тысячи заметок, пропагандирующих русскую революцию.

В августе 1920 г. был создан Шанхайский социалистический союз молодежи, секретарем которого стал Юй Сюсун, а Ян Минчжай руководил работой Союза от имени партии. В ноябре 1920 г. в соответствии с принципом «организации настоящей рабочей группы» был создан первый профсоюз, возглавляемый партийной организацией, — Шанхайский профсоюз машиностроителей, за его руководство отвечал Ли Чжон (李中). Как почетный член профсоюза, Ян Минчжай участвовал в создании профсоюза и выступал на его собраниях. Он разъяснял общественности, «почему должны быть организованы профсоюзы машиностроителей», почему следует про-

свещать рабочий класс и организовать широкий спектр органов для борьбы за его права. Создание Шанхайского профсоюза машиностроителей ознаменовало новый этап в организации партий рабочего движения. Развитие рабочего движения заложило классовую и организационную основу для создания и рождения партии в Шанхае. В декабре 1920 г. Чэнь Дусю покинул Шанхай, а Ян Минчжай стал одним из главных лидеров шанхайской партийной организации. Важная работа в партии в этот период велась, кроме того, Ли Ханьцзюнем и Чэнь Вандао (陈望道).

В 1921 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна направил телеграмму с приглашением делегации КПК участвовать в III Конгрессе Коминтерна. В качестве одного из представителей, назначенных КПК, в СССР отправился Ян Минчжай с письменным отчетом, представленным руководством партии в Коминтерн. Вскоре после закрытия III Конгресса Коминтерна в Шанхае начал работу Первый съезд КПК. Ян Минчжай не имел возможности присутствовать на съезде КПК³¹, будучи в Москве, но вскоре вернулся в Китай. Весной 1930 г. Ян Минчжай был вновь направлен в СССР. Он написал доклад объемом более 80 страниц с целью объяснить Коминтерну свои взгляды на китайскую революцию, на планы преобразования Китая, чтобы изменить сформировавшееся ранее отношение к китайской революции. Но эти откровенные заявления возмутили некоторых лидеров Третьего Интернационала. Весной 1930 г. Ян Минчжай был заключен в тюрьму. В течение следующих восьми лет он работал в различных местах, в том числе в Москве, несколько раз направлялся в Хабаровск. В мае 1938 г. он был арестован и расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. В 1989 г. Центральный комитет КПСС реабилитировал Ян Минчжая, а в августе 1989 г. китайское управление по гражданским делам объявило его революционным мучеником³².

Школа иностранных языков публиковала объявления о приеме учеников из числа активистов, в основном из первых групп КПК или союза молодежи. Эти ученики в основном изучали русский язык и марксистскую литературу, чтобы подготовиться к поездке в СССР³³.

³¹ 忻平, 杨阳 [Xi Ping, Yang Yang]. 华侨杨明斋与中国共产党的创建 [Hua qiao Yang Mingzhai yu Zhongguo Gongchandang de chuang jian] [Су Пин, Ян Ян. Китайский эмигрант Ян Минчжай и основание КПК] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 2021.

³² 王晶晶 [Wang Jingjing] “中国共青团” [“Zhongguo gongqingtuan”] [Ван Цзинцзин. Китайский коммунистический союз молодежи]. 北京: 中国共青团. 2022年. 第3期.

³³ 李婷 [Li Ting] 上海市中心的这条弄堂, 见证了党史上的诸个“第一” [Ли Тин. Этот переулок в центре Шанхая стал свидетелем «первых событий» в истории КПК] // 文汇报 [Wen hui bao]. 05.07.2021.

Бесплатное обучение и питание учеников обеспечивал Коминтерн. Начиная с зимних месяцев 1920 г. по июль 1921 г. в Школе иностранных языков прошли обучение 34 ученика, среди них: Лю Шаоци, Ло Цзюэ/Ло Иньун (罗觉/罗亦农), Жэнь Биши, Сяо Цзингуан, Цао Цзинхуа, Пэн Шучжи (彭述之), Ляо Хуапин (廖化平), Бу Шичи (卜士奇), Цзян Гуанци (蒋光慈), Се Вэньцзинь (谢文锦), Чэнь Вэйжэнь (陈为人), Жэнь Юэ (任岳), У Баоа (吴葆萼), Чжоу Чжаоцю (周昭秋), Сюй Чжижэнь (许之桢), У Фань (吴芳), Фу Дацин (傅大庆), Вэй Суюань (韦素园), Юань Даши (袁达时), Кэ Цинши (柯庆施), Ван Шоухуа (汪寿华), Ху Шилян (胡士廉), Лян Ботай (梁柏台), Жэнь Цзуоминь (任作民), Хуа Линь (华林) и др.³⁴

На средства Коминтерна, переданные через Войтинского, они в составе трех групп были направлены на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве. Все они в будущем стали ударной силой китайской революции³⁵.

Об учебной и внеучебной деятельности в Школе

Программа Школы иностранных языков в основном была направлена на изучение основ марксизма и русского языка. Первым учебником марксистской теории, полученным учениками, был «Манифест Коммунистической партии», переведенный Чэнь Вандао (陈望道). Ученики также участвовали в некоторых социальных практиках.

Занятия в Школе иностранных языков проходили в первой половине дня, а во второй половине дня ученики шли на «практику». Она заключалась либо в распространении революционных идей в шанхайской дневной школе для рабочих, которую создали ученики Школы иностранных языков Ли Цихань (李启汉) и Янь Синьмин (严信民), либо в участии в работе на низовом уровне Шанхайского профсоюза машиностроителей, который был основан членом Шанхайского социалистического союза молодежи Ли Чжуном (李中), либо в оказании помощи в редактировании еженедельника «Мир труда» и печати на mimeографе рукописей Китайско-русского информационного агентства³⁶.

³⁴ 何立波, 宋凤英 [He Libo, Song Fengying] “建党建团视阈下‘外国语学社’ 述论” [Хэ Либо, Сун Фэнъин. Исследования о “Школе иностранных языков” с точки зрения основания КПК и Союза молодежи] // 青年学报 [Qing nian xue bao]. 2022. № 1. P. 96–104.

³⁵ 李婷 [Li Ting] 上海市中心的这条弄堂 见证了党史上的诸个“第一” [Ли Тин. Этот переулочек в центре Шанхая стал свидетелем «первых событий» в истории КПК] // 文汇报 [Wen hui bao]. 05.07.2021.

³⁶ 俞可, 冷云红, 李燕楠: 留学救国的青春篇章 [Ю Кэ, Лен Юньхун, Ли Яньнань. Заметки о молодежи, обучавшейся за границей ради спасения страны] // 中国青年

Будучи директором Школы иностранных языков, Ян Минчжай отвечал за все стороны работы школы. Иногда он читал лекции по утрам, а во второй половине дня собирал проживающих в Школе учеников, чтобы участвовать в работе еженедельника «Мир труда» — отправлять и получать корреспонденцию, писать и корректировать тексты, помогать в библиотеке³⁷.

Во время учебы в Школе иностранных языков Лю Шаоци часто находил время для чтения журналов «Новая молодежь», «Просвещение», приложения к шанхайской газете «Ежедневник Китайской республики» и приложения «Сюэдэн» к газете «Новости текущих событий». Он также со словарем переводил и вычитывал рукописи для Китайско-российского информационного агентства под руководством Ян Минчжая и помогал в редактировании еженедельника «Мир труда»³⁸.

После занятий некоторые молодые люди также участвовали в транспортировке и распространении пропагандистских листовок.

Юяньли действительно является колыбелью китайской революции, здесь зародилось много талантов — целое поколение будущей элиты Китая. Школа иностранных языков подготовила группу выдающихся деятелей китайской революции, которые сыграли важную роль на различных должностях в разные периоды. Среди них: лидеры раннего китайского молодежного и рабочего движения — Юй Сюсон, Жэнь Биши, Ли Цихань (李启汉) и Ван Шоухуа (汪寿华); первые политические активисты КПК — Ло Инон (罗亦农), Ван Ифэй (王一飞), Ву Фан (吴芳) и Жэнь Цзуоминь (任作民); переводчики Се Вэньцзинь (谢文锦) и Фу Даду (傅大度), которые работали у советского военного и политического советника М.М. Бородина и военного советника генерала Галена (В.К. Блюхера) в 1920-е гг.; Чэнь Вэйжэнь, который, боролся за сохранение более 20 тыс. архивных исторических материалов в библиотеке ЦК КПК во время белого террора в Шанхае, не боясь боли, болезней, смерти; Сяо Цзиньгу-

报数字报转载光明网. 29.06.2018. — URL: http://theory.cyol.com/content/2018-06/29/content_17337409.htm (дата обращения 16.07.2022)

³⁷ 李忠义 [Li Zhongyi]. 建党功臣杨明斋 — 中国革命的先行者们与哈尔滨 [Jian dang gong chen Yang Mingzhai — Zhongguo ge ming de xian xing zhe men yu Harbin] [Ли Чжонги. Ян Минчжай — герой эпохи создания партии и харбинского этапа подготовки Китайской революции] — URL: <http://www.imharbin.com/post/tag/%E6%9D%A8%E6%98%8E%E6%96%8B> (дата обращения 08.04.2022).

³⁸ 容子 [Ron Ji]. 刘少奇来到上海时, 为何长久凝视 “上海外国语学社” 的牌子? [Liushaoqi lai dao Shanghai shi, weihe changjiu ningshi “Shanghai waiguoyu xue she” de paizi] [Рон Цзы. Когда Лю Шаоци приехал в Шанхай, почему он долго смотрел на вывеску “Школы иностранных языков”?] // 东方网红色之声. 23.09.2020. — URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1678557667906583765&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 16.07.2022)

ан, который овладел военной теорией и командовал сражениями; известные переводчики, писатели и поэты, такие как Цао Цзинхуа (曹靖华), Вэй Суюань (韦素园) и Цзян Гуанби (蒋光萼); юрист Лян Байтай (梁柏台), который вернулся на Родину после учебы в СССР, чтобы руководить судебной сферой в Китайской Советской Республике (1931–1934), он разработал такие документы, как Конституция Китайской Советской Республики, «Правила о браке Советской Республики» и «Конституционный Закон о советском правительстве»; экономист Чжоу Боди (周伯棣), который преподавал на экономическом факультете университета с 1930-х гг. и написал труды «Очерк истории китайского денежного обращения» и «Введение в международную экономику»; в последние годы своей жизни он работал над книгой «История финансов Китая». Лю Шаоци занимал пост заместителя председателя ЦК КПК и председателя КНР. Жэнь Биши был избран членом Политбюро и членом Секретариата после Седьмого съезда КПК. Оба они стали виднейшими представителями поколения руководства ЦК КПК во главе с Мао Цзэдуном и вписали свои имена в славные страницы истории КПК.

Поездка в СССР для обучения

Члены партии, которые учились в Школе иностранных языков, были направлены в СССР после нескольких месяцев обучения русскому языку и политической подготовки³⁹. С зимы 1920 г. по июль 1921 г. 34 студента проходили обучение в составе Китайской группы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ).

Решение о создании КУТВ в апреле 1921 г. принял Центральный комитет РКП(б) для подготовки национальных кадров не только для России и восточных регионов, но и, с учетом особенностей революционного развития стран Востока, — для подготовки кадров для этих стран. «Проложить маршрут» в Советский Союз было поручено Чэнь Вэйжэню, ученику Школы, он приехал первым и должен был подготовить доклад для Конгресса Коминтерна вместе с Чжан Тайлэй (张太雷) и Юй Сюсуном (俞秀松)⁴⁰. Сяо Цзиньгуан вспоминал: «В то время ехать в Россию было нелегко. Приходилось проходить много контрольно-пропускных пунктов и сильно рисковать. Если бы мы были неосторожны, нас бы арестовали и даже могли убить. Чтобы сузить круг задач, мы решили действовать поэтапно. Первая

³⁹ 陆相华 [Lu Xianghua]. 百年沧桑忆明斋 [Bai nian cang sang yi Yang Mingzhai] [Лу Сянхуа. Сто лет превратностей судьбы Ян Минчжая] // 大江南北 [Da jiang nan bei]. 2021. № 3. P. 13–15.

⁴⁰ 何立波 [He Libo] “外国语学社: 中国共产党第一所干部学校办学实践探索” [Хэ Либо. Школа иностранных языков: Практическое изучение первой кадровой школы КПК] // : 教育史研究 [Jiao yu shi yan jiu]. 2020. № 4. P. 36–37.

группа учеников для обучения в СССР отправилась 9 марта 1921 г. Вторая группа из 12 учеников отправилась в апреле, в том числе Ло Иньун (罗亦农), Пэн Шужи (彭述之), Жэнь Цзюминь (任作民), Ван Шоухуа (汪寿华) и другие. В мае более десяти учеников, в том числе Лю Шаоци, Жэнь Биши, Сяо Цзиньгуан, Цзян Гуанчи (蒋光慈) и Кэ Цинши (柯庆施), выехали в составе третьей группы и прибыли в Москву 9 июля того же года»⁴¹.

Приостановка деятельности Школы иностранных языков

Под флагом учебного заведения Школа иностранных языков прикрывала деятельность партийной группы, что в конце концов привлекло внимание властей Шанхайской концессии. 21, 22, 25, 26 и 29 апреля 1921 г. в “Police Daily” полицейского управления неоднократно упоминалось, что «Ли Цихань (李启汉) председательствовал на собрании», а также записывались имена участников собрания — Бао Хуэйсэна и Чэнь Вандао с указанием на то, что «в доме 6 Юяньли находится Школа иностранных языков». 29 апреля полицейское управление Французской концессии провело обыск в Школе и конфисковало несколько листовок и других пропагандистских материалов. Бао Хуэйсэнь вспоминал: «Наконец, они спросили, почему Школа иностранных языков не была зарегистрирована в Министерстве промышленности (муниципальное учреждение, в то время находившееся в концессии). Мы ответили: это все пока находится на подготовительном этапе, мы пройдем регистрационные процедуры, когда будем готовы. Они сделали устное предупреждение и ушли».

Еще в январе 1921 г. преподававшая в Школе учительница русского языка Кузнецова вернулась в Россию со своим мужем Войтинским. Ян Минчжай и Юй Сюсун отправились вместе с учениками в СССР весной 1921 г. В то время Чэнь Дусю находился в Гуандуне, и только Ли Ханьцзюнь работал в Шанхае. «Стало очень трудно поддерживать Школу иностранных языков (центр социалистической деятельности)». Когда глава учреждения уехал в СССР и возникла нехватка педагогов, Чэнь Дусю, Ли Ханьцзюнь, Ян Минчжай и др. решили приостановить работу Школы иностранных языков⁴².

⁴¹ 杨凯 [Yang Kai]. 维经斯基在中共建立中的功与过 [Weijingsiji zai zhong gong jian li zhong de gong yu guo] [Ян Кай. Вклад Войтинского в создание КПК и его ошибки] // 文史天地 [Wen shi tian di]. 2011. № 10. P. 28–30.

⁴² 何立波, 宋凤英 [He Libo, Song Fengying]. 建党建团视阈下“外语学社”述论 [Jian dang jian tuan shi yu xia “Wai guo yu xue she” shu lun] [Хэ Либо, Сун Фэнин. Исследования о “Школе иностранных языков” в контексте основания КПК и Союза молодежи] // 青年学报 [Qing nian xue bao]. 2022. № 1. P. 96–104.

Школа иностранных языков была первой подобного рода школой китайской компартии для подготовки революционных кадров, организованной и основанной Шанхайской коммунистической группой. Хотя Школа иностранных языков существовала менее одного года, она разработала школьную политику, которая сочетала обучение иностранным языкам с марксистско-ленинской подготовкой, освоением революционной теории и революционной практикой. Она стала определенным символом раннего кадрового воспитания КПК. Школа иностранных языков выполнила специальные задачи по организации и обучению молодых членов коммунистической партии в Шанхае и подготовке молодых кадров к обучению в СССР, а также сыграла особую роль в подготовке к основанию КПК.

Члены первой группы китайских революционных кадров не были зрелыми идеологически, до того как они впервые отправились в СССР, но после того, как они близко соприкоснулись с новыми идеями, глубоко их освоили, их революционное сознание быстро окрепло. После возвращения в Китай они энергично пропагандировали марксизм и активно развивали КПК. Они объединили марксистскую теорию с китайской революционной практикой в руководстве китайским рабочим и крестьянским движениями, молодежным движением, женским движением и вооруженной борьбой. Они развили и преумножили организационную мощь компартии, расширили ее политическое влияние, накапливая опыт политической борьбы и повышая организационный потенциал. Среди них появилась группа великих пролетарских революционеров, политиков, военных и дипломатов. В дальнейшем они стали выдающимися лидерами КПК и страны, и их подвиги уходят корнями в обучение в СССР.

Лю Шаоци в речи перед советским народом в Москве в 1960 г. сказал: «Для изучения опыта Октябрьской революции весной 1921 г. я и десятки других членов союза молодежи впервые приехали в СССР. Мы отправились из Шанхая во Владивосток, потом проехали через Читу в Москву». «В то время мы, молодые китайцы, приехали в Советский Союз, чтобы найти правильный путь для китайской революции. Ради великого дела китайской революции некоторые из этих товарищей были отправлены партией обратно на Родину для участия в революционной работе после нескольких месяцев учебы. С начала лета 1922 г. и до конца 1931 г. они все постепенно вернулись на Родину. Эти люди, подобные семенам революции, посеянным на китайской земле, вносят свой вклад в великое дело народного освобождения».

References

曹飞 [Cao Fei]. 上海党史学习教育迅速掀起新热潮 [Shanghai dang shi xue xi jiao yu xu su xian qi xin lang chao] [The Study of the Shanghai Period of the CPC History Gave Rise to a New Hobby] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 24 July, 2021.

陈安杰 [Chen Anjie]. 上海石库门见证建党图景 [Shanghai Shikumen jian zheng jian dang tu jing] [Shanghai's Shikumen Became a Witness of the Foundation of the CPC] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 22 April, 2020.

东城探秘—探访《新青年》编辑部旧址 (陈独秀旧居) [Dong cheng tan mi — tan fang “Xin qing nian” bian ji bu jiu zhi (Chen Duxiu jiu ju)] [Getting to Know Dongcheng. Visiting the Former Editorial Office of the *New Youth* (Chen Duxiu House)]. — URL: <https://news.ifeng.com/c/87olMecn9mSttps://news.ifeng.com/c/87olMecn9mS>

顾杰 [Gu Jie]. 100 年前的秋天, 这些进步青年汇聚在上海这所学校, 他们中走出了不少党和国家领导人 [100 nian qian de qiu tian, zhe xie jin bu qing nian hui ju zai Shanghai zhe suo xue xiao, ta men zhong zou chu le bu shao dang he guo jia ling dao ren] [100 Years Ago, in the Fall, Progressive Young People Gathered at This School in Shanghai, and Many of Them Went on to Become Leaders of the Party and of the Country] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 15 September, 2020.

何立波 [He Libo]. 外语学社: 中国共产党第一所干部学校办学实践探索 [Wai guo yu xue she: Zhongguo Gongchandang di yi suo gan bu xue xiao ban xue shi jian tan suo] [School of Foreign Languages: A Study of the First Cadre School of the Communist Party of China] // 教育史研究 [Jiao yu shi yan jiu]. 2020. N 4. P. 36–37.

何立波, 宋凤英 [He Libo, Song Fengying]. 建党建团视阈下“外语学社”述论 [Jian dang jian tuan shi yu xia “Wai guo yu xue she” shu lun] [Research on the School of Foreign Languages in the Context of Party and Organization Building] // 青年学报 [Qing nian xue bao]. 2022. N 1. P. 96–104.

乐阳 [Le Yang]. 上海建党岁月里的红色学堂. 外语学社一点历史 [Shanghai jian dang sui yue li de hong se xue tang. Wai guo yu xue she — yi dian li shi] [Shanghai's Red School in the Years of the Party Founding: The School of Foreign Languages. A Brief History] // 文汇报 [Wen hui bao]. 30 May, 2019.

李婷 [Li Ting]. 上海市中心的这条弄堂, 见证了党史上的诸个“第” [Shanghai shi zhong xin de zhe tiao nong tang, jian zheng le dang shi shang de zhu ge “di yi”] [The Alleyway in Shanghai's Center Witnessed “First Events” in the History of the CPC] // 文汇报 [Wen hui bao]. 5 July, 2021.

李婷 [Li Ting]. 深藏在上海市中心的这条石库门弄堂, 为何被誉为“红色之源” [Shen cang zai Shanghai shi zhong xin de zhe tiao shi ku men nong tang, wei he bei yu wei “hong se zhi yuan”] [The Alleyway Shikumen, Hidden in in Shanghai's Center, Is Known as the “Source of Red”] // 文汇报 [Wenhui bao]. 4 June, 2021.

李斌 [Li Yang]. 关于老渔阳里 2 号开发与保护的历史考察 [Guan yu lao Yuyangli 2 hao kai fa yu bao hu de li shi kao cha] [A Historical Examination of the Development and Preservation of Old Yuyangli 2] // 上海党史与党建 [Shanghai dang shi yu dang jian]. 2019. N 11. P. 9–14.

李忠义 [Li Zhongyi]. 建党功臣杨明斋—中国革命的先行者们与哈尔滨 [Jian dang gong chen Yang Mingzhai — Zhongguo ge ming de xian xing zhe men yu Harbin] [Yang Mingzhai. A Hero of the Era of the Party Founding and Harbin Stage

of Preparing the Chinese Revolution]. — URL: <https://www.imharbin.com/post/tag/%E6%9D%A8%E6%98%8E%E6%96%8B>

陆相华 [Lu Xianghua]. 百年沧桑忆明斋 [Bai nian cang sang yi Yang Mingzhai] [A Century of Changes in Mingzhai's Memory] // 大江南北 [Da jiang nan bei]. 2021. N 3. P. 13–15.

邵雍 [Shao Yong]. 中国共产党的创立与共产国际 [Zhongguo Gongchandang de chuang li yu Gongchanguoji] [The Founding of the Communist Party of China and the Comintern] // 上海党史与党建 [Shanghai dang shi yu dang jian]. 2019. N 9. P. 3–8.

忻平, 杨阳 [Xi Ping, Yang Yang]. 华侨杨明斋与中国共产党的创建 [Hua qiao Yang Mingzhai yu Zhongguo Gongchandang de chuang jian] [Chinese expat Yang Mingzhai and Founding of the Communist Party of China] // 解放日报 [Jie fang ri bao]. 2021.

徐光寿 [Xu Guangshou]. 维经斯基 1920 年在沪活动寻踪 [Weijingsiji 1920 nian zai hu huo dong xun zong] [Tracing Voitinsky's Activities in Shanghai in 1920] // 新民晚报 [Xin min wan bao]. 2018. N 6. P. 3.

徐行 [Xu Xing]. 留学生对中国共产党创建和发展的杰出贡献 [Liu xue sheng dui Zhongguo Gongchandang chuang jian he fa zhan de jie chu gong xian] [Outstanding Contribution of the Chinese Students Studying Abroad to the Founding and Development of the Communist Party of China] // 神州学人 [Shen zhou xue ren]. 2021. N Z1. P. 11–15.

杨凯 [Yang Kai]. 维经斯基在中共建立中的功与过 [Weijingsiji zai zhong gong jian li zhong de gong yu guo] [Voitinsky's Contribution to the Establishment of the CPC and His Errors] // 文史天地 [Wen shi tian di]. 2011. N 10. P. 28–30.

俞可, 冷云红, 李燕楠 [Yu Ke, Leng Yunhong, Li Yannan]. 留学救国的青春篇章 [Liu xue jiu guo de qing chun pian zhang] [On the Young People Who Studied Abroad to Save the Country]. — URL: https://www.sohu.com/a/238361348_243614

朱少伟 [Zhu Shaowei]. 新渔阳里的外国语学社, 中国共产党最早的人才培训基地 [Xin Yuyangli de wai guo yu xue she, Zhongguo Gongchandang zui zao de ren cai pei xun ji di] [The School of Foreign Languages in New Yuyangli, the Earliest Training Center for the Communist Party of China]. — URL: <https://www.163.com/dy/article/G47TQ89O055040N3.html>

Поступила в редакцию
9 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-145-154

И.Ю.Хрулёва

**РЕГИОНАЛЬНОЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

I.Yu. Khruleva

**REGIONAL AND CENTRAL DIMENSION
OF STATE POLICY OF MEMORY
IN THE LATE SOVIET PERIOD**

Аннотация. В появлении и развитии двух главных позднесоветских проектов мемориальной политики — «Города-герои» и «Золотое кольцо» — было много как различий, так и точек пересечения. Каждый из них апеллировал к определенной выборке регионов, и борьба за включение в проекты представляла собой взаимодействие, а иногда и противостояние акторов союзного, республиканского и регионального уровней. Оба они были «витринными» туристическими маршрутами как для отечественного, так и для зарубежного туризма. Монография Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой «Территория и история: позднесоветские проекты “Города-герои” и “Золотое кольцо”» вносит значительный вклад в изучение двух мемориальных проектов позднесоветского общества, которые дали ему нечто большее, чем новые места памяти и туристические маршруты: они сформировали альтернативные мифы основания, которые конкурировали с основополагающим советским нарративом. Новаторством монографии является постановка задачи найти точки пересечения в истории, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом проектов: работа Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой о том, как общество и власть искали и создавали новые национальные смыслы и ориентиры. Города, отмеченные званием «Городов-героев», стали постепенно соотноситься в публичной исторической памяти с территориями самых главных сражений Великой Отечественной войны, в то время как ряд городов и регионов, которые «выпали» из проекта «Города-герои», оказались и вне программы государственной мемориализации военных со-

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khruleva Irina Yurievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

irinakhruleva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8888-9091

бытий 1941–1945 гг. Вопрос состава и границ также стал одним из ключевых аспектов разработки маршрута «Золотое кольцо». Представители каждой области старались максимально убедительно обосновать необходимость обратить внимание при реализации проекта на тот или иной город или район, так как включение города в маршрут позволило бы соответствующему региону получить дополнительные ресурсы для развития. Авторы монографии подробно останавливаются на взаимовлиянии проектов на уровне нарративов и визуальной составляющей, а также на самопозиционировании территорий, входящих в проекты, и их восприятии.

Ключевые слова: культурная память, политика памяти, коммеморативные практики, «Город-герой», «Золотое кольцо», Великая Отечественная война.

Abstract. The two major late-Soviet memorial policy projects, “Hero Cities” and “Golden Ring”, had many differences as well as points of intersection in terms of their emergence and development. Each of them appealed to a specific sample of regions, and the struggle for inclusion in the projects was fought at the union, republican, and regional levels. Both were “showcase” destinations for domestic and foreign tourism. E.M. Boltunova and G.S. Yegorova’s monograph “Territory and History: Late Soviet Projects *Hero Cities* and *Golden Ring*” makes a significant contribution to the study of two memorial projects of late Soviet society, which provided for it more than new places of memory and tourist routes: they formed alternative foundation myths that competed with the underlying Soviet narrative. The novelty of the monograph is the task of finding points of intersection in the history of seemingly completely unrelated projects: E.M. Boltunova and G.S. Yegorova’s work is about how society and power searched for and created new national meanings and reference points. The cities marked with the title of “Hero Cities” began to be gradually correlated in public historical memory with the territories of the most important battles of the Great Patriotic War, while a number of cities and regions that “fell out” of this project found themselves outside the program of state memorialization of the war 1941–1945. The issue of composition and boundaries also became one of the key aspects of the Golden Ring route development. Representatives of each region tried to justify as convincingly as possible the necessity to pay attention to this or that city or district when implementing the project, as the inclusion of a city in the route would allow the corresponding region to get additional resources for development. The authors of the monograph dwell in detail on the mutual influence of the projects at the level of narratives and visual components, as well as on the self-positioning of the territories included in the projects and their perception.

Keywords: cultural memory, politics of memory, commemorative practices, Hero City, Golden Ring, the Great Patriotic War.

* * *

За последние десятилетия в нашей стране история памяти превратилась в самостоятельную область исторической науки. Появляется все больше интересных исследований по истории отдельных мемориальных проектов, которые изучены как с точки зрения

государственной политики памяти, так и с точки зрения «низовой инициативы»¹. Исследование политики памяти сопровождается интенсивным обогащением методологического инструментария изучения данной проблематики. Большая часть этих исследований выполнена специалистами в области политологии, социологии и антропологии, и в этой связи нельзя не приветствовать работу историков Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой, в центре внимания которых сразу два позднесоветских проекта — «Золотое кольцо» и «Города-герои»². Стремление не только понять процесс формирования и развития проектов, но и оспорить конвенциональные положения, связанные с их историей, придает этой книге актуальность.

Новаторством можно признать постановку задачи найти точки пересечения в истории, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом проектов. Оба представляют собой территориальные общности Центральной России, а также отдельных городов Украины и Белоруссии. История проектов по отдельности уже становилась предметом исследования отечественных и зарубежных историков, однако их изучение, преимущественно строилось вокруг истории конкретных городов³. Несмотря на то что за последнее время появились работы, авторы которых предприняли попытку реконструировать историю проектов комплексно⁴, представленной монографии есть чем удивить читателя. Во-первых, новой оптикой, которая ставит под сомнение привычное: авторы книги задаются вопросом, что, если выборка городов-героев зависела от общественного запроса (и усилий локальных акторов), а вхождение территорий в маршрут «Золотое кольцо» было частью большого государственного проекта и не связано с интенцией журналиста Юрия Бычкова? Кроме этого, авторы во многом отталкиваются не от привычного хронологии «рас-

¹ Политика памяти в России — региональное измерение / Под ред. А.И. Милера и др. М., 2023.

² Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.

³ Аксёнова А.И. Суздаль. XX век: Страницы истории. Владимир, 2003; Вакарчук А.Ю. Туристический маршрут «Золотое кольцо» и Ивановская область: как все начиналось (конец 1960-х—1970-е гг.) // Труды Ивановского областного краеведческого общества / Под ред. К.Е. Балдина, В.В. Возилова. Вып. 1. Иваново, 2018. С. 128–135; Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, 2018; Qualls K. D. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, 2010.

⁴ Pattle Sh. Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union // The Slavonic and East European Review. 2018. Vol. 96. N 2. P. 283–309; Mijnsen I. Russia's Hero Cities: from Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy. Bloomington, 2021; Понов А.Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 70–87.

ширения» проектов, а «проблематизируют отсутствие» территорий, которые, по определенным причинам, оказались аутсайдерами. Авторам удалось пересмотреть даже хронологию появления проектов: выйдя далеко за пределы не только конвенциональных 1960-х и периода Великой Отечественной войны, им удалось обнаружить формирование проектов на уровне ментальной географии еще в конце XIX в. И, бесспорно, самым большим достижением книги стала гипотеза о том, что два мемориальных проекта дали позднесоветскому обществу нечто большее, чем новые места памяти и туристические маршруты — они сформировали альтернативные мифы основания, которые конкурировали с основополагающим советским революционным нарративом. В конечном итоге, работа Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой — о том, как социум и власть искали и создавали новые национальные смыслы и ориентиры, которые и в настоящий момент определяют российского человека.

Для того чтобы изучить проекты в компаративном ключе, авторы книги посетили тридцать центральных и региональных архивохранилищ России и Республики Беларусь и привлекли источники самого широкого спектра — от законодательных актов и делопроизводственной документации до прессы, эго-документов и источников визуального ряда. В архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Владимира, Волгограда, Воронежа, Иваново, Костромы, Курска, Мурманска, Нижнего Новгорода, Орла, Симферополя, Смоленска, Тулы, Ярославля были проанализированы законодательные акты Верховного Совета СССР, материалы протоколов и постановлений Совета Министров РСФСР и СССР, Министерства культуры РСФСР, материалы фондов центральных и областных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), обкомов и горкомов КПСС, источники личного происхождения, а также материалы, связанные с подготовкой к путешествию Александра III по центральным регионам России в 1881 г. и организацией празднования 300-летия династии Романовых в 1913 г. Большое внимание в книге отводится анализу общественного восприятия презентационных моделей через эго-документы (телеграммы и письма в центральные и региональные органы власти, книги отзывов музеев и др.). Выгодным дополнением к архивным источникам можно считать использование материалов интервью наших соотечественников и иностранцев, которые в советский период путешествовали по маршруту «Золотое кольцо». Многие привлеченные источники (как региональные материалы, так и документы центральных архивохранилищ) впервые вводятся в научный оборот.

Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. Первые две главы посвящены становлению каждого из проектов в отдельности. В появлении и развитии проектов много различий, при этом авторы книги обращают внимание читателя и на их точки пересечения. Начальным этапом для двух проектов стал период Великой Отечественной войны. Каждый из них апеллировал к определенной выборке регионов, и борьба за включение в проекты представляла собой взаимодействие, а иногда и противостояние, акторов союзного, республиканского и регионального уровней. Очень важно, что авторы смогли раскрыть, что на включение/исключение территорий оказывали влияние не только партноменклатура, но и другие институции, одной из которых было Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Авторы монографии ставят интереснейший вопрос о критериях отбора того или иного города для советского проекта «Город-герой» и справедливо отмечают, что «вопрос о содержательной стороне выборки и о причинах наделения статусом именно этой группы городов в литературе никогда не ставился. В частности, до настоящего момента не проводился анализ того, как именно символический капитал проекта «Города-герои» распределялся между тремя республиками СССР — РСФСР, УССР и БССР⁵. Ведь современники «без труда могли перечислить десятки городов, которые месяцами оборонялись и были практически стерты с лица земли, но не попали в этот список. Даже бывшие у всех на слуху Смоленск, Курск, Ржев или Воронеж в этом контексте никогда не фигурировали» (с. 22).

Города, отмеченные званием «Городов-героев», стали постепенно соотноситься в публичной исторической памяти с территориями самых главных сражений Великой Отечественной войны. В этой связи авторы монографии обращают внимание на изменения в изложении материала по теме Великой Отечественной войны в советской учебной литературе: «в середине 1970-х гг. в самом обобщенном рассказе из школьного учебника война представлялась цепью трагических и одновременно героических событий — они начинались от стен Брестской крепости, разворачивались у Москвы, в Севастополе, Ленинграде, Сталинграде, а затем — за пределами СССР» (с. 9).

«По сути, с середины 1960-х гг. повествование о Великой Отечественной войне оказывалось в значительной степени обусловлено развитием проекта «Города-герои». Присвоение статуса очередной территории вело к корректировке нарратива, при этом города, по-

⁵ Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Указ. соч. С. 9. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

падавшие в поле зрения авторов учебных текстов ранее, но оказавшиеся вне наградной повестки, последовательно вытеснялись из повествования» (с. 10).

Ряд городов и регионов в советскую эпоху — в силу ряда причин, на которых подробно останавливаются авторы монографии — просто «выпали» из проекта «Города-герои» и, шире, государственной мемориализации событий Великой Отечественной войны. В этом отношении показательна история Воронежа, «который в советских учебниках истории 1950-х гг. упоминали рядом со Сталинградом — настолько схожи были два города по длительности развернувшихся здесь сражений, формам осады и чудовищному уровню разрушений. Воронеж, осажденный во время войны румынскими и венгерскими частями, устраивавшими здесь дикие карательные акции (пытки гражданского населения, расстрел раненых и больных психиатрической клиники и др.), в послевоенный период оказался вне большого нарратива о войне» (с. 118). Дело в том, что советское руководство стремилось позиционировать страны социалистического лагеря — Румынию и Венгрию — как пространства антифашистской борьбы, и государственная мемориализация событий в Воронеже вступала бы в явное противоречие с этой тенденцией.

Вопрос состава и границ проекта также стал одним из ключевых аспектов, который обсуждался во второй половине 1960-х гг. в связи с открытием маршрута «Золотое кольцо». Действительно, в Московской, Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областях было множество древних городов с важными для истории страны памятниками. Представители каждой области старались максимально убедительно обосновать необходимость обратить внимание при реализации проекта на тот или иной город или район, так как включение города в маршрут позволило бы соответствующему региону получить дополнительные ресурсы для развития (с. 167). Авторы монографии задаются вопросом, почему из множества городов Центральной России, имеющих уникальные памятники, «флагманским» городом-музеем стал именно Суздаль, и дают на него развернутый ответ. Повествование о проекте «Золотое кольцо» начинается с письма академика Петра Капицы 1945 г., адресованного секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову под заголовком «Меморандум о памятниках старины Владимирской области». Пораженный величием древней архитектуры Суздаля, Капица одновременно был шокирован состоянием, в котором она находилась. «Примечательно, что декларацию о необходимости вернуть историческое наследие страны из небытия, осознать его значение, изучить, полю-

бить, и, наконец, больше никогда не терять, Капица выстраивал на апелляциях к едва закончившейся войне. “Ведь немцев «победили... продолжая лучшие традиции русского полководчества», — писал ученый” (с. 122). Эта апелляция к Великой Отечественной войне, по мнению авторов монографии, была совсем не случайной, так как «война изменила официально декларируемую позицию государства в отношении сохранения памятников прошлого. Примечательно, что понятие “зверства немецко-фашистских захватчиков”, широко использовавшееся в советский период, впервые прозвучало лишь спустя полгода после начала войны, в ноте народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова от 6 января 1942 г., появившейся в связи с разрушением немцами усадьбы Л.Н. Толстого Ясная Поляна. В ноте Молотова среди перечисленных чудовищных случаев убийств и сожжения заживо жителей городов и деревень, а также указаний на грабежи и подрывы промышленных объектов вдруг появилась и зазвучала история про наследие России, его ценность и боль от его утраты» (с. 125).

Суздаль стал идеальным выбором в качестве «флагманского» города «Золотого кольца» в силу целого ряда причин: он расположен недалеко от Москвы, что делало его доступным для туристов; свою роль сыграла активная общественная позиция ученых, занимавшихся историей древнерусского искусства. «Историки, архитекторы, реставраторы, художники использовали отсылки к факту разрушения памятников в годы войны в качестве довода о необходимости сохранить то, что чудом осталось незатронутым. Безусловно, важным аспектом стал и выразительный городской ландшафт Суздаля, сочетающий в себе камерность пространства, многочисленные памятники архитектуры и уютные деревянные домики на фоне природы среднерусской полосы» (с. 134).

Авторы монографии отмечают особый, привилегированный статус Владимирской области, даже с точки зрения получения и распределения ресурсов от туризма, внимательно проанализировав объемы капиталовложений в область и освоение ею средств (с. 189). Однако особый статус «обеспечил этом региону и определенные трудности. Рост интереса к прошлому страны и развитие туризма проходило в одно время с развертыванием целого ряда других советских проектов, одним из которых была хрущевская антирелигиозная кампания. Это породило прямое столкновение двух тенденций: путешествия по Центральной России были выстроены вокруг памятников древнерусской храмовой архитектуры, которые, по мнению органов атеистической пропаганды, были очагом распространения религиозности» (с. 194).

В отличие от жителей Владимирской области, ярославцы, например, отвоевывали себе место в проекте за счет инициативности местной администрации и общественных организаций. Ярославль сделал ставку на активность, формирование и продвижение собственного бренда. В 1970-е гг. туризм в Ярославской области активно развивался и к концу десятилетия стал важной отраслью экономики области (с. 200–201).

Как поясняют авторы во введении к книге, два проекта «рассматриваются в едином социально-политическом контексте. Эта оптика позволила установить, что проекты разворачивались в рамках зачастую схожих политических задач и в долгосрочной перспективе воздействовали друг на друга» (с. 15). Взаимовлиянию проектов посвящена третья глава книги. Оба они были «витринными» туристическими маршрутами как отечественного, так и зарубежного туризма. Кроме этого, авторы подробно останавливаются на взаимовлиянии проектов на уровне нарративов и визуальной составляющей, а также на самопозиционировании территорий, входящих в проекты, и их восприятию. Отметим, что сближение проектов проводится в книге осторожно, без искусственного связывания и поиска надуманных точек пересечения. При этом проекты представлены не как противоположности, а как взаимосуществующие альтернативы советскому «мифу основания», связанному с революцией, которые с определенного момента составили ему существенную конкуренцию.

Детально рассматривая туристический потенциал двух проектов позднесоветского периода и сравнивая значение флагманов каждого из них (Волгограда и Суздаля), авторы монографии приходят к интересному выводу о том, что «в идеализированном, развернутом в сторону иностранного наблюдателя образе советской страны и Суздаля, и Сталинграду (Волгограду) отводилась своя роль. Город-музей и город-герой по сути являлись городами-памятниками, основной задачей которых было вызвать у посетителей ощущение полного погружения в пространство памяти: для гостей Сталинграда это была трансгрессия в подвиг советского народа, для туристов в Суздале — путешествие в русскую сказку. Еще в конце войны оба города фактически стали музеями — военной славы и русского искусства. В последующие десятилетия, находясь на разных полюсах восприятия (мощь и размах vs камерность и аутентичность) и отвечая за разные аспекты презентации (память о войне vs дореволюционное наследие страны), Сталинград (Волгоград) и Суздаль часто оказывались вместе» (с. 238–239).

Последняя глава посвящена «прошлому и будущему» проектов. Анализ имперских корней маршрута «Золотое кольцо» — один из самых интересных и глубоких в работе. Однако изучение поездки последнего императора по городам будущего «кольца» кажется недостаточным, хотелось бы, чтобы авторы подробнее раскрыли перенесение имперских ассоциаций на позднесоветский маршрут. Хотелось бы пожелать авторам развернуть в будущем этот прекрасный раздел в самостоятельное исследование. Изучение трансформаций проектов в постсоветский период придает работе законченный, цельный характер.

У книги «Территория и история» множество сильных сторон, среди которых не только постановка новых исследовательских вопросов, привлечение впечатляющего спектра материалов центральных и региональных архивохранилищ, а также использование новых методологических подходов (истории эмоций, истории памяти, ментальной географии и пр.). Все выводы авторов книги фундированы и обоснованы, опираются на глубокий анализ и прекрасное знание как первоисточников, так и отечественной и зарубежной литературы.

Представляю к рецензированию монографию можно смело рекомендовать для чтения самой широкой публике: как представителям академического сообщества, так и всем интересующимся отечественной историей. Нет сомнений, что книга будет востребована еще многие годы, а результаты, полученные в ходе исследования станут отправной точкой для работ последователей.

References

Aksyonova A.I. *Suzdal'. XX vek: stranitsy istorii* [Suzdal. The 20th Century: Pages of History]. Vladimir: Arkaim, 2003. 288 p.

Boltunova E.M., Yegorova G.S. *Territoriya i istoriya: posledniye sovetskiye proyekty "Goroda-geroi" i "Zolotoye kol'tso"* [Territory and History: Late Soviet Projects of Hero Cities and Golden Ring]. Moscow: Kuchkovo pole, 2022. 400 p.

Davis V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City*. London: I.B. Taurus, 2018. 368 p.

Mijnssen I. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 332 p.

Pattle Sh. *Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union // The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. N 2. P. 283–309.

Politika pamyati v Rossii — regional'noye izmereniye [Memory Policy in Russia. Regional Dimension] / Ed. by A.I. Miller et al. Moscow: INION RAN, 2023. 471 p.

Popov A.D. "Sozvezdiye vechnoy slavy": goroda-geroi Sovetskogo Soyuzha v geograficheskom i simvolicheskom prostranstve ["Constellation of Eternal Glory": Hero Cities

of the Soviet Union in Geographical and Symbolic Space] // *Novoye proshloye / The New Past*. 2019. N. 2. P. 70–87.

Qualls K.D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press, 2010. 232 p.

Vakarchuk A.Yu. *Turisticheskiy marshrut “Zolotoye kol'tso” i Ivanovskaya oblast': kak vsyo nachinalos' (konets 1960-kh — 1970-ye gg.)* [Tourist Route “Golden Ring” and Ivanovo Region: How It All Began (Late 1960s — 1970s)] // *Trudy Ivanovskogo oblastnogo krayevedcheskogo obshchestva* [Proceedings of the Ivanovo Regional Local Lore Society] / Ed. by K.E. Baldin, V.V. Vozilov. Issue 1. Ivanovo: IGIKM im. D.G. Burylina, 2018. P. 128–135.

Поступила в редакцию
3 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-155-174

А.П. Салиенко

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА
«КОНЬ»/«ЛОШАДЬ» В РУССКОМ ИСКУССТВЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: «ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ»
И «ВСЕ МЫ НЕМНОГО ЛОШАДИ»**

A.P. Salienko

**SEMANTICS OF THE CONCEPT OF “STEED”/“HORSE”
IN THE RUSSIAN ART OF THE FIRST THIRD OF THE
20th CENTURY: “A HORSE AS A HORSE” AND “WE ARE
ALL A LITTLE BIT HORSES”**

Аннотация. Статья является продолжением исследования роли художественного образа в русском искусстве первой трети XX в. и ставит целью изучение концепта «конь»/«лошадь» в искусстве 1900–1920-х гг. Интерес представляет семантическое значение художественного образа в его эволюции — с начала революционных преобразований в русском искусстве до изменений, произошедших после 1917 г. Опорой для исследования во многом является художественная литература, в которой образ лошади оказался сформирован наиболее полно. Многомерность семантических отношений в границах синонимической парадигмы с общим значением «лошадь» рассматривается в статье на материале изобразительного искусства. Исследуется многообразие художественных ролей, символических и семантических функций, которыми в искусстве определенного периода наделялся образ лошади, а также выявляется специфика этих ролей в зависимости от художественного замысла. Отождествление и узнавание образа происходит на разных уровнях — содержательное наполнение концепта не раскрывается только через сюжет, возможны также неожиданные семантические ассоциации, подсказанные художнику визуальным, житейским, интеллектуаль-

Салиенко Александра Петровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Salienko Aleksandra Petrovna, PhD Candidate in Art Criticism and History, Associate Professor, Department of History of Russian Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

alsalienko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9421-475X

ным, эмоциональным опытом или творческой интуицией. В этом контексте вынесенные в заглавие статьи цитаты маркируют два основных понятия: «лошадь как лошадь» (В. Шершеневич) актуализирует прямое значение «лошадь как животное», а «все мы немножко лошади» (В. Маяковский) является зоометафорой, определяющей внутреннее состояние человека. На данном этапе исследования можно выделить пять основных разделов, позволяющих структурировать и упорядочить рассматриваемый в работе набор произведений, содержащих изображение лошади (коня): деревня, город, всадник, Апокалипсис, историческое событие (в нашем случае — Гражданская война и коллективизация). Для того чтобы во всей полноте понять специфику семантического наполнения образа лошади в искусстве обозначенного времени, необходимо произвести дополнительные исследования. Пока же предлагаемый текст не может претендовать на исчерпывающее решение поставленной проблемы, но намечает векторы, позволяющие продолжить ее изучение.

Ключевые слова: художественный образ, авангард в искусстве, искусство и революция, советское искусство, образ коня, образ лошади.

Abstract. The article continues the research on the artistic image in the Russian art of the first third of the 20th century and aims at studying the concepts of “steed”/“horse” in the art of the 1900s–1920s. From the beginning of revolutionary transformations in Russian art to the changes after 1917, the semantic meaning of the artistic image in its evolution is of particular interest. The basis for the study is largely fiction, in which the horse image was formed most fully. The multidimensionality of semantic relations within the boundaries of the synonymic paradigm with the general meaning of “horse” is examined in the article on the material of fine arts. The author studies the diversity of artistic roles, symbolic and semantic functions, which were given to the horse image in the art of a certain period and reveals the specificity of these roles depending on the artistic concept. Identification and recognition of the image occurs at different levels. The content of the concept is not revealed only through the plot. Unexpected semantic associations, suggested to the artist by visual, worldly, intellectual, emotional experience or creative intuition, are also possible. In this context, the quotations in the title of the article mark two main notions: “a horse as a horse” (V. Shershenevich) actualizes the direct meaning of “a horse as an animal”, and “we are all a little bit horses” (V. Mayakovsky) is a zoometaphor defining the inner state of a person. At this stage of the study, we can distinguish five main sections that allow us to structure and order the set of works containing the horse image: a village, a city, a rider, Apocalypse, a historical event (here the Civil War and collectivization). In order to fully understand the specifics of the semantic content of the horse image in the art during the study period, it is necessary to carry out some additional research. So far, the proposed text cannot claim to be an exhaustive solution to the problem, but outlines the vectors that allow us to continue its study.

Keywords: artistic image, avant-garde in art, art and revolution, Soviet art, horse (steed) image.

Обращение к данной теме стало продолжением изучения авто-роли роли художественного образа в советском искусстве 1920-х гг. на примере трамвая и трактора¹, рядом с которыми так или иначе неизбежно появлялась лошадь — в первом случае как средство передвижения в городе, которому на смену приходит трамвай, во втором — как рабочая сила в деревне, замещенная трактором (его еще называли «механическим конем»). В обстоятельствах, когда лошадь уступает место машине, этот сюжет наделяется трагическим подтекстом, поскольку животное, предназначением которого на протяжении многих веков было служить человеку, становится ему больше ненужным. Выстраивая логическую импликацию по принципу «если... то», к изображению трактора мы применяли понятие минус-прием и толковали его как отсутствие образа; изображение лошади, напротив, может говорить о максимальной его насыщенности. Машины — и трамвай, и трактор — «оживлялись» воображением человека (бегущий, сверкающий глазом, «покачивающий бедрами» трамвай; мерзнувший, голодающий, обижающийся, пыхтящий и даже произносящий речь трактор). Лошадь же сама по себе является живым существом, с которым человек находится в настолько близких отношениях, что порой узнает себя в ней, как это происходит в прочувствованном стихотворении Владимира Маяковского 1918 г., где «хорошее отношение к лошадям» становится мерилom человечности и милосердия². Отождествляя себя с упавшей и плачущей от бессилия лошадью, лирический герой Маяковского ощущает «звериную тоску» и утешает страдающее животное словами: «Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь». Самые удачные рисунки к стихотворению принадлежат Александру Тышлеру, буквально проиллюстрировавшему приведенную выше фразу³. Для нас, в свою очередь, наблюдение поэта является своего рода триггером, запускающим процесс осмысления проблематики,

¹ Салиенко А.П. «Заблудившийся трамвай» в советском искусстве 1920-х гг. // Русское искусство II. Неучтенные детали. СПб., 2020; Салиенко А.П. «Ваше слово, товарищ трактор!». Минус-прием в структуре художественного образа в искусстве пореволюционной эпохи // Русское искусство и архитектура IV. Структуры и личности. СПб., 2023.

² Ср.: «В те дни человек оказался крепче лошади. Лошади падали на улицах, дохли и усеивали своими мертвыми тушами мостовые. <...> Число лошадиных трупов, сосчитанных ошалевшим глазом, раза в три превышало число кварталов от нашего Богословского до Красных ворот» (Мариенгоф А. Роман без вранья. Л., 1927. С. 43–44). Речь идет о 1919 г.

³ А. Тышлер. Илл. к стих. В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», 1936.

связанной с образом лошади в изобразительном искусстве интересующего нас времени.

Цитата из стихотворения Вадима Шершеневича вынесена в заглавие статьи также с определенным умыслом. «Лошадь как лошадь» — так называется сборник его стихов 1919 г., и в вошедшем в него стихотворении «Принцип басни» поэт сравнивает себя с лошадью. По поводу другого, вышедшего в 1922 г., сборника имажинистов «Конский сад» Иван Грузинов писал: «Главенствующий образ — эмблема имажинистов — конь. Кобыла, мерин, жеребенок, лошадь, конь, пегас — целое имажинистическое коннозаводство <...> у Мариенгофа так много конского, что пересчитать всех его коней нет никакой возможности. Они не только в конюшне, они где угодно: в воздухе, на небе; и ему все еще мало...»⁴. В статье, озаглавленной «Футуризм без маски», Шершеневич объяснял основной принцип имажинистов: «В поэзии есть только форма; форма и является содержанием... содержание это только удобный предлог для того, чтобы создать форму. Форма же есть самоцель»⁵. С точки зрения имажинистов, законы нового мира устанавливает сам поэт, предлагающий читателю задачу обнаружить внутреннюю форму образа. Хотя мы не планируем сравнивать кого-то из художников с имажинистами, но сама идея сопоставления несопоставимого, фрагментарности текста, доминирования в нем метафоры и «преобладания образа над сюжетом»⁶ представляется нам заслуживающей внимания. К примеру, обращение к изображению лошади у П. Филонова показывает его интерес к приемам кубизма и футуризма, оспариваемым им в теоретических работах⁷.

Выбор определенного хронологического периода — первая треть XX в. — объясняется тем, что именно с начала столетия мы видим перемены, происходившие в искусстве. Наверное, не случайно водораздел двух эпох проходит по двум известным нам «купаниям» — написанному с «толстовской» убедительностью «Купанию лошади» В. Серова (1905, ГРМ) и «Купанию красного коня» К. Петрова-Водкина (1912, ГТГ), в «простой и властной огненности» ко-

⁴ Грузинов И. Конь. Анализ образа // Гостиница для путешествующих в прекрасном. 1924. № 4. С. 8.

⁵ Шершеневич В. Футуризм без маски. М., 1913. С. 56.

⁶ См.: Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С. 216.

⁷ П. Филонов. «Формула городского» (1912–1913, ГРМ), «Масленица» (1913–1914, ГРМ), «Волхвы» (1914, ГРМ) и др. Рядом мы можем поставить такие работы как: Альберт Глез. «La Chasse» (Охота) (1911, частн. собр.), показана на выставке «Бубновый валет» в 1912 г.; Жан Метценже. «Женщина с конем» (1911–1912, Нац. галерея Дании, Копенгаген); Карло Кара. «Красный всадник» (1913, Музей Новеченто, Милан).

того современники увидели «замерцавший» грядущий перелом в русском искусстве, «через войну» в особенности ощущавшийся как решительно-необходимый⁸. Изображение лошади в искусстве первых трех десятилетий XX в. можно рассматривать как многократно закодированный текст, при этом иной раз кажущееся закономерным оборачивается неисчерпаемым. Верный конь пускается вместе с художником в авантюрное путешествие, участвуя в его живописных экспериментах, примеряет на себя все новые течения 1900–1910-х гг., распредечивается в искусстве авангарда, с тем чтобы вернуться в свою привычную, но всё же прошедшую определенные трансформации форму в искусстве 1920-х.

В большей мере прочувствованности тема отношения к лошади как спутнику жизни человека нашла отражение в поэзии и прозе, что, собственно, и позволяет нам говорить о семантическом наполнении концепта «лошадь» и «конь» в изобразительном искусстве с известной оглядкой на литературу. К образу коня или лошади в том или ином контексте обращаются и творцы всех направлений Серебряного века, и пролетарские поэты и писатели: С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, П. Васильев, Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Цветаева, В. Хлебников, Н. Заболоцкий, Ф. Сологуб, В. Шершеневич, А. Мариенгоф, Э. Багрицкий, А. Платонов, К. Паустовский и многие другие. Наиболее часто лошадь изображали В. Кандинский, Д. Бурлюк, М. Ларионов, М. Шагал, П. Филонов, из европейских мастеров — Франц Марк.

Для удобства мы определим несколько тем, связанных с изображением лошади, это: тема, которую мы сформулируем как «человек и лошадь» с возможными вариантами и подвариантами ее развития; «просто лошадь» — т.е. изображение лошади без седока; изображение всадника на коне; лошадь в пространстве города как значимый стаффаж; лошадь и всадники Апокалипсиса; лошадь как эмоциональный маркер исторической эпохи (революция, гражданская война, коллективизация) и важный смысловой ориентир; «лошадь в деревне» — крестьянская тема, к которой в будущем следует добавить изображение других сельскохозяйственных животных (назовем эту тему «скотный двор» и будем ее интерпретировать как символ оседлости); наконец, натюрморт с лошадиным черепом как классический вариант жанра *vanitas*⁹.

⁸ Дмитриев В. С. Купание красного коня // Аполлон. 1915. № 3. С. 17.

⁹ В качестве примеров приведем: А. Куприн. «Натюрморт с кактусом и конским черепом на черном фоне» (1917, ГРМ); И. Машков. «Натюрморт с лошадиным черепом» (1914, ГРМ), «Натюрморт. Зеркало и череп» (1919, ГРМ).

Из нашего дискурса исключены такие возможные жанры и сюжеты, связанные с конной темой в искусстве, как портрет лошади, батальный жанр, скачки, охота, цирк. Не попали в поле нашего зрения такие модификации коня, как Пегас и Кентавр. Мы помним также о том, что лошадка может служить детской игрушкой или быть связана с фольклорной традицией и часто встречается в народных росписях по дереву, в резьбе и вышивках.

Для краткости и наглядности выделим в тексте разделы: деревня, город, всадник, Апокалипсис, историческое событие (с остановкой на коллективизации).

Деревня

В нашем понимании лошадь ассоциируется с перемещением, транспортом, трудом, становится символом пути, верности, свободы (вольницы), силы, быстроты, красоты, мощи и движения. С лошадью отождествляется тема дороги как концепт, объединяющий путешествие, странствие, скитание.

Наиболее присущее коню свойство — движение — имеет также реверсивное значение — остановку, что помогает художникам и писателям развивать еще один существенный для русской культуры концепт, которым является крестьянский тип мышления. Таким образом, вечное перемещение, зачастую связанное с мечтой о счастье, оборачивается оседлостью, возвращением в природу, к истокам, к дому.

Изучаемый материал позволяет увидеть, что в пределах крестьянской темы выделяются некоторые заведомо общие схемы, предсказуемо топографические и сезонные классификаторы, повторяющиеся мотивы, которые могут быть перечислены. Для примера приведем картину К. Юона «На пашне» (1906), эскиз панно «Микула Селянинович» К. Петрова-Водкина (1918), один из ранних рисунков И. Клыона «Пахарь» (1910). Не менее часто встречается лошадь, запряженная в повозку, изображенная в разных ракурсах, чаще всего параллельно холсту стоящая или бегущая по деревенской дороге или городской улице, интерпретируемая как «пейзаж с лошадью». Такова, к примеру, пастель М. Ларионова начала 1910-х гг. Еще один вариант пейзажа с лошадью — когда изображено животное, мирно пасущееся на фоне лугов, полей, степей или улицы с деревенскими домами, как на рисунке из блокнота Л. Поповой «Деревенский пейзаж с лошадкой» (1908). Здесь намеренно названы работы мастеров, с чьими именами связано развитие в России авангарда. По этим рисункам мы видим, что со времен К. Коровина и «Союза русских художников» сюжет, который мы определяем как «лошадь в деревне»,

практически остается неизменным. Так, в 1924 г. в Третьяковской галерее состоялась выставка «Крестьянин в русской живописи», на которой были показаны в том числе подобные произведения, как, например, «Зима» Н. Крымова и «В деревне» Свиридова.

В то же время возможно появление в разных частях картины фрагментов чужого «текста», которые выявляются при желании без особого труда. Так, традиционная для искусства тема пашни (точнее, крестьянский земледельческий цикл от пашни до жатвы), продолжая свою жизнь в русском искусстве вплоть до 1920-х гг., не получает серьезного сюжетного развития. Не меняя содержания, этот сюжет приходит в искусство художников, экспериментирующих с формой.

В этом разделе особого внимания заслуживает масштабная трехчастная композиция Натальи Гончаровой «Ранняя весна» (1908, ГРМ), на первом плане которой изображена большая серая лошадь. Здесь следует отметить еще один аспект в изучении интересующей нас темы — обращение русских мастеров к искусству Запада, что позволяет нам поднять еще один вопрос: о странствиях, необязательно связанных с перемещениями, в которые пускаются русские художники в своем неудержимом стремлении к обновлению искусства. Сосредоточив внимание на не самом очевидном и не в первую очередь бросающемся в глаза, как, например, лошадь, мы можем увидеть возможные связи и пересечения, что только дополнит наши знания и догадки, при этом, совпадения между сегментами художественного произведения могут существенно варьироваться. К примеру, белая лошадь в «Девочке на шаре» Пабло Пикассо (1905, ГМИИ) — не тот образ, который мы видим сразу при взгляде на картину, тем более, она не является запоминающимся образом, скорее, существенным элементом построения композиции или привычной составляющей природного мира (пейзаж с лошадью). Зная об увлечении Н. Гончаровой Гогеном, мы сопоставляем ее «Раннюю весну» со «Сбором плодов» (1899, ГМИИ): лошадь, фигуры, деревья, художественная манера — всё это, несомненно, вызывает определенные домыслы.

Однако если искать здесь влияния, а они, очевидно, должны быть, есть вероятность, что Гончарова настолько внимательно смотрела на картину П. Пикассо «Девочка на шаре», что увидела то, что не бросается в глаза в первую очередь, тем более, не запоминается обычному зрителю, а именно — пасущуюся вдальке белую лошадь. Художница повторила ее дважды: на первом плане, многократно увеличив в размерах, и на дальнем, ровно в том месте, где помещена лошадь у Пикассо, заменив гимнаста на крестьянку, вознесшую руку

таким образом, что лошадь оказалась ровно под ее локтем по аналогии с локтем девочки, балансирующей на шаре. Само по себе изображение лошади у Гончаровой (а на картине их три) не наделяется глубинным смыслом. Но этот элемент угадывания ее перемещения из картины в картину привносит в образ дополнительную семантическую наполненность.

О роли животных в творчестве Марка Шагала и Павла Филонова написано немало, что позволяет нам воздержаться здесь от долгих объяснений, достаточно указать лишь некоторые ключевые характеристики: используя приемы примитивизма и экспрессионизма, оба художника стремятся к необычности, индивидуальной выразительности образов. Мир их картин — это мир, населенный людьми и животными, нераздельно связанными друг с другом и с миром природы, в котором они обитают. У нас есть основания думать о связи ряда произведений Филонова с иконой «Хвалите Господа с небес».

Картина Алексея Пахомова «Сенокос» (1925, ГРМ), лишенная нарочитых знаков социально-политических перемен, никак не проявляет своей революционности. Задуманная как «картина-песня», она становится продолжением сложившейся художественной традиции¹⁰. Эту традицию картины-притчи с ее панорамностью и широтой обзора Пахомов должен был унаследовать от Кузьмы Петрова-Водкина. В его не раз описанной исследователями картине «Полдень» (1917, ГРМ) лошадь выполняет определенную миссию: не только маркируя концепт пути — в данном случае жизни человека, в завершение которой совершается путь в мир иной (небесный, горный). Согласно введенным Петровым-Водкиным правилам «сферической перспективы» взгляд зрителя рассредоточивается, последовательно меняя точку зрения: от вида в целом — пейзаж с расставленными в нем мизансценами — в левый нижний угол, где помещена лошадь, везущая повозку с сидящим в ней человеком. Помещенная именно в этой точке картины, движущаяся по едва намеченной диагонали снизу вверх, лошадь вносит необходимый динамический элемент, символизирующий здесь путь человека от рождения до смерти — в правой части картины мы видим неспешно бредущую похоронную процессию, бережно несущую гроб. В сегменте, противоположном

¹⁰ «Много было от русской иконы в этой картине. Прежде всего, звучный цвет (косцы в белом и красном на зеленом поле травы) и плоскостность всей композиции. Но всё — и косцов, и траву, и кусты, каждую деталь я писал с натуры и был убежден, что ни траву, ни землю, ни людей никто так ранее не писал» (*Пахомов А. Про свою работу.* — URL: <http://www.fairyroom.ru/?p=22442> (дата обращения 10.09.2023)).

фрагменту с изображением повозки, художник изобразил небо. Таким образом, из левого нижнего угла картины в правый верхний совершается восхождение, означающее перемещение скорее духовного порядка, чем физического. Пространство картины дробится на ряд составляющих его фрагментов, собираемых воедино глазом зрителя, перемещающимся в произвольном порядке, но в итоге складывается в целостное изображение.

Похожий принцип панорамности созерцания деревенского пейзажа через «соборность» разрозненных фрагментов использует Давид Бурлюк в картине «Изображение с пяти точек зрения» (1912, частн. собр., Москва). Аппелирующее к примитивизму, но построенное по законам кубизма изображение раскладывается на сумму непоследовательных моментов. Картину позволяет поворачивать, разглядывать с разных сторон, поскольку Бурлюк в отличие от Петрова-Водкина не стремится к цельности, оставляя зрителя самостоятельно собирать картину из пазлов, при этом совпадения между сегментами могут существенно варьироваться. Идиллическую историю существования человека в гармонии с миром природы художник рассказывает, используя язык примитивизма, обращаясь к народному искусству с его яркими красками, эмоционально повествующими о радости бытия. И в этой счастливой Аркадии коню уделяется одна из главенствующих ролей. Казак Мамай оказывается в окружении пяти лошадей, с точек зрения которых, очевидно, предлагается взглянуть на окружающий природный мир зрителю (не случайно название картины «Изображение с пяти точек зрения»). В картине «Казак Мамай» (1916, Башкирский гос. худ. музей им. М.В. Нестерова) рядом с казаком изображен декоративный конь, заимствованный из народной росписи по дереву. Попутно мы можем отметить похожую по композиции картину Франца Марка («Мечта», 1912. Нац. музей искусств королевы Софии, Мадрид), но мог ли ее видеть Бурлюк, неизвестно.

В «Красном полдне» (1915–1918, Башкирский гос. худ. музей им. М.В. Нестерова) на первом плане перед зрителем выставлены основные символы деревенской жизни: лошадь, везущая повозку с сеном, крестьянин с кувшином в руке, крестьянка, несущая коромысло. В левом нижнем углу Бурлюком помещен особый для него знак — декоративное изображение скачущего желтого коня (каких не бывает) и бегущей за ним собаки (это сочетание мы уже видели в картине «Казак Мамай»). Желтый конь встречается и в других работах художника («Украинцы» (1912, ГРМ)). Этот образ восходит к одному из ранних произведений Д. Бурлюка — его картине «Лошадь-

молния» (1907, ГРМ). В конях Бурлюка привлекает свойственное им природное, вольное и стихийное начало, у «гилейцев» конь ассоциировался с идеей о мифическом животном, некогда существовавшем в Причерноморье — великой архаической степной цивилизации скифов. Как любая кубофутуристическая картина, «Лошадь-молния» наполнена движением. О реальном пейзаже напоминает лишь условно написанное голубое дерево и намеченные зеленым кусты на дальнем плане, конь же исключен из действительности и помещен в среду цветковых плоскостей. Становящиеся объемными и пересекающиеся, они создают иллюзию глубины пространства, как одновременно плоскостен и объемен сам конь, парящий в пространстве, лишенном свето-воздушной среды. Место света здесь занимает ярко-желтый вертикальный сегмент, он же — молния, соединяющаяся с изображением лошади в декоративный узор. Молния ассоциируется с ударом, вспышкой, блеском. «Лошадь-молния» для Бурлюка — футуристическая метафора, указывающая на скорость, быстроту, стремительность.

Нельзя не отметить интересное совпадение, требующее дальнейшей проработки: конь в «Ночном пейзаже» А. Дейнеки (1933, частн. собр.), посвященном памяти скончавшегося отца, написан, вероятно, с оглядкой на формальные опыты Бурлюка. Тогда как в его же «Футболе» (1924, частн. собр.) мы снова обнаруживаем мирно пасущуюся позади вынесенных на первый план спортсменов лошадь из «Девочки на шаре» П. Пикассо — это убеждает нас в том, что русские художники разных поколений находились под сильным впечатлением от картины французского мастера. Фрагмент с деревом и лошадью, инкрустированный в супрематическое пространство, в которое Дейнека помещает фигуры футболистов, парящие в безвесии, необходим художнику, экспериментирующему на грани конкретного и отвлеченного, абстрактного и явственного, как свидетельство реальности, не только живописной, но и той, на которую опирались русские мастера реалистического пейзажа.

Город

Чувство дома и, вместе с тем, возвращение в природу, вольница, с которой ассоциируется изображение лошади в деревенском пейзаже, позволяет затронуть еще одну проблему, неизменно важную для искусства на протяжении веков и обострившуюся в начале столетия и в 1920-е гг., — противопоставление двух пространств: города и деревни. Или даже еще сложнее, если принять во внимание формулировку Сигизмунда Кржижановского из рассказа «Странствующе странно» (1924): «свое привычное пространство, которое видишь

и с закрытыми глазами, которое несешь в себе, обжитое и исхоженное, почти застегнутое вместе с телом под пуговицы твоего пальто, в тебя»¹¹. То есть, пространство внешнее (его можно обозреть) и внутреннее — то, что можно проговорить, как это делают писатели и поэты, трудно изобразить, но изображенное художником позволено домыслить интерпретатору.

Не только деревенский, но и городской пейзаж интересующего нас времени не характеризуется изобилием и вариативностью представленных в нем элементов. Разнообразие вносит только стилистика, избранная тем или иным мастером.

Часто изображение коня встречается в произведениях французских художников — прежде всего, нас интересуют импрессионисты и постимпрессионисты, творчество которых служило источником вдохновения для русских мастеров. Мы можем привести много примеров картин, большая часть которых находится в собрании коллекций С. Щукина и И. Морозова (ныне в ГМИИ им. А.С. Пушкина и Государственном Эрмитаже)¹². Конка или лошадь с повозкой становятся неотъемлемыми и привычными элементами городского пейзажа. С появлением новых видов транспорта (трамвай, автомобиль) в «ведутах» 1920-х гг. лошадь продолжает свой бег по улице города¹³. Изображение ее как правило условно, иногда более конкретизировано, иногда лишь едва намечено, но обязательно узнаваемо, как что-то повседневное, будничное и обязательное, что видишь уже внутренним зрением, не нуждающимся в детализации. Кроме того, неизменно пребывающая в движении, лошадь является той деталью, которая вносит необходимый элемент динамики, присущей городским улицам. Здесь уместнее говорить о поэтике города, чем о начинении образа лошади глубоким семантическим или символическим наполнением.

¹¹ Кржижановский С.Д. Тринадцатая категория рассудка. М., 2006.

¹² К примеру: Жан-Франсуа Раффаэлли. «Бульвар Сен-Мишель» (1890-е, ГМИИ); Камилл Писсарро. «Оперный проезд в Париже. Эффект снега» (1898, ГМИИ); Жорж Дюфренуа. «Площадь в Париже» (1907, ГМИИ); Фриц Йохан Фредерик Таулов. «Бульвар Мадлен в Париже» (1896–1897, ГМИИ); Альбер Марке. «Мост Сен-Мишель в Париже» (1908, ГМИИ), «Дождливый день в Париже. Собор Парижской Богоматери» (1910, Государственный Эрмитаж) и др.

¹³ В. Кандинский. «Дама в Москве» (1912, Городская галерея в доме Ленбаха, Мюнхен); М. Ларионов. «Трамвай. Городская улица» (1911, Башкирский гос. худ. музей им. М.В. Нестерова, Уфа); Н. Гончарова. «Московская зима» (1910, Ульяновский обл. худ. музей); О. Розанова. «Городской пейзаж (Улица)» (1910-е, ГРМ); М. Ларионов. «Закат после дождя» (1908, ГТГ); Л. Туржанский. «Конка в Москве» (1920); К. Юон. «Лубянская площадь зимой» (1905, ГТГ), «Москворецкий мост. Старая Москва» (1911, ГТГ), «Лубянская площадь» (1920-е); В. Сидоренко. «Самотечная площадь» (1928); Б. Рыбченков. «За Бутырской заставой» (1931, Гос. музей искусств им. И.В. Савицкого, Нукус) и др.

На улицах провинциальных городов Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой и Ольги Розановой лошади с повозками кажутся настолько естественным явлением, что воспринимаются зрителем как органическая часть среды. Но в футуристическом городском пейзаже лошади уже не может быть места, как в «Городе» О. Розановой (1913, Нижегородский гос. худ. музей), в котором живое существо уступает место трамваю как символу нового города, а человек превращается в стаффаж. Однако когда в футуристическую картину полноправно возвращается человек, с ним рядом снова появляется верный спутник — лошадь (О. Розанова. «Постройка дома (Постройка завода)» (1913, Самарский обл. худ. музей)). Создавая свой первый лучистый пейзаж (литография «Город») ¹⁴, М. Ларионов вместе с трамваем переносит в него лошадь из сочетающей в себе примитивизм с приемами футуризма картины «Трамвай. Городская улица» (1911).

Художники 1920-х гг., обращаясь к популярному в те годы городскому пейзажу, также помещают бегущую с повозкой лошадь в пространство города как обязательную его составляющую. Мы можем видеть лошадь на городских фотографиях и кадрах кинематографа. Особенно примечательна картина Александра Лабаса «Городская площадь. Пионеры» (1926, Пермская гос. худ. галерея). Делая главным героем живописного полотна размещенный в самом центре композиции трамвай, художник помещает на первый план картины все виды городского транспорта — машины разных видов, велосипеды, но двум лошадям, впряженным в повозки, он придает особое значение — изображенные в разнонаправленном движении, они помогают сделать нижний фриз картины устойчивым, одновременно задавая эффект динамики в на первый взгляд статичную композицию. Как мы уже определили, связь «трамвайной темы» в искусстве революционного десятилетия с романтическими настроениями очевидна, тогда как лошадь вносит в городской пейзаж оттенок обыденности, чего-то настолько привычного, что уже не замечается, на чем не концентрируется внимание, но что является неотделимой частью среды, без которой представить ее невозможно. Она просто была всегда и есть, и в этом ее смысл. И всё же мы можем говорить о переменах, связанных с восприятием городского пространства и присутствия лошади в нем. Особенно красноречиво об этом сообщает опубликованная в журнале «Прожектор» (1928) ¹⁵ фотография Р. Кармена «Уходящее», на которой в ракурсе по наклонной диагона-

¹⁴ Из серии литографированных открытых писем, изданных А. Крученых (1912) (Российская государственная библиотека, Москва).

¹⁵ Прожектор. 1928. № 51. С. 16.

ли сверху вниз запечатлена запряженная в повозку лошадь. Здесь она обозначает устаревший городской транспорт, не выдерживающий конкуренции с автомобилем и трамваем¹⁶.

Той же теме посвящено внушительного размера полотно Петра Вильямса «Автопробег» (1930, ГТГ). На первом плане в правом нижнем углу мальчик пытается удержать напуганного мчащимися автомобилями жеребенка (есть еще эскиз, на котором рядом с жеребенком изображена лежащая лошадь). Картина Вильямса будто бы иллюстрирует сентиментальное стихотворение С. Есенина «Сорокоуст» (1920), посвященное А. Мариенгофу, в котором он описывает жеребенка, отчаянно догоняющего поезд, что имеет символический смысл¹⁷. Состязание «живых коней» и «стальной конницы» сливается у поэта с размышлениями о судьбах России. Ничего подобного нет у Вильямса. Художник любит действие, разворачивающимся на фоне конструктивистского пейзажа, наслаждаясь эффектным зрелищем технической мощи и скорости. Антитеза «природа — техническое развитие цивилизации», которой мы оперируем для уяснения себе круга идей 1920-х гг., здесь слишком упрощена и совсем не претендует на богатство идей или возможных подтекстов. Пара мальчик–жеребенок по-своему тоже динамична, но их органическая пластика и подвижность контрастируют с железной властью автомобилей, мощность моторов которых исчисляется в лошадиных силах.

Всадник

Через коня может быть реализован концепт странника-пилигрима, перемещающегося в пространстве и ощущающего свою связь с сакральным миром. И это не только всадник, здесь мы снова обращаемся к поэзии, отождествляющей поэта напрямую с конем, минуя наездника. В цитируемом ниже стихотворении Велимира Хлебникова обращается к Владимиру Маяковскому.

Ну, тащися, сивка
Шара земного.
<...>

¹⁶ См. также другое фото, повествующее об изменениях, пришедших в жизнь деревни: Д. Дебабов. «Смена эпох» // Советское фото». 1929. № 24. В кадр фрагментарно попали изможденная тощая лошадедка и колесо от трактора. Композиция задумана как противопоставление.

¹⁷ Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Есенин С. Сорокоуст. 1920.

Я запрег тебя
Сохой звездною,
Я стегаю тебя
Плеткой грезною.

<...>

Ну, тащися, сивка, по этому пути
Шара земного, — Сивка Кольцова, кляча Толстого.
Кто меня кличет из Млечного Пути?
А? Вова!
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму твоё благородное копытце!¹⁸

В этом контексте уместно вспомнить также пояснение Марины Цветаевой в письме Рильке по поводу её сборника «Ремесло» (1923): «... там найдешь ты св. Георгия, который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю. <...> Ибо всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник — оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: ВСАДНИК»¹⁹.

Здесь, конечно, вспоминаются многочисленные изображения всадников В. Кандинского.

Но, пожалуй, самым интригующим всадником XX в. в изобразительном искусстве стал петрово-водкинский мальчик, восседающий на красном коне²⁰. Разбираясь в наследии, на основах которого мог возникнуть «Красный конь», современные Петрову-Водкину критики находили истоки в новгородской иконописи: «Вот где мы найдем предтечу красной лошади и где также без всякого сожаления забывали о правдоподобии, чтобы одной чертой <...> дать нужную страсть и силу образу», — писал Вс. Дмитриев в журнале «Аполлон» в 1915 г. Приветствуя возвращение художника «на родную почву» и его интерес «к родному живописному наследию», не отвергали они и опыт западной школы, в особенности, влияние Гогена²¹. Сопоставив три картины — «Купание красного коня» Петрова-Водкина, «Бегство. Брод» Поля Гогена (1901, ГМИИ) и «Мальчика, ведущего лошадь» Пабло Пикассо (1905–1906, МОМА, Нью-Йорк), мы обнаружим очевидное сходство мотивов. Ещё более убедительным будет другой ориентир — «Белая лошадь» того же Гогена (1898, Музей Орсе,

¹⁸ Хлебников В. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М., 2001. С. 370–371 (стихотворение датировано 2 февраля 1922 г.).

¹⁹ Цветаева М.И. Письмо Р.М. Рильке. 12 мая 1926 г. — URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/pisma/letter-519.htm> (дата обращения 10.09.2023).

²⁰ К. Петров-Водкин. «Купание красного коня» (1912, ГТГ).

²¹ Дмитриев Вс. Указ. соч. С. 17.

Париж) с обнаженным всадником, восседающим на красном коне. Но если в картинах Гогена специалисты находят определенный символический подтекст, отсылающий к древним мифам и библейским сюжетам, связанным со смертью (всадники Апокалипсиса, Харон, река забвения и проч.), мальчик Пикассо ровно ничего не означает кроме того, что художник любит юношу и коня, а вот в полотне Петрова-Водкина разворачивается целая стихия. Сильное впечатление, которое зритель получает от картины, объясняется в первую очередь цветом коня. Хотя красный конь до Петрова-Водкина появляется не только у Поля Гогена, но у Франца Марка и Давида Бурлюка, возможно, у других художников тоже, в народных росписях по дереву²² и вышивках, но именно Петров-Водкин и толкователи его произведения доводят изображение красного коня до уровня символа, наделяя его мистической многослойностью.

В дальнейшем художник еще как минимум дважды обратится к найденному им удачному мотиву. Таковы его «Жажущий воин» (1915, ГРМ) — картина, часто встречающаяся в иллюстрированной периодике военного времени, и «Фантазия» (1925, ГРМ). Если в «Фантазии» юноша снова скачет на красном коне, то в «Жажущем воине» конь белый, а юноша изображен загорелым до красноты.

Здесь стоит вспомнить еще две картины, на которых снова появляются красные кони (смысл обеих отражен в их названиях), — «Красные кони (Кони счастья)» Н. Рериха (1925, Нижегородский гос. худ. музей) и «Скачет красная конница» К. Малевича (1928–1932, ГРМ).

Как известно, к изображению всадника много раз обращается Василий Кандинский. Созданное им вместе с Францем Марком в 1911 г. объединение носило название «Синий всадник», а издаваемый объединением одноименный альманах, обложку с синим всадником для которого сделал Кандинский²³, согласно замыслу, должен был стать «зеркалом» новой художественной культуры²⁴. При чем синий конь — задумка более оригинальная, чем красный. Красный — утрированный вариант рыжего, каких много (собственно, Петров-Водкин и «начинал с обыкновенной рыжей лошадки»²⁵).

²² См. к примеру: Прялка. Борок. Арх. губ. (1890, ГРМ) и др.

²³ Мотивом для гравюры 1911 г. послужил образ, к которому не раз обращался В. Кандинский: «Святой Георгий освобождает принцессу». Гравюра печаталась в синем, красном и черном цветах.

²⁴ Франц Марк часто изображал коней, окрашивая их в синий и красный цвета. Два из многих примеров: «Красный и синий конь» (1912, Городская галерея в доме Ленбаха, Мюнхен); «Два коня. Красный и синий» (1912, Музей школы дизайна Род-Айленда, Провиденс, США).

²⁵ Дмитриев В.с. Указ. соч. С. 17.

Поэтам полюбилась эта метафора: «мчится пылающий конь» (Ф. Сологуб, 1915); «Пожирающий огонь — мой конь» (М. Цветаева, 1918); «Конь-огонь» (В. Маяковский, 1927) и др., тогда как синих коней в реальности не бывает.

Попутно надо сказать, что искусство Первой мировой войны изобилует батальными сценами конных атак, битв и схваток, воплощенных прежде всего в графике и растиражированных через газеты и журналы. О том, какую роль играли конь и лошадь в жизни воинов, свидетельствуют многие рисунки и гравюры военного времени. Но это отдельная тема.

Часто обращается к изображению лошади Михаил Ларионов. К концу 1900-х относится его композиция из трех лошадей и двух свинок «Лошади с пастухом» (ГРМ), очевидно, восходящая к иконе «Чудо о Флоре и Лавре» и свидетельствующая значению анималистического жанра в искусстве художника. Еще ранний период творчества Ларионова показывает его заинтересованность в мотиве всадника («Всадник». 1901–1903, ГРМ). Понятно, что конь не мог не присутствовать в солдатской серии: это и наездник, скачущий по улице провинциального города²⁶, и спешившийся солдат в лесу²⁷, и рисунок лошади, сделанный «неумелой» рукой на заборе²⁸. Как известно, в творческих исканиях М. Ларионова фольклорная традиция, народное искусство, лубок и детский рисунок занимали особенно важное место, что давно является объектом исследовательского внимания. В его картине «Солдат на коне» (1910–1911, Галерея Тейт, Лондон) изображение коня упрощено до предела, как если бы рисунок принадлежал ребенку. В своих размышлениях о фольклоре Ю. Лотман сравнивает скульптуру как вид высокого искусства, выстраивающий диалог со зрителем посредством монолога, с игрушкой: «Игра не подразумевает зрителей и монологического отправителя — она знает участников, активно вовлеченных в общее действие. Играющий становится соавтором текста произведения. Подобно тому, как фольклорный текст “разыгрывается”, то есть возникает во время игры, изображение тоже может быть превращено в объект игры: картинку “разыгрывают”, она выступает как стимулятор своеобразного действия»²⁹. Конь на картине Ларионова не настоящий, он напоминает игрушку, с которой надо

²⁶ М. Ларионов. «Улица в провинции» (1910, Екатеринбургский музей изобраз. искусств).

²⁷ М. Ларионов. «Солдат в лесу» (1911, Шотландская нац. галерея современного искусства, Эдинбург).

²⁸ М. Ларионов. «Отдыхающий солдат» (1911, ГТГ), «Солдаты (Танцующие солдаты)» (1909–1910, Музей искусств округа Лос-Анджелес, США).

²⁹ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. СПб., 1996. С. 657.

играть — брать в руки, ощупывать, покачивать, имитируя движение коня, повторяя что-то напоминающее «скок-скок-скок» (в правом верхнем углу мы видим буквы «ск»).

Животные — особая тема в творчестве Павла Филонова. Г. Ершов выделяет ее в раздел под названием «Люди и звери», обращая внимание на «высокую степень уподобления людей животным» и напротив — уподобление животных людям. Так, в акварели «Ломовые» «принцип изображения, деформации конских и человеческих голов один и тот же: широкие плоские носы, щелки-прорези, вывернутые ноздри». Как считает исследователь, «уподобление здесь — не поэтический троп, метафора, символический прием. Оно дается на уровне формы, жестко “в лоб”. <...> родство прежде всего в выявленной тяжести, непосредственности обоих живых существ, как биологических видов, которых суровая городская жизнь сделала необходимыми друг другу»³⁰.

Апокалипсис

Еще одно появление в искусстве коня имеет связь с Апокалипсисом. И Ольга Розанова, и Наталья Гончарова имели опыт изображения лошади — обе работали над оформлением книг Алексея Крученых («Взорваль» и «Пустынники. Пустынница» соответственно, обе 1913 г.). В графическом черно-белом цикле Н. Гончаровой «Мистические образы войны» изображение коня и оседлавшего ее всадника встречается пять раз (шесть с учетом иллюстрации «Явление Богоматери с младенцем Христом земному войску»): Святой Георгий, Монахи-воины, Александр Невский, Архангел Михаил — все они скачут на ладных и пригожих, как будто кукольных лошадках. При известной предсказуемости образов изображение лошади здесь становится главенствующим. Одна из иллюстраций озаглавлена «Конь блед». Драматургия конницы нагнетается в том месте, где два изображения контрастируют друг с другом — «Архангел Михаил» и «Конь блед». Мчащемуся на изящном резвом коне легкому и воздушному предводителю небесного войска архистратигу бесплотных сил Михаилу противопоставлен согбенный, сложивший крылья черный ангел смерти с косою в руке, сидящий на бледном, оскалившемся, косящем глазом коне, неуклюже ступающем по человеческим черепам.

На картине Алексея Рыбникова «Апокалипсис», написанной в 1918 г. (Гос. музей искусств им. И.В. Савицкого, Нукус), изображен

³⁰ Ершов Г.Ю. Темы, мотивы, сюжеты в творчестве Павла Филонова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/temy-motivy-syuzhety-v-tvorchestve-pavla-filonova/viewer> (дата обращения 10.09.2023).

босой всадник, облаченный в крестьянскую рубаху, трактованную как хитон, с весами в руках восседающий на вороном коне, символизирующем голод. Для максимальной выразительности художник использует кубистические приемы, но главным ориентиром для него становится русская фреска, отсылающая нас к вологовскому мастеру или экспрессивному стилю Феофана Грека. Конь воспринимается как безобидная игрушечная лошадка или более того — исхудавшая от голода кляча, а всё внимание сосредоточено на всаднике в пламенеющей рубахе и сине-черном фоне с всполохами, обозначающем грозное небо. Земля буквально горит под копытами игрушечного коня, и он не скачет, а, обжигаясь, беспомощно перебирает ногами. Тогда как лик всадника грозен, лошадиная морда выдает грусть и растерянность, вызванные непониманием происходящего.

Историческое событие

К концу 1920-х гг. мы можем добавить еще один символ³¹, воплощаемый через образ лошади — символический образ пугающих перемен и изгнания.

Картина Александра Тышлера «Махновщина (Гуляй-поле)» (1927, Киевский музей русского искусства) является частью целого цикла, посвященного Гражданской войне, и решена как пересечение двух сюжетов — всадники Апокалипсиса и «Похищение сабинянок». Ассоциации с Апокалипсисом возникают потому, что художник изображает четырех лошадей, запряженных попарно, и несущих квадриги с махновцами и похищаемыми ими «сабинянками», за которыми тянутся по земле, привязанные к повозкам веревками мужчины и женщины. Однако содержание Апокалипсиса распространяется на действие в целом — трагедию совершают люди. Животных Тышлер специально изображает отстраненными от происходящего — фантастически разноцветные (розовый, зеленый, голубой), как будто ожившие игрушечные лошадки весело скачут вперед, не осознавая творящегося безумства. Одна забавная деталь, немислимая в подобной сцене, играет едва ли не решающую роль, придавая изображению характер фантазмагории или галлюцинации, — соломенная шляпа, надетая на одного из коней, помещенного на первом плане. Тышлеру нравится надевать на лошадь шляпу, пример — другая картина из цикла — «Махновщина (Махно в гамаке)» (1932, ГМИИ).

Завершением наших наблюдений будет картина Казимира Малевича «Человек и лошадь», написанная на изломе двух десятилетий

³¹ Мы опираемся на принцип, сформулированный С. Аверинцевым: «Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ)» (Аверинцев С. С. Символ // БСЭ. Т. 23. М., 1976).

и датируемая началом 1930-х гг. То есть время ее создания совпадает с годом появления «Котлована» Андрея Платонова (1930), в котором есть такие строки: «Остаточные, необобществленные лошади грустно спали в станках, привязанные к ним так надежно, чтобы они никогда не упали, потому что иные лошади уже стояли мертвыми; в ожидании колхоза безубыточные мужики содержали лошадей без пищи, чтоб обобществиться лишь одним своим телом, а животных не вести за собою в скорбь»³².

У Платонова лошади «трудящиеся», «спокойные», «взволнованные», «угрюмые», «изнемогшие». По пронзительности реализации трагического замысла в литературном произведении сравнима с Платоновым только картина К. Малевича «Человек и лошадь». Снова человек и снова лошадь, как у Н. Гончаровой, как у Гогена, как в современных полотну работах А. Пахомова, М. Цыбасова, плакате Н. Терпсихорова³³, на которых человек изображается на фоне лошади, причем акцент делается на морде коня или, как сказал бы поэт: «лице волшебного коня» (Н. Заболоцкий)³⁴, и отсылает к серовской бабе с лошадью³⁵. Иначе у Малевича. Гипертрофированная фигура безрукого и безликого крестьянина, замершего в неловком шаге на фоне мирно пасущейся на нейтральном фоне белой лошади, вызывает оглушающее чувство тревоги и отчаяния, которым пропитан скорбный монолог крестьянина, обращенный к умирающей лошади («Жива ли ты, кормилица?») из платоновского «Котлована»³⁶. Монументальная кумачовая вертикаль, простирающаяся на всю высоту холста, загораживающая синеву неба и белую лошадь, безмятежно пасующуюся на зеленой траве, обезличенная фигура становится знаком бытийной драмы, совершающейся в деревне и, глубже, в мире человека. Пустой, лишь условно намечающий небо и землю фон здесь может быть интерпретирован как символ заброшенности, оставленности, одиночества, бездомья, ощущения вселенской пустоты. Чтобы соблюсти баланс в композиции, Малевичу была нужна

³² Платонов А. Котлован // Собр. соч. В 5 т. Т. 2. М., 2003. С. 46.

³³ М. Цыбасов. «Обоз на Северной Двине» (1928, Музей изобразительных искусств Республики Карелия, Петрозаводск); А. Пахомов. «Портрет ударницы Молдочовой» (1931, ГРМ); Н. Терпсихоров. «Иди в колхоз» (1930).

³⁴ Заболоцкий Н. «Лицо коня», 1926 г.

³⁵ В. Серов. «В деревне. Баба с лошадью» (1898, ГТГ).

³⁶ — Жива ли ты, кормилица? Лошадь дремала в стойле, опустив навеки чуткую голову; один глаз у нее был слабо прикрыт, а на другой не хватило силы, и он остался глядеть в тьму. Сарай остыл без лошадиного дыханья, снег западал в него, ложился на голову кобылы и не таял. Хозяин потушил спичку, обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, нюхая по памяти пот кобылы, как на пахоте. — Значит, ты умерла? Ну ничего, я тоже скоро помру, нам будет тихо (Платонов А. Указ. соч. С. 46).

горизонталь, и он буквально забирает у Пикассо лошадь («Девочка на шаре». 1905, ГМИИ), или изымает ее из полной жизни горизонтально вытянутой композиции «Ранняя весна» Н. Гончаровой (1908, ГРМ) и переносит в свою картину с крестьянином. Лошадь здесь ничего не символизирует, она заполняет собой пространство. Но умиротворенное состояние неразумного существа, не осознающего своей участи как жертвенного животного, вносит необходимый в данном случае диссонанс, выставляя на первый план пребывающую в состоянии отчаянного непокоя фигуру человека, переживающего трагедию. В картине Малевича уже ничего не осталось от реализма, поэтому и конь воспринимается не живым, а призраком, миражом, тенью коня.

Здесь вспоминается и есенинское «Конь издох, опустел наш двор» («Эх вы, сани», 1925), и «Когда умирают кони — дышат» В. Хлебникова (1912), и «Поэма ухода» М. Исаковского (1929), и убийство мужиком голодного коня в стихотворении Павла Васильева «Конь» (1932)³⁷.

Подводить итоги начатому исследованию рано, но на данном его этапе уже есть основания полагать, что картиной К. Малевича была поставлена своего рода точка в попытках художников первой трети XX в. осмыслить образ лошади в свете художественных и социальных перемен, происходящих в жизни России первых трех десятилетий XX в.

References

Lotman Yu.M. *O poetakh i poezii: analiz poeticheskogo teksta* [About Poets and Poetry: Analyzing a Poetic Text] / Intr. by M.L. Gasparov. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb, 1996. 846 p.

Yershov G.Yu. *Temy, motivy, syuzhety v tvorchestve Pavla Filonova* [Themes, Motifs, Plots in the Works of Pavel Filonov]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/temy-motivy-syuzhety-v-tvorchestve-pavla-filonova/viewer>

Поступила в редакцию
14 марта 2023 г.

³⁷ И когда по целованной
Белой звезде ударил,
Встал на колени конь
И не поднимался потом.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСОВ Николай Сергеевич** — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **РОГУЛЕВ Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук; **ФУНК Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 03.03.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 10,23. Тираж 120 экз. Изд. № 12310. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru